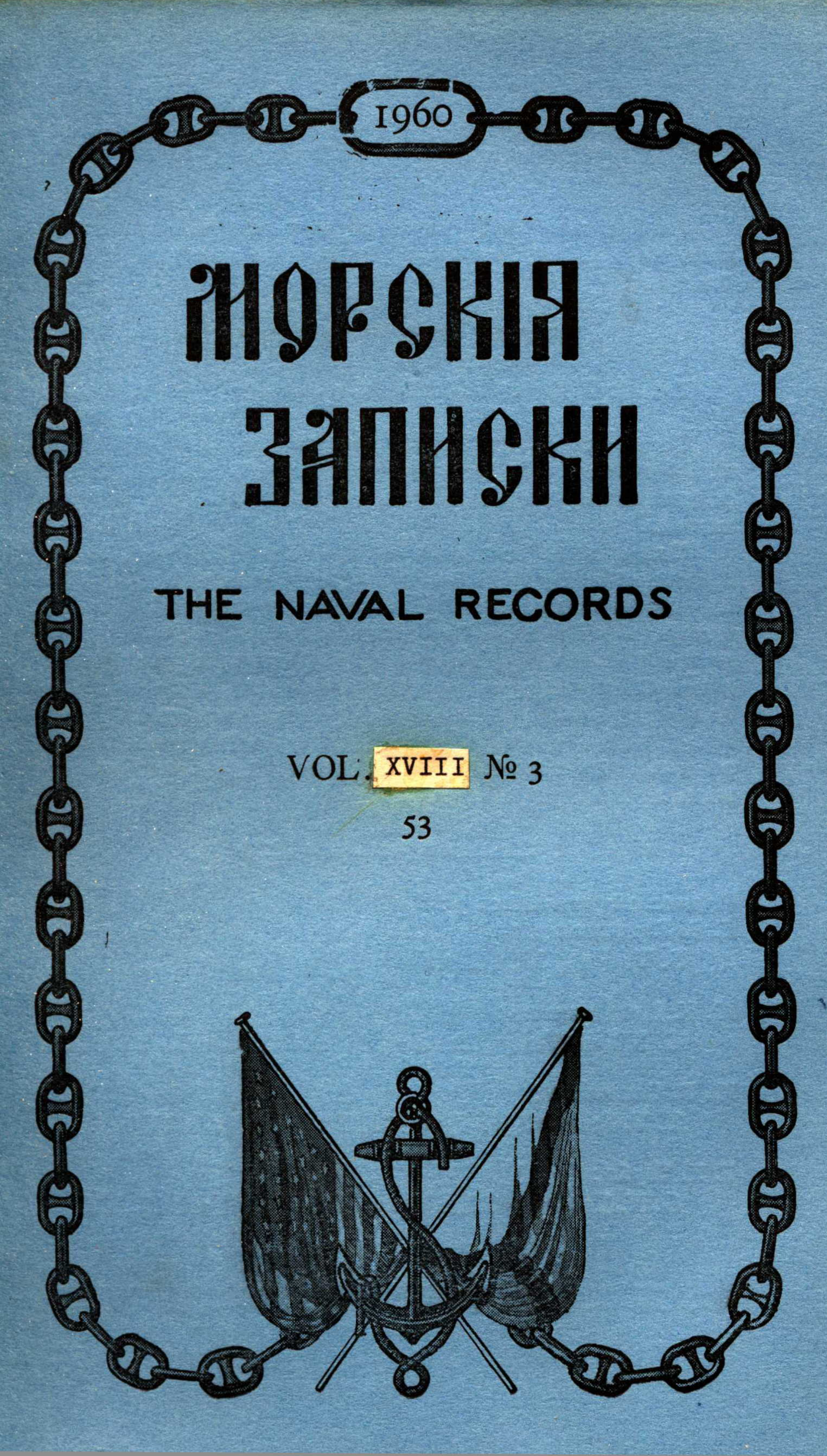

1960
МОРСКІЯ
ЗАПИСКИ
THE NAVAL RECORDS
VOL. XVIII № 3
53

Въ ближайшемъ будущемъ выйдутъ изъ печати и поступятъ въ продажу воспоминанія контръ-адмирала С. Н. Тимирева.

«ЗАПИСКИ МОРСКОГО ОФИЦЕРА»

Балтійскій флотъ въ войну и революцію 1914 - 18 г.г.

Этотъ историческій трудъ выходитъ въ свѣтъ съ большимъ опозданіемъ, такъ какъ получившій его отъ автора родственникъ только недавно передалъ ихъ въ морскую организацію.

Находясь съ начала войны въ Штабѣ Командующаго Балтійскимъ флотомъ въ должности Начальника Отдѣла Личнаго Состава, а затѣмъ командуя крейсеромъ «Баянъ», адмиралъ Тимиревъ имѣлъ возможность наблюдать происходящее, такъ сказать, изнутри, и въ своихъ воспоминаніяхъ даетъ интересныя, неопубликованныя еще подробности о боевой дѣятельности Балтійскаго флота въ 1-ую Міровую войну, безпристрастную характеристику начальствовавшихъ въ немъ лицъ и картину развала флота, начавшуюся съ первыхъ же дней февральской революціи.

Цѣна съ пересылкой $2.50

Подписка принимается у:
С. В. Гладкаго:
S. V. Glad, 3604 Broadway, New York 31, NY.

Ю. К. Дворжицкаго:
G. S. Dvorjitsky, 634 West 135th St., New York 31, NY.

Ю. В. Соловьева:
Y. V. Solovieff, 75 East 93rd St., New York 28, NY.

Г. Н. Таубе:
G. N. Taube, 465 Lexington Ave., New York 17, NY.

МОРСКІЯ ЗАПИСКИ

Издаваемыя Обществомъ Офицеровъ Россійскаго Императорскаго Флота въ Америкѣ

подъ редакціей Ст. Лейт. Бар. Г. Н. ТАУБЕ

465, Лексингтонъ авеню Нью-Іоркъ, С.Ш.А.

THE NAVAL RECORDS

Published by the Association of Russian Imperial Naval Officers in America, Inc.

G. N. Taube, Editor.

465 Lexington Avenue, New York 17, N. Y., U.S.A.

VOL. XVIII, № 3 (53) Price $ 3.00 yearly December 1960

СОДЕРЖАНІЕ :

Стр.

На подводной лодкѣ «Тюлень»
Кап. 1 р. М. А. Китицынъ 3

1. Къ 50-тилѣтію Военно-Морского Отдѣла Николаевской Морской Академіи.
2. Вліяніе опыта войны съ Японіей на реформы въ русскомъ флотѣ.
Проф. А. Д. Бубновъ .. 29

Вице-адмиралъ А. И. Непенинъ. (Опытъ біографіи). Продолженіе.
Контръ-адмиралъ Б. П. Дудоровъ 41

Военно-морскія дѣйствія въ Черномъ морѣ во вторую Міровую войну. Продолженіе.
П. А. Варнекъ 62

Эск. миноносецъ «Новикъ». Продолженіе.
Н. В. Кемарскій 86

Новое о совѣтскомъ флотѣ. Очередная сводка.
Стар. лейт. К. фонъ-Нотбекъ 100

CONTENTS :

Page

The exploits of the submarine «Tulein».
By Captain M. A. Kitizin 3

1. The 50th anniversary of the establishment of the Naval Branch of the St. Nicholas War College.
2. Influence of the expiriencer gained from the Japanese war, on reforms in the Russian Navy.
by Prof. A. D. Bubnov . . . 29

Vice-Admiral A. I. Nepenin. (An essay in biography) Continued
By Rear-Admiral Dudoroff.. 41

Naval actions on the Black Sea during the Second World War. Continued.
by P. A. Warneck 62

Destroyer «Novik» Continued.
by N. V. Kemarsky 86

Latest information about the USSR Navy.
By Lt. Cmdr. K. von Notbeck 100

M31

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
на

„МОРСКІЯ ЗАПИСКИ“

на 1961 г.

19 годъ изданія.

Цѣна $ 3.00 съ пересылкой.

Редакція

благодаритъ подписчиковъ и друзей «Морскихъ Записокъ» за поддержку и надѣется, что и въ будущемъ они дадутъ возможность продолжать изданіе этого журнала.

Редакція

не имѣя возможности разсылать напоминанія, проситъ постоянныхъ подписчиковъ не задерживать присылку подписной платы.

М. А. Китицынъ.

На подводной лодкѣ „Тюлень"

Подводныя силы Черноморскаго флота въ началѣ войны 1914-17 г.г. состояли изъ шести устарѣлыхъ подводныхъ лодокъ 100-200 тоннъ водоизмѣщенія, пригодныхъ лишь для дѣйствія у нашихъ береговъ. Но на Николаевскихъ судостроительныхъ заводахъ находился въ постройкѣ цѣлый рядъ новыхъ 500-тонныхъ лодокъ, которыя вскорѣ послѣ открытія военныхъ дѣйствій стали вступать въ строй въ слѣдующемъ порядкѣ: 1-й дивизіонъ: «Нерпа», «Тюлень», «Моржъ». 2-й дивизіонъ: «Нарвалъ», «Китъ», «Кашалотъ». Старыя лодки образовали 3-й дивизіонъ и хотя въ разныхъ случаяхъ принимали участіе въ военныхъ операціяхъ, ихъ главная функція была учебная, и онѣ были сформированы въ учебный отрядъ съ базой въ Балаклавской бухтѣ. На постройкѣ въ Николаевѣ было еще нѣсколько лодокъ, но онѣ въ теченіе войны готовы не были.

Лодки 1-го дивизіона, такъ называемыя типа Бубнова или Русско-Балтійскаго завода, по чертежу были не самаго послѣдняго слова подводнаго судостроенія, сравнительно простыя, надежныя, съ деталями, практически испытанными на старѣйшихъ типахъ. Надводными двигателями на нихъ должны были быть два дизеля по 1250 лошадиныхъ силъ каждый. Но эти дизеля были заказаны въ Германіи, до начала войны получены не были, и вмѣсто нихъ были установлены дизеля въ 250 лошадиныхъ силъ, снятые съ канонерскихъ лодокъ Амурской рѣчной флотиліи. Съ такой уменьшенной

мощностью нашъ «парадный» ходъ былъ всего лишь 6 - 1/2 — 7 узловъ. При короткихъ разстоянiяхъ въ Черномъ морѣ, однако, это было не такъ важно.

Съ другой стороны эта замѣна дала намъ нѣкоторыя преимущества: экономiю топлива и, благодаря этому, сильно увеличенный районъ дѣйствiя и значительный запасъ плавучести, пригодившiйся намъ при различныхъ передѣлкахъ и улучшенiяхъ, какъ, напримѣръ, установка артиллерiи.

Артиллерiю на этихъ лодкахъ мы стали устанавливать самую легкую и нѣсколько разъ ее увеличивали, пока въ концѣ 1916 года достигли предѣла съ двумя 75 мм. орудiями.

Лодки 2-го дивизiона были американскiя, типа Голландъ, и строились подъ наблюденiемъ американскихъ специалитовъ. По чертежу они были новѣе и сложнѣе русскихъ, но многiя изъ ихъ усовершенствованiй были на практикѣ не испытаны, нѣкоторыя были лишними и ихъ пришлось просто выбросить, другiя «переизобрѣсти» и упростить.

Видимо, американцы не имѣя заказовъ отъ своего правительства, учились на нашихъ. Все это сильно замедляло готовность лодокъ и ихъ вступленiе въ строй, и не будетъ преувеличенiемъ сказать, что главная тяжесть активныхъ дѣйствiй въ эту войну выпала на долю трехъ «русскихъ» лодокъ.

Кромѣ этихъ лодокъ былъ у насъ еще подводный минный заградитель «Крабъ». Это была уже совсѣмъ «теоретическая» лодка, переполненная массой неиспытанныхъ механизмовъ, которые отказывались дѣйствовать и безконечно чинились. Мы называли ее: «Торжество техники надъ здравымъ смысломъ». Однако, когда понадобилось дѣйствовать, «Крабъ», подъ командой стар. лейт. М. В. Поруцкаго, исправно поставилъ свои 60 минъ загражденiя въ устьѣ Босфора.

Личный составъ большихъ лодокъ состоялъ изъ командира, старшаго офицера, вахтеннаго начальника, инженеръ-механика и 44-хъ человѣкъ команды, изъ коихъ 33 ходили въ походы, а 11 поочередно оставались на базѣ.

На время походовъ офицерскiй составъ обыкновенно подкрѣплялся однимъ или двумя офицерами изъ штаба подводной бригады или съ еще неактивныхъ лодокъ, которые прiобрѣтали боевой опытъ и въ то же время давали возможность держать на лодкѣ правильную вахтенную службу.

Начало войны застало меня слушателемъ Николаевской Морской Академiи, которая, по объявленiи военныхъ дѣйст-

вій, была расформирована, и всѣ мы получили назначенія на Дѣйствующій флотъ.

Подводные спеціалисты въ Черномъ морѣ понадобились только послѣ вступленія въ строй новыхъ лодокъ, я сначала получилъ надводное назначеніе и вернулся въ подводное плаваніе только въ апрѣлѣ 1915 года.

Въ ожиданіи первой открывающейся ваканціи на командованіе большой лодкой я временно былъ назначенъ старшимъ флагъ-офицеромъ Подводной бригады, но начальникъ Бригады далъ мнѣ возможность ходить въ походы на всѣхъ лодкахъ въ качествѣ добавочнаго офицера. Я въ полной мѣрѣ воспользовался этимъ позволеніемъ, обыкновенно проводя двѣ недѣли въ походѣ и двѣ недѣли на базѣ и даже одинъ разъ, вернувшись съ похода на одной лодкѣ, немедленно вышелъ въ море на другой.

Наконецъ, въ октябрѣ 1915 года ваканція открылась, и я былъ назначенъ командиромъ «Тюленя».

Опытъ этихъ походовъ принесъ мнѣ громадную пользу: я чувствовалъ себя уже «дома» у непріятельскихъ береговъ, а наблюденія за дѣйствіями командировъ всѣхъ трехъ лодокъ дали мнѣ нѣсколько идей о томъ, что будетъ желательно предпринять съ лодкой подъ моей командой.

Наша дѣятельность въ это время заключалась въ блокадѣ Босфора, главнымъ образомъ на путяхъ сообщенія съ угольнымъ портомъ Зунгулдакомъ, расположеннымъ въ разстояніи немного болѣе ста миль къ востоку.

Первые походы «Тюленя» подъ моей командой ничѣмъ знаменательнымъ не отличились. Мы проникли въ устье Босфора, гдѣ обнаружили сторожевую канонерку, ходившую взадъ и впередъ поперекъ пролива. Она обстрѣляла нашъ перископъ и пробовала насъ таранить; мы выпустили въ нее двѣ торпеды, которыя, къ сожалѣнію, прошли за кормой. Когда мы стали маневрировать для повторенія атаки, она вошла вглубь пролива въ узкую его часть. На слѣдующее утро мы опять вернулись въ Босфоръ, но канонерки уже не нашли.

Однажды, когда мы, днемъ, въ надводномъ положеніи въ разстояніи миль 10-12 отъ Босфора, заряжали наши аккумуляторы, мы были внезапно атакованы непріятельскимъ аэропланомъ, который, прежде чѣмъ мы успѣли погрузиться, сбросилъ восемь бомбъ. Четыре упали по правую сторону лодки, четыре по лѣвую. Это было первое появленіе непріятельскаго аэроплана здѣсь, и послѣ этого случая наши под-

водныя лодки у Босфора всплывали въ надводное положенiе только ночью.

Мы уничтожили значительное количество парусныхъ судовъ, шедшихъ съ разными припасами изъ восточныхъ анатолiйскихъ портовъ въ Константинополь.

У меня лично сердце не лежало къ истребленiю этихъ маленькихъ и бѣдныхъ суденышекъ. Обыкновенно, по окончанiи нашего срока блокады, возвращаясь домой, мы проходили на востокъ вдоль берега въ надводномъ положенiи и часто неожиданно появлялись среди группъ заштилевшихъ шкунъ.

Несчастные «банабаки», бросивъ все на произволъ судьбы, торопливо гребли на маленькихъ шлюпкахъ къ берегу, а мы, подходя къ каждому судну по очереди, или зажигали его посредствомъ пакли съ керосиномъ, или взрывали небольшимъ подрывнымъ патрономъ.

Однажды мы захватили очень стройную бригантину, новую, всю бѣленькую, съ чистыми парусами. Я взялъ ее на буксиръ и привелъ въ Севастополь съ цѣлью предложенiя ея Севастопольскому Морскому Корпусу для парусной практики кадетъ. Къ сожалѣнiю, въ Морскомъ Корпусѣ ее нашли для этого непригодной.

Такъ прошла зима 1915-1916 года. Наконецъ, въ мартѣ мѣсяцѣ произошла наша первая удачная встрѣча съ непрiятелемъ.

* * *

ПОДРЫВЪ «ДУБРОВНИКА».

19 марта/1 апрѣля 1916 года, «Тюлень», въ погруженномъ состоянiи, подъ перископомъ, медленно крейсировалъ взадъ и впередъ вдоль анатолiйскаго берега, въ нѣсколькихъ миляхъ къ сѣверу отъ него и въ 10-15 миляхъ отъ устья Босфора.

Двухнедѣльный перiодъ, въ теченiе котораго «Тюлень» долженъ былъ держать блокаду, подходилъ къ концу, припасы были почти на исходѣ, и на слѣдующiй день мы предполагали повернуть на сѣверъ — домой въ Севастополь.

Эти двѣ недѣли прошли однообразно и монотонно: отъ восхода до захода солнца хожденiе вдоль берега подъ водой, зорко наблюдая за устьемъ Босфора. Отъ захода до восхода солнца — надъ водой, подъ дизелями, заряжая батареи акку-

муляторовъ, держа полъ-ночи на сѣверъ и полъ-ночи на югъ, съ разсвѣтомъ погружаясь приблизительно тамъ же, гдѣ всплыли наканунѣ. За все это время ничего знаменательнаго не случилось, мы не видѣли ни одного дыма или паруса. Этотъ день начался также какъ предыдущій, и мы уже примирились съ мыслью, что и этотъ походъ будетъ безплоднымъ.

Вдругъ, около полудня, изъ боевой рубки доложили, что на востокѣ видны дымы. Всѣ въ лодкѣ встрепенулись, я быстро поднялся въ рубку и занялъ свое мѣсто у перископа. Осмотрѣвшись и увидѣвъ приближающихся съ востока нѣсколько густыхъ дымовъ, я скомандовалъ боевую тревогу, повернулъ на югъ и пошелъ на сближеніе. Вскорѣ изъ-за горизонта показались верхушки трубъ, затѣмъ корпуса и, наконецъ, открылась полная картина. Вдоль берега двигался, по направленію къ Босфору, громадный, однотрубный пароходъ, низко загруженный. Его конвоировалъ двухтрубный истребитель типа «Милетъ».

Истребитель, идя болѣе значительнымъ ходомъ чѣмъ пароходъ, циркулировалъ вокругъ него по часовой стрѣлкѣ.

Когда мы были уже довольно близко къ цѣли, истребитель, обогнавъ пароходъ со стороны берега, прошелъ у него подъ носомъ и взялъ курсъ намъ навстрѣчу.

Ввиду быстраго приближенія цѣли къ позиціи атаки и, вмѣстѣ съ тѣмъ, необходимости быть на-чеку, если истребитель насъ откроетъ и попытается таранить, я рѣшилъ взять нѣкоторый рискъ и атаковать не скрывая перископа. Рискъ, по моему мнѣнію, былъ не великъ, погода для атаки была идеальная — ясный солнечный день, свѣжій вѣтерокъ, бѣлые барашки, затрудняющіе противнику открытіе перископа, но недостаточно высокія волны, чтобы мѣшать нашей видимости.

Истребитель быстро приближался контръ-курсомъ, и я, отвернувъ перископъ отъ цѣли, сосредоточилъ все вниманіе на немъ, разсчитывая, что, если онъ замѣтилъ перископъ, направится на него таранить, или случайно возьметъ направленіе прямо на насъ, у меня будетъ хорошій шансъ или маневромъ вертикальнаго руля, или увеличивъ глубину на нѣсколько футъ, избѣгнуть поврежденія или ограничиться сломаннымъ перископомъ. При глубинѣ, которую мы держали, верхъ нашей рубки былъ 12 футовъ подъ водой, углубленіе истребителя не могло быть больше 15-16 футъ. Глубоководныхъ бомбъ въ этотъ періодъ войны еще не существовало, по крайней мѣрѣ мы о нихъ не слышали.

Истребитель насъ не открылъ, мы разошлись правыми бортами, очень близко, я ясно видѣлъ его палубу и людей, державшихся за поручни на качкѣ. Проводивъ его перископомъ за траверсъ и разсчитывая, что даже въ случаѣ мало вѣроятнаго предположенія, что если онъ откроетъ нашъ перископъ послѣ того, какъ оставитъ его за кормой на большомъ ходу, ему придется затратить не малое время, чтобы развернуться на 180 градусовъ и поймать его опять, я «забылъ» о немъ и сосредоточилъ все вниманіе на цѣли, съ которой мы уже почти сблизились на дистанцію атаки.

Атака вышла классическая, какъ на ученіи. Взаимное положеніе лодки и цѣли идеальныя, курсы сходящіеся подъ прямымъ угломъ, дистанція 5-6 кабельтовыхъ, ходъ лодки самый малый и позиція лодки внутри круга, описываемаго конвоиромъ!

Вотъ уже форштевень цѣли подходитъ къ вертикальной линіи перископа, установленнаго на уголъ опереженія разсчитанный на ходъ цѣли въ 10 узловъ.

— «Правый аппаратъ товсь!» — Эта команда произносится медленно и раздѣльно, какъ бы успокаивая минера на ручкѣ аппарата, чтобы онъ въ волненіи не дернулъ ее преждевременно. Цѣль слегка перешла форштевень и вертикальную линію перископа.

— «Правый аппаратъ ПЛИ!» — это громко и рѣзко. Лодка слегка содрогнулась.

— «Лѣвый аппаратъ товсь!» — Нѣсколько секундъ ожиданія пока вертикальная линія дойдетъ до положенія слегка впереди ахтерштевня.

— «Лѣвый аппаратъ ПЛИ!» — Лодка содрогнулась. Вертикальному рулевому: — «Лѣво на бортъ!» Горизонтальному рулевому: «Быстро погружайся шестьдесятъ футъ!». Оба рулевые завертѣли свои штурвалы, застучали рулевые моторы, окуляръ перископа скрылся подъ водой — и черезъ 37 секундъ напряженнаго ожиданія, пока мы еще разворачивались и углублялись, мы услышали заглушенный и длительный звукъ подводнаго взрыва!

Продержавшись на большой глубинѣ на сѣверъ четверть часа, мы стали постепенно всплывать. Показавши перископъ на 3-4 фута, я быстро осмотрѣлся на 360 градусовъ вокругъ и убѣдившись, что въ немедленной близости все «чисто», всплылъ на полную высоту перископа и приказалъ поднять второй перископъ, чтобы дать возможность сигнальщику и какъ

можно большему числу людей въ рубкѣ подробно осмотрѣться. Мы увидѣли истребитель уже далеко, идущiй полнымъ ходомъ, судя по горизонтально разстилающемуся дыму изъ его трубъ, по направленiю къ Босфору. Пароходъ же — исчезъ безслѣдно. По крайней мѣрѣ, съ нашего двѣнадцатифутоваго возвышенiя перископа мы его не открыли и предположили, что наши торпеды его утопили. Но пароходъ не утонулъ: смѣнившая меня на блокадѣ подводная лодка «Моржъ» черезъ нѣсколько дней послѣ атаки открыла его выбросившимся на песчаный пляжъ, недалеко отъ устья рѣки Сакарiи.

Командиръ «Моржа» стар. лейт. В. В. Погорѣцкiй, подойдя къ нему такъ близко, какъ позволяла глубина, выпустилъ въ него въ упоръ двѣ торпеды. Впослѣдствiи, черезъ нашу развѣдку, мы узнали, что это былъ австрiйскiй пароходъ по имени «Дубровникъ».

Этотъ его походъ былъ послѣдней попыткой непрiятеля поддерживать сообщенiе съ Зунгулдакомъ днемъ. Съ этого времени турки предпринимали только ночные походы.

* * *

РАЗВѢДКА У ВАРНЫ.

Въ одинъ изъ ясныхъ iюльскихъ дней на флагманскомъ кораблѣ «Георгiй Побѣдоносецъ» поднялся сигналъ: «Подводной лодкѣ «Тюлень» приготовиться къ походу въ 24:00 часа (полночь)».

Сигналъ этотъ неожиданностью не являлся, мы его ожидали. Какъ разъ къ этому времени лодка по расписанiю должна была быть въ полной готовности, и я, взявши съ собой карты непрiятельскихъ береговъ, отправился на «Георгiй» за инструкцiями.

Порядокъ сношенiя съ штабомъ у насъ выработался слѣдующiй: по полученiи приказанiя о выходѣ, командиръ являлся Флагъ-Капитану по Оперативной части и получалъ отъ него всѣ инструкцiи и указанiя. По приходѣ лодки изъ похода процедура была болѣе формальная; командиръ, въ сопровожденiи Начальника Бригады, являлся на «Георгiй», былъ принимаемъ Командующимъ Флотомъ и въ присутствiи флагъ-капитана и, иногда другихъ чиновъ штаба, дѣлалъ подробный словестный докладъ о дѣйствiяхъ лодки, который потомъ сопровождался письменнымъ.

Поэтому, я былъ удивленъ, когда флагъ-капитанъ кап. 1 р. М. И. Смирновъ, принявъ меня, спросилъ что мнѣ нужно. Я отвѣтилъ, что выхожу въ полночь и прибылъ за инструкціями. Слегка подумавъ, онъ отвѣтилъ, что мое назначеніе чрезвычайно секретно, я получу инструкціи въ послѣдній моментъ и онъ проситъ меня пріѣхать за ними за четверть часа до выхода.
проситъ меня пріѣхать за ними за четверть часа до выхода.

Въ недоумѣніи я вернулся на лодку и принялъ участіе въ послѣднихъ приготовленіяхъ къ походу.

Въ 11:45 я опять сидѣлъ въ пріемной штаба на «Георгіи».

Флагъ-офицеръ оперативной части лейтенантъ Г. М. Веселаго передалъ мнѣ, что флагъ-капитанъ сожалѣетъ, что долженъ меня задержать на нѣкоторое время, такъ какъ адмиралъ держитъ сейчасъ важное совѣщаніе, на которомъ флагъ-капитанъ долженъ присутствовать. Я отвѣтилъ, что мое дѣло маленькое, я могу ждать сколько угодно, что только лодка выйдетъ не въ полночь, какъ мы обыкновенно пріурочивали нашъ выходъ, а когда получу инструкціи. Все помѣщеніе штаба было полно дѣятельностью, какъ растревоженный муравейникъ. Взадъ и впередъ пробѣгали чины штаба и разсыльные; когда сосѣдняя дверь открывалась, слышенъ былъ голосъ адмирала. Флагъ-капитанъ нѣсколько разъ проходилъ черезъ пріемную и каждый разъ выражалъ сожалѣніе въ задержкѣ. Я сидѣлъ въ своемъ углу съ трубкой свернутыхъ картъ и терпѣливо ждалъ. Вотъ уже далеко за полночь, часъ, два, три ... Наконецъ, къ тремъ часамъ все успокоилось, флагъ-офицеръ отворилъ дверь и доложилъ, что флагъ-капитанъ проситъ.

Въ каютѣ кромѣ флагъ-капитана и флагъ-офицера я увидѣлъ также Начальника Развѣдки кап. 2 р. А. А. Нищенкова, милѣйшаго человѣка, который поставилъ дѣло развѣдки на большую высоту. У меня съ нимъ были очень дружескія отношенія. Онъ иногда давалъ мнѣ, совершенно неофиціально, порученія высмотрѣть для него то или другое у непріятельскихъ береговъ, а также снабжалъ меня такими же неофиціальными свѣдѣніями, которыя могли намъ быть полезными.

Флагъ - капитанъ началъ объяснять мнѣ наши заданія. «Черезъ нѣсколько дней флотъ предполагаетъ произвести воздушный налетъ на Варну. Наши два авіаносца, подъ охраной эскадры, подойдя къ Варнѣ спустятъ аэропланы для атаки судовъ и пловучихъ средствъ противника. Моя задача

будетъ состоять въ томъ, чтобы незамѣтно развѣдать расположеніе судовъ, что дастъ намъ возможность распредѣлить наши воздушныя силы, направивъ то или иное количество аэроплановъ въ мѣста большаго или меньшаго скопленія судовъ. Портъ Варны представляетъ собой подковообразную бухту въ 5 миль длиной и въ 5 шириной. Въ глубинѣ ея находится закрытая моломъ гавань. Изъ гавани каналъ соединяетъ ее съ озеромъ, гдѣ находится внутренняя гавань.

Кромѣ того, въ сѣверо-восточномъ углу бухты, гдѣ расположенъ дворецъ болгарскаго царя Евксиноградъ, имѣется другая небольшая гавань, защищенная моломъ, гдѣ можно ожидать средоточія подводныхъ лодокъ*).

По свѣдѣніямъ нашей развѣдки подходы къ Варнѣ были недавно заминированы. Съ сѣвера и съ юга въ минныхъ поляхъ имѣются фарватеры расположеніе которыхъ намъ неизвѣстно. Сѣверный фарватеръ всегда открытъ, южный закрывается бономъ.

При этомъ флагъ-капитанъ вручилъ мнѣ листокъ бумаги съ планомъ миннаго загражденія. Я сталъ разсматривать планъ сначала съ интересомъ, потомъ съ недоумѣніемъ и наконецъ съ тревогой! Все морское пространство отъ границы румынскихъ территоріальныхъ водъ до параллели миляхъ въ шести къ югу отъ Варны и отъ берега до меридіана въ семи-восьми миляхъ къ востоку отъ нея было солидно заштриховано.

Я сталъ задавать вопросы.

— «Имѣются ли какія-либо, хотя приблизительныя, свѣдѣнія о сѣверномъ фарватерѣ?»

— «Никакихъ».

— «Могу ли я имѣть планъ Варны бóльшаго масштаба?» — на моихъ картахъ пятимильная Варнская бухта была величиной съ ноготь большого пальца!

— «Это все что имѣется»

— «Очевидно, если мы подойдемъ къ восточной границѣ загражденія, съ нашей небольшой высотою глаза, съ такого разстоянія мы ничего открыть не сможемъ».

Молчаніе.

---

*) Въ наши времена странно слышать, что подводная лодка должна была развѣдать эту обстановку для аэроплановъ, а не наоборотъ, но не надо забывать примитивное состояніе авіаціи въ эту эпоху. Аэропланъ краномъ съ авіаносца спускался на воду, разбѣгался по водѣ, снимался для короткаго полета и краномъ подымался на палубу авіаносца.

Это все было непохоже на инструкціи, которыя мы обыкновенно получали! Главное, мнѣ было неясно, что отъ меня требуется, и я сталъ волноваться. Я обратился къ сидящему молча Нищенкову.

— «Алексѣй Александровичъ, что Вы на это скажете?»

— «Да, задача очень трудная. Все же я полагаю, что попытаться войти въ бухту возможно».

Подумавши нѣкоторое время я постарался суммировать положеніе.

— «Михаилъ Ивановичъ, я очень хочу понять, что я долженъ сдѣлать. Бухта заминирована, фарватеръ неизвѣстенъ, развѣдка извнѣ минныхъ полей безполезна. Поэтому я желалъ бы имѣть точныя приказанія».

— «Въ этомъ случаѣ Вамъ придется отложить выходъ до утра. Адмиралъ сильно усталъ, и я не хочу его будить. Но адмиралъ ПРИКАЗАНІЯ ВОЙТИ ВЪ БУХТУ ВАМЪ НЕ ДАСТЪ!»

Ага! наконецъ-то я понялъ обстановку! Я припомнилъ свои размышленія еще со скамьи Морского Корпуса объ инициативѣ и отвѣтственности командира корабля, о военномъ воспитаніи, когда подчиненный принимаетъ нужное рѣшеніе безъ указки начальника! Понятно также стáло замедленіе до поздняго часа, когда адмиралъ ушелъ спать, и понятно, что адмиралъ приказанія войти въ бухту дать не можетъ!

Какъ выполнить операцію яснѣе не стало, но съ сознаніемъ, что вся отвѣтственность за рѣшеніе ложится на мои плечи, я, по крайней мѣрѣ, понялъ, что отъ меня требуется, и сразу сталъ спокойнѣе. Слегка устыдившись моей просьбы опредѣленныхъ приказаній, я обратился къ флагъ-капитану:

— «Нѣтъ, Михаилъ Ивановичъ, не будемъ безпокоить адмирала! Я выйду немедленно, и на мѣстѣ мы увидимъ и сдѣлаемъ все, что возможно!»

Въ напряженной атмосферѣ какъ-будто раздался вздохъ облегченія, а Нищенковъ, нагнувшись ко мнѣ, попросилъ по моемъ прибытии на лодку выслать за нимъ катеръ на Графскую пристань.

— «Какъ, значитъ и Вы идете съ нами? Я очень, очень радъ!»

Моральная поддержка для меня! Все же я вернулся на лодку въ тяжеломъ раздумьѣ.

На лодкѣ все было готово и всѣ были въ напряженномъ ожиданіи послѣ необъяснимаго замедленія.

—

Къ моему большому сожалѣнію, Начальникъ Бригады, который обыкновенно дожидался возвращенія командира изъ Штаба и присутствовалъ при выходѣ лодки, въ этотъ день чувствовалъ себя не совсѣмъ здоровымъ и уѣхалъ на берегъ. А съ нимъ-то мнѣ хотѣлось обсудить наше заданіе болѣе, чѣмъ съ кѣмъ бы то ни было!

Я собралъ своихъ офицеровъ и объяснилъ имъ обстановку, не скрывая затрудненій. Выслушавъ это, мичманъ Краузе сдѣлалъ первый конструктивный шагъ. Не говоря ни слова, онъ разложилъ на столѣ какую-то старую карту и на обратной ея сторонѣ сталъ вычерчивать Варну и подходы къ ней въ увеличенномъ масштабѣ, такъ что бухта, вмѣсто размѣра почти большого пальца, вышла величиной съ ладонь.

Пріѣхалъ Нищенковъ, мы снялись со швартововъ, вышли за бонъ и взяли курсъ на румынскіе берега.

Скажу нѣсколько словъ объ офицерскомъ составѣ «Тюленя». Служба на нашихъ трехъ лодкахъ была тяжелая, изматывала людей быстро. При постоянномъ притокѣ новыхъ подводниковъ изъ учебнаго отряда и при большомъ количествѣ ваканцій на еще неактивныхъ лодкахъ оборотъ офицеровъ былъ значительный, и въ первые мѣсяцы моего командованія, когда лодка, такъ сказать, не «утряслась», было много перемѣнъ. Но довольно скоро на «Тюлень» были назначены два прекрасныхъ молодыхъ офицера: лейтенантъ А. Е. Масловъ — старшій офицеръ и мичманъ Г. М. Краузе — штурманъ. Въ нихъ я нашелъ незамѣнимыхъ усердныхъ помощниковъ и лояльныхъ друзей. Вскорѣ къ нимъ присоединился инженеръ-механикъ лейтенантъ А. Максимовъ, и съ тѣхъ поръ перемѣнъ въ офицерскомъ составѣ не было. Наша группа, тѣсно спаянная между собой и съ «Тюленемъ», прошла на немъ, какъ говорится, черезъ огонь, воду и мѣдныя трубы, пока революція не развалила насъ.

Начальникъ Подводной Бригады контръ-адміралъ Клочковскій былъ незаурядной личностью. Умный, высоко-образованный офицеръ, прекрасный штурманъ и подводникъ, онъ былъ для насъ не только любимый и уважаемый начальникъ, но также другъ, учитель, авторитетъ. Въ немъ ничего не было показного, все настоящее. Я думаю, однимъ изъ нашихъ комплиментовъ ему было то, что когда онъ былъ произве-

день въ контръ-адмиралы, никто изъ насъ не думалъ обращаться къ нему «Ваше Превосходительство» — онъ попрежнему былъ для насъ Вячеславъ Евгеньевичъ, а заглаза «Вяча», какъ мы его знали еще съ мичманскаго чина въ подводныхъ классахъ.

* * *

Вскорѣ послѣ нашего выхода изъ Севастополя взошло солнце, на душѣ стало какъ будто не такъ мрачно и мы принялись обдумывать наши планы.

Какъ часто бываетъ въ жизни, кажущаяся неразрѣшимой проблема вдругъ упрощается, если разбить ее на составныя части и подойти къ рѣшенію каждой изъ нихъ въ отдѣльности.

Весь этотъ день я провелъ въ размышленіи и въ совѣщаніяхъ со всѣми офицерами, а главнымъ образомъ съ Нищенковымъ. Постепенно сталъ принимать форму общій планъ, затѣмъ стали становиться на свои мѣста детали и къ концу дня мы всѣ уже чувствовали себя бодрыми, увѣренными и готовыми.

Планъ, который, кстати сказать, былъ выполненъ до послѣдней подробности такъ, какъ выработанъ, былъ основанъ на слѣдующихъ предположеніяхъ.

Хотя заштрихованное пространство, показывающее мѣсто минныхъ полей, простиралось вплоть до болгарскаго берега, можно было логически предположить, что минный барьеръ былъ обставленъ для защиты порта отъ бомбардировки нашихъ кораблей съ востока. Непріятель въ сильной степени зависелъ отъ снабженія изъ нейтральной Румыніи, которое доставлялось туда въ громадномъ количествѣ на судахъ всѣхъ сортовъ, паровыхъ и парусныхъ, крупныхъ и мелкихъ. Поэтому, сѣверный фарватеръ для входа въ бухту, чистый отъ минъ, долженъ былъ быть широкимъ и несложнымъ. Непріятель просто не могъ себѣ позволить вводить и выводить съ лоцманомъ каждую парусную шхуну. Поэтому, для нашей лодки былъ вполнѣ нормальный рискъ подойти къ берегу въ румынскихъ территоріальныхъ водахъ и затѣмъ идти вдоль него къ югу, къ сѣверному входному мысу варненской бухты.

Здѣсь затрудненіемъ являлось отсутствіе надежныхъ картъ. У румынской границы берегъ былъ приглубый, но дальше къ югу онъ сопровождался полосой рифовъ съ подводными и надводными камнями. Эта полоса постепенно рас-

ширялась, пока, наконецъ, отъ сѣвернаго входного мыса рифъ простирался къ востоку на 1,2 мили. И даже это разстояніе было ненадежно, такъ-какъ оно было взято съ карты такого масштаба, гдѣ толщина карандашной линіи равнялась нѣсколькимъ сотнямъ футовъ и въ дѣйствительности оно могло быть или 1,0 мили или 1,4 миль! А наша самодѣльная карта была не карта, а просто картина, въ которую всѣ ненадежныя черты малаго масштаба вошли увеличенными въ 10 разъ.

Поэтому было рѣшено, опредѣливъ точно наше мѣсто у румынскихъ береговъ, продвигаясь къ югу, произвести компасную съемку болгарскаго берега и, обративъ нашу импровизированную карту въ болѣе точную, взять рискъ, пройдя сѣверный входной мысъ на разстояніи 1,2 миль и войти въ бухту.

Глубина на нашихъ предполагаемыхъ курсахъ была достаточная, за исключеніемъ опаснаго рифа у входа въ самой бухтѣ, гдѣ для лодки подъ перископомъ должно было оставаться подъ килемъ всего нѣсколько футъ воды.

Компасная съемка заключается въ слѣдующемъ: проходя вдоль берега и точно зная свой курсъ и ходъ, судно въ двухъ точкахъ (назовемъ ихъ станція «А» и станція «Б») беретъ по компасу (въ данномъ случаѣ по перископу, переводя углы потомъ на компасное направленіе) какъ можно бо́льшее количество угловъ на выдающіеся предметы у береговой линіи. Скажемъ, съ точки «А» взяты углы съ предметовъ №№ 1, 2, 3; съ точки «Б» на №№ 1, 2, 3, 4, 5. На бумагѣ чертится линія А - Б, и по угламъ съ точекъ «А» и «Б» уже можно нанести на карту предметы № 1, 2, и 3. Затѣмъ судно можетъ идти уже не стараясь держать опредѣленный курсъ и ходъ; на слѣдующей станціи — «В» оно опредѣляетъ свое мѣсто по предметамъ №№ 1, 2 и 3, беретъ второй уголъ и тѣмъ опредѣлитъ мѣсто предметовъ № 4 и 5 и возьметъ первый уголъ на слѣдующую серію предметовъ, № 6 и такъ далѣе. При продвиженіи впередъ строится сѣть линій, опредѣляющихъ точки мѣстонахожденія судна и предметовъ на береговой линіи. Рулевой унтеръ-офицеръ записывалъ все и сейчасъ же относилъ это внизъ въ каютъ-кампанію, гдѣ на большомъ столѣ была разложена наша самодѣльная карта, и на ней Нищенковъ и Краузе наносили результаты наблюденій и посылали мнѣ обратно съ унтеръ-офицеромъ перемѣну курса, если таковая была нужна. Послѣ Краузе мѣсто у перископа на нѣсколько секундъ занималъ Масловъ. Онъ обладалъ немалымъ художественнымъ

талантомъ и, такъ сказать, сфотографировавъ глазомъ общій видъ и выдающіяся детали примѣтныхъ мѣстъ, зарисовалъ ихъ по памяти, пока мы, скрывши перископъ, опять шли вслѣпую. А зарисовывать было что. Къ нашему большому интересу мы открыли на береговыхъ высотахъ нѣсколько бетонныхъ сооруженій — установокъ тяжелой артиллеріи. Всѣ они были точно нанесены на карту, и съ каждой былъ зарисованъ ландшафтъ.

Все это такъ напоминало мнѣ наши практическія занятія по съемкѣ въ гардемаринскомъ плаваніи, когда мы, на старомъ «Вѣстникѣ», въ Финскомъ заливѣ обходили кругомъ угрюмаго острова Гогланда.

Вотъ уже мы приблизились къ сѣверному входному мысу въ бухтѣ и нанесли его на карту. Съ этого момента наша съемка прекратилась, мы могли взять курсъ для прохожденія его на заданномъ разстояніи 1,2 мили.

Здѣсь мы приняли нѣкоторыя предосторожности. Ходъ былъ уменьшенъ до самаго малаго, и лодка была удиферентована слегка на-носъ, чтобы облегчить сходъ съ мели если мы ее коснемся.

Наконецъ опасное мѣсто пройдено, и. мы очутились въ бухтѣ.

Видъ былъ чрезвычайно живописный. Вода въ бухтѣ — какъ зеркало, бѣлые домики разсыпаны амфитеатромъ по гористому склону. На самомъ высокомъ мѣстѣ, какъ бы доминируя надъ городомъ, возвышалась громада собора съ куполомъ византійскаго стиля. Въ бухтѣ пустота. За моломъ — одинъ однотрубный пароходъ, судя по силуэту — одинъ изъ болгарскихъ вооруженныхъ пароходовъ «Борисъ» или «Кириллъ».

За Евксиноградскимъ моломъ — никого. Очевидно всѣ суда и пловучія средства сконцентрированы во внутренней гавани въ озерѣ. Описавъ медленную циркуляцію мы вышли изъ бухты, легли на обратный курсъ и къ заходу солнца, пройдя болгарскія и румынскія воды, опять были въ открытомъ морѣ.

На примитивныхъ подводныхъ лодкахъ того времени никакихъ средствъ для очищенія воздуха не существовало, и мы дышали тѣмъ же воздухомъ, съ которымъ закупорились 17 часовъ передъ этимъ — рекордъ для нашихъ лодокъ. Отъ ненормальнаго избытка углекислоты у всѣхъ насъ была страшная

головная боль, которая стала проходить, когда мы всплывши открыли люкъ, провентилировали лодку, и команда, посмѣнно, высыпала на мостикъ покурить и наполнить легкіе свѣжимъ воздухомъ.

Ободренные нашей удачной развѣдкой сѣвернаго фарватера и открытіемъ батарейныхъ установокъ, мы рѣшили дополнить нашу развѣдку изслѣдованіемъ южнаго подхода. Въ теченіе ночи, заряжая наши истощенныя долгимъ подводнымъ ходомъ батареи аккумуляторовъ, мы обошли кругомъ минныхъ полей и, погрузившись съ разсвѣтомъ, взяли курсъ вдоль берега на сѣверъ.

Здѣсь положеніе было гораздо проще и подходъ къ бухтѣ короче. Берегъ былъ обрывистый, приглубый безъ рифовъ и такъ какъ погода засвѣжела и были бѣлые барашки, я шелъ, не скрывая перископа, параллельно берегу и близко отъ него. Ничего стоящаго вниманія на берегу мы не открыли. Видъ берега впереди представлялъ собой перспективу мрачныхъ гористыхъ мысовъ одинъ позади другого.

Вотъ уже открылся послѣдній мысъ, за которымъ должна была находиться бухта. Помимо сообщеній развѣдки о томъ, что южный фарватеръ закрывается бономъ, я не имѣлъ намѣренія входить въ бухту и рѣшилъ повернуть, пройдя предпослѣдній мысъ передъ бухтой. Приближаясь къ траверзу этого мыса я увидѣлъ справа по носу на близкомъ разстояніи какой-то буекъ. Я прошелъ довольно близко отъ него, провожая его перископомъ. Когда буекъ оказался на траверзѣ, я опять повернулъ перископъ впередъ . . . ахнулъ и торопливо скомандовалъ: «лѣво на бортъ!» Мысъ, который я считалъ предпослѣднимъ, оказался послѣднимъ, мы опять были въ бухтѣ, опять я увидѣлъ амфитеатромъ разсыпанные бѣлые домики, византійскій куполъ собора, однотрубный пароходъ за моломъ! . . Когда мы проложили наши курсы на картѣ, «петли» нашихъ циркуляцій въ этотъ день и предыдущій почти касались другъ-друга въ серединѣ бухты!

Быстро развернувшись, мы пошли опять вдоль берега на югъ, вышли изъ района минныхъ полей и при значительно, къ тому времени, засвѣжевшей погодѣ повернули на Севастополь. По приходѣ туда на слѣдующее утро мы съ Начальникомъ Подводной Бригады отправились на «Георгій» и были приняты адмираломъ.

Адмиралъ Колчакъ, очевидно, былъ чѣмъ-то озабоченъ, казался очень нервнымъ, блуждалъ взглядомъ, какъ будто съ

нетерпѣніемъ и разсѣянно слушалъ пока я, развернувъ нашу порядочно потрепанную и замаранную карту, сухимъ и формальнымъ языкомъ вахтеннаго журнала докладывалъ всѣ подробности . . . «Въ такомъ-то часу, столько-то минутъ, легли на такой-то курсъ. Въ такомъ-то часу открыли такой-то мысъ . . . погрузились на глубину перископа . . . »

Вдругъ его острый взглядъ остановился на картѣ, и онъ, указывая пальцемъ на петли нашихъ циркуляцій въ бухтѣ, рѣзко перебилъ меня — «это . . . это что такое?»

— «Это мои курсы, Ваше Превосходительство!»

— «Какъ! Значитъ Вы вошли въ самую бухту?»

— «Такъ точно, Ваше Превосходительство».

Адмиралъ преобразился. Вскочилъ со стула, нагнулся надъ картой, съ энтузіазмомъ выслушалъ мой докладъ, задавая разные вопросы и, наконецъ, выразивъ мнѣ свою особую благодарность, отпустилъ насъ.

* * *

Награды за эту развѣдку были очень щедрыя. Мнѣ приказано было представить Нищенкова къ Георгіевскому оружію, всѣхъ офицеровъ къ Владиміру 4-й степени съ мечами и нѣкоторое количество команды къ Георгіевскимъ крестамъ.

Я былъ представленъ къ ордену Св. Георгія 4-й степени. Я не былъ особенно счастливъ этимъ представленіемъ, сомнѣваясь, что оно пройдетъ въ Георгіевской Думѣ и, откровенно говоря, эта развѣдка, какъ бы успѣшна она ни была, по моему мнѣнію Георгія не заслуживала, и представили меня къ нему только потому, что Георгіевское оружіе я уже имѣлъ. (Я получилъ его за подрывъ «Дубровника»).

Какъ потомъ оказалось, много мѣсяцевъ спустя, когда я уже имѣлъ Георгія, и за развѣдку не ожидалъ ничего, вдругъ вышелъ приказъ о награжденіи меня Владиміромъ 4-й степени съ мечами. По нѣкоторымъ причинамъ, о которыхъ я упомяну впереди, эта награда обрадовала меня чрезвычайно.

* * *

Долженъ прибавить, къ сожалѣнію, что развѣдка наша существенной пользы не принесла. Воздушный налетъ на Варну, который состоялся вскорѣ послѣ нашего возвращенія, былъ неудаченъ. Я не знаю подробностей, но слыхалъ только,

что погода сильно испортилась, аэропланы имѣли затрудненія при съемкѣ съ воды и мы потеряли одинъ изъ нихъ при спускѣ или подъемѣ съ авианосца.

ЗАХВАТЪ «РОДОСТО».

Наша встрѣча съ «Дубровникомъ» была одна изъ послѣднихъ эпизодовъ тѣсной блокады Босфора.

Въ іюлѣ 1916 года въ высшемъ командованіи Морскихъ Силъ Чернаго моря произошла перемѣна: вице-адмиралъ А. В. Колчакъ былъ назначенъ Командующимъ Флотомъ, замѣнивъ адмирала А. А. Эбергарта.

Адмиралъ Колчакъ, тотчасъ по вступленіи въ должность, предпринялъ операцію массивнаго загражденія минами подходовъ къ Босфору. Возможно, что эти загражденія принесли непріятелю потери и временныя неудобства, но, въ концѣ-концовъ, онъ протралилъ фарватеры нужные ему для сообщенія, для нашихъ же лодокъ съ этихъ поръ Босфоръ былъ закрытъ навсегда и только изрѣдка, съ окраины минныхъ полей, мы могли безсильно наблюдать тамъ дымы и какую-то дѣятельность.

Получилось странное положеніе: наши минныя загражденія прикрыли для непріятеля, отъ нашихъ же подводныхъ лодокъ, бо́льшую и самую чувствительную часть его путей сообщенія! И, конечно, наша служба у Босфора сдѣлалась болѣе монотонной и менѣе полезной.

Однажды, передъ заходомъ солнца, мы усмотрѣли вышедшій изъ Босфора и направлявшійся на востокъ небольшой дымъ. Очевидно, что это былъ очень маленькій пароходъ, пробирающійся вдоль берега на мелкой глубинѣ.

На полъ-дорогѣ между Босфоромъ и Зунгулдакомъ расположенъ небольшой островъ Кефкенъ — единственный выдающійся и приглубый пунктъ, который всякое судно на пути между ними должно обогнуть. По обѣ стороны его берегá образуютъ пологіе заливы съ мелями и рифами, вдоль которыхъ неглубоко сидящее судно можетъ пробираться и даже безъ особаго вреда для себя временно приткнуться къ берегу, но которые для подводной лодки были опасны и недоступны.

Наше мѣсто было восточнѣе парохода, и мы рѣшили встрѣтить его у Кефкена и, отрѣзавши отъ берега, попытаться захватить его «живьемъ» и привести въ Севастополь. Съ темнотой мы всплыли и полнымъ ходомъ подъ дизелями направились къ Кефкену, приготовили артиллерію и стали ожидать непріятеля на позиціи около полумили къ востоку отъ сѣверной оконечности острова, въ ожиданіи, что, пройдя островъ, онъ будетъ продолжать свой курсъ на востокъ. Ночь была спокойная, темная, безлунная. Черезъ нѣкоторое время мы увидѣли нашу цѣль. Это былъ очень маленькій колесный пароходикъ, по турецки «Ширкетъ». Эти ширкеты спеціально построены для легкаго пассажирскаго сообщенія между окрестностями Константинополя, и посылка такого неподходящаго судна въ Зунгулдакъ была показательной, до какой крайности дошелъ кризисъ снабженія моремъ у непріятеля.

Ширкетъ обрѣзалъ сѣверный мысъ острова и затѣмъ, къ нашему разочарованію, придерживаясь близко къ восточному берегу, сталъ пробираться вдоль него на югъ, между нами и островомъ.

Видя, что онъ ускользнетъ отъ насъ, мы открыли огонь и ринулись на него. Подойти близко къ нему мы не могли, такъ какъ берегъ въ этихъ мѣстахъ былъ мелкій и съ рифами. Изъ воды мы выловили полураздѣтаго «банабака», оказавшагося капитаномъ ширкета.

Однако судьба дала намъ второй случай.

19 сентября/2 октября, въ послѣдній день однообразнаго и утомительнаго двухнедѣльнаго періода блокады у края миннаго загражденія, мы опять увидѣли дымъ въ устьѣ Босфора и съ наступленіемъ темноты подъ дизелями, полнымъ ходомъ, направились къ Кефкену. На этотъ разъ я не прятался за островомъ, а подошелъ почти вплотную у его приглубаго сѣвернаго мыса, чтобы никто не могъ пройти между лодкой и берегомъ.

Наше артиллерійское вооруженіе въ это время состояло изъ 75 мм. орудія на носу и 57 мм. орудія на кормѣ, имѣя по 100 зарядовъ на каждое орудіе. Кромѣ постояннаго офицерскаго состава — старшаго офицера лейт. Маслова, мичмана Краузе и инж. мех. Максимова — на этотъ походъ мы имѣли съ другихъ лодокъ мичмана Ярыжкина и мичмана инж. механика.

Ночь была совершенно тихая, безоблачная, съ полной луной.

Около 11 час. ночи мы были на мѣстѣ въ полной готовности. Ожидать намъ пришлось недолго — около полуночи нашъ пароходъ появился съ запада. Первое, что мы замѣтили съ радостью — онъ былъ дальше чѣмъ мы отъ берега, а второе — съ изумленіемъ, что это былъ не маленькій ширкетъ, а большой океанскій пароходъ. Когда онъ поравнялся съ нами мы легли съ нимъ на параллельный курсъ и открыли огонь изъ обѣихъ орудій съ разстоянія приблизительно одной мили. Вскорѣ мы получили сюрпризъ — пароходъ сталъ отвѣчать на нашъ огонь и мы увидѣли, что у него тоже два орудія. Это было очень непріятно. Подводныя лодки не должны вести артиллерійскаго боя съ надводнымъ судномъ. Наши снаряды могутъ сдѣлать дюжины пробоинъ въ корпусѣ надводной его части безъ серьезнаго вреда ему, тогда какъ даже единственное его попаданіе или топитъ лодку, или, въ лучшемъ случаѣ, дѣлаетъ ее неспособной погружаться и, разумѣется, если бы я заранѣе зналъ положеніе, было бы преступно взять такой рискъ, такъ какъ подводная лодка имѣетъ слишкомъ большую военную цѣнность въ сравненіи съ коммерческимъ пароходомъ. Но разстояніе было слишкомъ небольшое. Логическій выходъ былъ бы повернуть на обратный курсъ и выйти изъ обстрѣла, или потопить его торпедой, но . . . нашъ низкій силуэтъ былъ на фонѣ темнаго берега, пароходъ освѣщенный полной луной, былъ у насъ на виду со всѣми деталями, а главное — наши первые выстрѣлы показали попаданія (мы цѣлили въ командный мостикъ), и на пароходѣ начались пожары.

Вдругъ, послѣ очень короткаго, какъ мнѣ показалось, артиллерійскаго боя, наше кормовое орудіе прекратило огонь, и съ кормы доложили, что всѣ снаряды истрачены.

— «Носовое орудіе — прекратить огонь! Сколько снарядовъ осталось на носу?» — «Четыре!»

Въ это время мы замѣтили, что пароходъ тоже прекратилъ стрѣльбу и сталъ уменьшать ходъ.

Я подозвалъ Маслова, который управлялъ стрѣльбой носового орудія, и сообщилъ ему, что иду на сближеніе съ цѣлью, и, когда мы будемъ на разстояніи полумили и я ско-

мандую открыть огонь, онъ долженъ, не торопясь и взявъ тщательный прицѣлъ, выстрѣлить три снаряда въ упоръ въ командный мостикъ, затѣмъ зарядить орудіе послѣднимъ снарядомъ и продолжать держать мостикъ на прицѣлѣ, но безъ моей команды не стрѣлять.

Когда мы приблизились и сдѣлали три выстрѣла, пароходъ медленно повернулъ на сѣверъ и совершенно остановился. Я въ нерѣшительности, что дѣлать дальше съ нашимъ однимъ снаряядомъ, сталъ малымъ ходомъ поворачивать вокругъ него. Мнѣ не приходило въ голову, что такимъ образомъ мы удаляемся съ фона берега и выходимъ на видъ. Масловъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— «Михаилъ Александровичъ, такъ они по намъ попадутъ!»

Тутъ въ первый разъ у меня сердце екнуло, но тотчасъ же бывшій со мною на мостикѣ сигнальщикъ Бѣланъ, спокойный, флегматичный хохолъ и прекрасный сигнальщикъ, доложилъ мнѣ, что онъ въ ночной бинокль ясно видитъ кормовое орудіе парохода и что у орудія никого нѣтъ. Въ это время съ носа закричали, что впереди видна шлюпка.

Приблизившись, мы подобрали съ разбитой и полузатопленной шлюпки семь нѣмцевъ — три офицера коммерческаго флота (капитанъ, старшій помощникъ и механикъ) и четырехъ матросовъ военнаго флота — артиллерійскую прислугу. Мы спросили у нихъ только одинъ вопросъ — остался ли кто-нибудь еще на пароходѣ? Отвѣтъ — «Нѣтъ, нѣтъ, капитанъ оставилъ судно послѣднимъ». Я немедленно назначилъ судовой составъ приза — лейт. Маслова — командиромъ, мичмана Ярыжкина и инж. мех. Максимова и половину команды лодки.

Уже начало свѣтать, когда Масловъ доложилъ, что готовъ дать ходъ, и мы взяли курсъ на Севастополь.

Сначало все шло какъ слѣдуетъ, но вскорѣ «Родосто» (какъ оказалось названіе приза) сталъ вилять въ разныя стороны, затѣмъ медленно описалъ циркуляцію и остановился. «Тюлень» опять ошвартовался къ борту, и Масловъ доложилъ мнѣ, что руль на «Родосто» заклинился. Какъ ни нежелательно мнѣ было въ виду непріятельскихъ береговъ сходить съ лодки, я оставилъ Краузе на мостикѣ, взобрался на «Родосто» и сталъ искать причину затрудненія.

Ввиду того, что штурманская рубка со штурваломъ еще горѣла, временное управленіе рулемъ было примитивно: передача со штурвала къ рулевой машинкѣ была разъединена,

золотникъ рулевой машинки расположенной на спардекѣ былъ зажатъ разводнымъ ключемъ, и рулевой передвигалъ золотникъ вручную взадъ и впередъ, заставляя поворачивать руль вправо и влѣво. При нормальномъ управленіи требовалось нѣсколько оборотовъ штурвала, чтобы положить руль на бортъ, тогда какъ непосредственнымъ передвиганіемъ золотника перемѣщеніе его на дюймъ или два заставляло машинку работать сумасшедшимъ ходомъ, рѣзко дергая руль съ одного борта на другой, и въ концѣ-концовъ заставило его заклиниться. Стоя у машинки я послалъ за механикомъ. Масловъ былъ занятъ тушеніемъ пожара, и со мною былъ Ярыжкинъ. Я всегда поощрялъ своихъ офицеровъ высказывать свободно свое мнѣніе и старался всегда совмѣстно съ ними обсуждать наши дѣйствія. Ярыжкинъ сталъ убѣждать меня, что при дневномъ свѣтѣ (къ тому времени было совсѣмъ свѣтло), въ полномъ виду непріятельскихъ береговъ, мы подвергаемъ страшной опасности не только взятый призъ, но и самую лодку, что всѣ непріятельскія силы, воздушныя и морскія, уже въ погонѣ и что призъ надо топить торпедами, а лодкѣ погружаться подъ воду. Я пробовалъ его успокоить, но онъ продолжалъ высказывать свое мнѣніе съ горячностью, и я увидалъ въ его глазахъ слѣды паники.

Мои нервы были, конечно, тоже натянуты, и я не могъ тратить время на споры, поэтому я прервалъ его и спокойнымъ голосомъ далъ ему какое-то порученіе въ другой части корабля.

Пришелъ механикъ, весь замазанный въ углѣ и маслѣ, съ усталымъ лицомъ, вытирая руки паклей. Я обратился къ нему:

— «Алексѣй Георгіевичъ, я знаю какая сложная и тяжелая работа у васъ организовать дѣйствіе котловъ и машины. Забудьте объ нихъ нѣкоторое время и сосредоточьте все ваше вниманіе на дѣйствіи этой маленькой рулевой машинки, потому-что если мы не съумѣемъ привести ее въ порядокъ, намъ придется оставить корабль».

Максимовъ, ни слова не говоря, взялъ ручку разводного ключа и увѣренной рукой, привычной къ обращенію съ деликатными механизмами, онъ еле замѣтнымъ движеніемъ переложилъ руль съ одного борта на другой и затѣмъ въ нейтральное положеніе — только и всего!

Я попросилъ его остаться у рулевой машинки столько времени, сколько будетъ необходимо, чтобы натренировать

рулевого для правильнаго управленія машинкой, сообщилъ Маслову о результатахъ и поспѣшилъ вернуться на «Тюлень». Однако, прежде чѣмъ отдать швартовы, я приказалъ Краузе смѣнить Ярыжкина на «Родосто» и прислать его на лодку. Какъ мнѣ не хотѣлось лишаться помощи единственнаго оставшагося у меня офицера, которому я могъ довѣрить всѣ детали на лодкѣ, я не хотѣлъ оставлять на «Родосто» офицера, сомнѣвающагося въ успѣхѣ. Бѣдный Ярыжкинъ чувствовалъ себя ужасно. (Онъ былъ хорошій и храбрый офицеръ и впослѣдствіи, послѣ революціи, былъ убитъ пулей въ лобъ во время какой-то нелѣпой «высадки десанта» съ подводной лодки, предпринятой, когда лодкой распоряжался судовой комитетъ, а не командиръ).

Опять оба судна дали ходъ, взяли курсъ на Севастополь и послѣ нѣкотораго періода вилянія вправо и влѣво «Родосто» научился держать довольно прямой курсъ. Отъ плѣнныхъ нѣмцевъ мы узнали, что когда они опомнились послѣ нашей неожиданной атаки и открыли отвѣтный огонь, они видѣли только блескъ выстрѣловъ нашихъ орудій и, когда въ рѣдкіе моменты они различали нашъ силуэтъ, предполагали, что это не низкая подводная лодка, на близкомъ разстояніи, а судно съ болѣе высокимъ бортомъ на болѣе далекомъ разстояніи, и стрѣляли перелетами.

Кромѣ нѣмцевъ на «Родосто» была турецкая команда, около 20 человѣкъ, и турецкій капитанъ. Когда попаданія въ мостикъ участились и одинъ или два турка были убиты, они со своимъ капитаномъ, вопреки приказанію нѣмцевъ, въ паникѣ бросились спускать большую шлюпку, хотя судно было еще на ходу, и нѣмцы не были увѣрены, удалось ли шлюпкѣ отвалить благополучно или она перевернулась.

Оставшись безъ машинистовъ и качегаровъ «Родосто» принужденъ былъ остановиться, и оставленные нѣмцы спустили маленькую шлюпку, которая однако оказалась поврежденной снарядами и неспособной держаться на водѣ.

Весь слѣдующій день и ночь мы продолжали держать курсъ на Севастополь при благопріятной погодѣ и безъ всякихъ затрудненій, хотя Масловъ сообщилъ мнѣ, что запасъ угля приходитъ къ концу. На слѣдующій день 1/14 октября мы открыли крымскій берегъ и соединились съ Севастополемъ по радіо (наша наибольшая радіодистанція была 50-60 миль) давъ радіотелеграмму: «Возвращаюсь, веду захваченный мною «Родосто» — позывные «Тюленя». Около полудня,

недалеко отъ мыса Фіолетка, насъ встрѣтилъ эск. мин. «Быстрый», который просемафорилъ, что высланъ помочь мнѣ привести призъ и что онъ намѣревается взять его на буксиръ. Однако, несмотря на то что «Родосто» прошелъ всю ширину Чернаго моря, это оказалось ненужнымъ, и незадолго передъ заходомъ солнца Масловъ, гордо поднявъ Андреевскій флагъ надъ турецкимъ, медленно вошелъ въ Сѣверную бухту мимо большого стеченія публики, собравшейся на Приморскомъ бульварѣ.

Вѣсть о боѣ «Тюленя» съ «Родосто» и захватѣ послѣдняго были приняты исключительно благопріятно. Ранѣе всѣ дѣйствія подводныхъ лодокъ, если и объявлялись въ донесеніяхъ изъ Ставки Верховнаго Главнокомандующаго, были безъ упоминанія именъ лодокъ или ихъ командировъ. Въ этомъ случаѣ было сдѣлано исключеніе, и донесеніе отъ 2-го октября, напечатанное на первой страницѣ газетъ всей Россіи гласило прибизительно такъ: «20 сентября подводная лодка «Тюлень» подъ командой старшаго лейтенанта Китицына, встрѣтивъ у анатолійскихъ береговъ непріятельскій вооруженный транспортъ «Родосто», вступила съ нимъ въ бой въ надводномъ положеніи и, несмотря на его болѣе сильную артиллерію, захватила его въ плѣнъ. Верховный Главнокомандующій Государь Императоръ наградилъ старшаго лейтенанта Китицына орденомъ Св. Георгія Побѣдоносца 4-й степени».

По Статуту, ордена Св. Георгія даются постановленіемъ Георгіевской Думы, составленной изъ кавалеровъ этого ордена, которая разбираетъ и взвѣшиваетъ всѣ факты и присуждаетъ или отклоняетъ награду. Но въ Статутѣ имѣется очень рѣдко примѣняемая статья, которая гласитъ приблизительно такъ: «Въ случаѣ, когда нѣтъ сомнѣнія, что подвигъ заслуживаетъ высшей награды, Главнокомандующій на полѣ битвы можетъ пожаловать ее помимо Георгіевской Думы». Въ этомъ случаѣ Государь, въ своемъ званіи Верховнаго Главнокомандующаго, примѣнилъ эту статью и наградилъ меня Георгіемъ, а Командующій Флотомъ наградилъ знакомъ отличія Военнаго Ордена (Георгіевскимъ крестомъ) всю команду и приказалъ мнѣ представить всѣхъ офицеровъ къ награжденію Георгіевскимъ оружіемъ.

Утромъ 2 октября Подводная База приготовилась къ пріему Командующаго Флотомъ для торжественнаго возложенія на меня ордена и георгіевскихъ крестовъ на команду. Передъ началомъ церемоніи возложенія наградъ мнѣ удалось

урвать моментъ и переговорить съ флагъ-офицеромъ адмирала мичманомъ Холмскимъ, котораго я попросилъ передать адмиралу мою личную просьбу: въ нашей семьѣ, какъ реликвіи хранились два ордена — Георгія 4-й степени и Владиміра 4-й степени съ мечами и бантомъ, полученные моимъ двоюроднымъ дѣдомъ, поручикомъ гвардейской артиллеріи Михаиломъ Николаевичемъ Фальковскимъ, за оборону Севастополя въ 1854-55 годахъ. При началѣ войны моя тетка, у которой эти ордена хранились, прислала ихъ мнѣ съ пожеланіемъ, чтобы и я когда-нибудь сдѣлался достойнымъ ихъ заслужить. Поэтому, вручая старый крестъ моего дѣда Холмскому, я просилъ его передать адмиралу мою просьбу возложить на меня этотъ крестъ.

По прибытии адмиралъ былъ встрѣченъ со всѣми морскими почестями: почетнымъ карауломъ, оркестромъ музыки и соотвѣтствующимъ маршемъ. Церемонія прошла торжественно и закончилась «ура» Его Императорскому Величеству и народнымъ гимномъ. Когда официальная часть церемоніи кончилась и адмиралъ уѣхалъ, мы всѣ спустились въ каютъ-компанію къ обѣду и неофиціальному чествованію офицеровъ «Тюленя».

Было выпито много шампанскаго, произнесено много тостовъ и пожеланій... Чествованіе затянулось почти до темноты.

Я съ нетерпѣніемъ ждалъ возможности съѣхать на берегъ, такъ какъ я обѣщалъ самому себѣ, что если мнѣ когда-нибудь придется надѣть на себя крестъ моего дѣда, то я въ тотъ же день отслужу по немъ панихиду.

Наконецъ, когда уже почти стемнѣло, мнѣ удалось съѣхать на берегъ и, направившись на квартиру соборнаго протоіерея и извинившись за безпокойство, я изложилъ ему свою просьбу. Батюшка съ полной симпатіей отнесся къ ней, мы сѣли на извозчика и отправились въ соборъ, находившійся на горѣ. Въ нашемъ соборѣ было два храма: большой, верхній и маленькій, нижній въ подвалѣ, куда мы и направились. Я никогда не забылъ этого трогательнаго богослуженія: низкій подвальный храмъ, освѣщенный только нѣсколькими лампадами, протоіерей въ одной епитрахили, яснымъ и четкимъ голосомъ произносящій святыя слова...

Съ начала войны Севастополь былъ затемненъ, и всѣ

развлеченія мирнаго времени были пріостановлены. Однако, осенью 1916 года, очевидно для подъема духа морской семьи, начальство рѣшило сдѣлать исключеніе и устроило въ Морскомъ Собраніи концертъ и балъ, выбравъ для этого день Тезоименитства Наслѣдника Цесаревича. Изголодавшееся безъ такихъ развлеченій, морское общество цѣлыми недѣлями готовилось къ этому знаменательному вечеру, громадный залъ былъ переполненъ, и концертъ и балъ прошли съ блестящимъ успѣхомъ.

Сидя во время концерта въ заднихъ рядахъ, я замѣтилъ, во время антракта флагъ-офицера Командующаго Флотомъ мичмана Холмскаго, очевидно кого-то разыскивающаго. Увидя меня онъ подошелъ и сказалъ мнѣ, что адмиралъ хочетъ меня видѣть. «Конвоируемый» Холмскимъ, я прошелъ черезъ весь залъ и подошелъ къ сидѣвшему въ первомъ ряду адмиралу, который, поздоровавшись со мною, протянулъ мнѣ распечатанную телеграмму слѣдующаго содержанія: «Старшій лейтенантъ Китицынъ за отличіе по службѣ производится въ капитаны 2-го ранга», затѣмъ, поздравивъ меня, вручилъ мнѣ пакетъ съ погонами кап. 2 р., которые Холмскій помогъ мнѣ перемѣнить въ одной изъ комнатъ Собранія, такъ что въ залъ я появился уже штабъ-офицеромъ.

Скажу откровенно, я не ожидалъ такихъ «великихъ и богатыхъ милостей». Уже благодаря тому, что мое имя было упомянуто въ донесеніяхъ Верховнаго Главнокомандующаго, со всѣхъ концовъ Россіи я получалъ письма, не только отъ друзей, но и отъ случайно встрѣченныхъ и давно забытыхъ знакомыхъ, а каютъ-компаніи различныхъ судовъ присылали офицеровъ съ поздравленіями. Было отъ чего головѣ начать кружиться.

Затѣмъ, какъ часто бываетъ въ жизни, когда человѣкъ тѣшитъ себя суетными иллюзіями, судьба вдругъ ударяетъ его по головѣ и, отрезвивъ его, ставитъ лицомъ къ лицу съ дѣйствительностью.

Рано утромъ 7 октября, на слѣдующій день послѣ бала, я былъ разбуженъ на разсвѣтѣ рядомъ какихъ-то страшныхъ безпорядочныхъ взрывовъ со стороны Сѣвернаго рейда. Это были взрывы погребовъ гибнущей «Императрицы Маріи», страшной, до сихъ поръ необъяснимой катастрофы, когда краса и гордость нашего флота, могучій дредноутъ, послѣ серіи взрывовъ продолжавшихся 50 минутъ, перевернулся и погрузился на дно, унося съ собой сотни жертвъ.

Горе, какъ тяжелая туча, нависло надъ всѣмъ флотомъ и Севастополемъ, и мелкой и ненужной шумихой показалась поднятая нѣсколько дней тому назадъ суматоха, изъ-за захвата «Родосто» — ржаваго и обгорѣлаго «купца» ...

Отъ редакціи.

Этимъ заканчиваются воспоминанія М. А. Китицына, скоропостижно скончавшагося 22 августа с. г.

Въ апрѣлѣ, уступая многочисленнымъ просьбамъ, М. А. Китицынъ согласился написать свои воспоминанія для «Морскихъ Записокъ».

Въ первую голову предполагалось описаніе боевыхъ дѣйствій подводной лодки «Тюлень» въ Черномъ морѣ въ 1915-16 году, затѣмъ дѣятельность на Дальнемъ Востокѣ въ 1917-19 г.г. и наконецъ эпопея «Орла» и плаванія съ гардемаринами изъ Владивостока въ Югославію въ 1920 г.

Первая глава была получена редакціей «Морскихъ Записокъ» 15 августа ... Только благодаря любезности вдовы покойнаго, приславшей въ редакцію черновыя замѣтки Михаила Александровича для слѣдующей главы, удалось составить описаніе захвата «Родосто».

Въ слѣдующемъ номерѣ «Морскихъ Записокъ» друзья сослуживцы и соплаватели М. А. Китицына намѣреваются помѣстить статью, посвященную его памяти.

Проф. А. Д. Бубновъ.

КЪ ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЮ

Военно-Морского Отдѣла Николаевской Морской Академіи.

Незадолго до войны съ Японіей были учреждены въ Петербургѣ при Николаевской Морской Академіи краткіе военно-морскіе курсы, кои находились въ скромныхъ помѣщеніяхъ Академіи, каковая сама въ то время ютилась въ 3-4 комнатахъ, прилегающихъ къ Аванъ-залу Морского Корпуса.

На курсахъ этихъ преподавались офицерамъ флота отрывочныя свѣдѣнія изъ нѣкоторыхъ военно-морскихъ наукъ, а главная часть учебнаго времени была посвящена веденію военно-морской игры. Курсы эти далеко не отвѣчали понятію о планомѣрномъ и систематическомъ обученіи высшаго военнаго учебнаго заведенія, каковымъ, напримѣръ, была Академія Генеральнаго Штаба, и пріобрѣтаемыя въ нихъ знанія имѣли чисто фрагментарный и поверхностный характеръ. Начальникомъ этихъ курсовъ былъ Начальникъ Академіи, бывшій одновременно съ тѣмъ директоромъ Морского Корпуса, а фактически ихъ негласнымъ руководителемъ былъ лейтенантъ Н. Л. Кладо, который передъ открытіемъ этихъ курсовъ провелъ нѣкоторое время во французскомъ флотѣ и проникся его военно-морской идеологіей, о которой нельзя сказать, чтобы она была въ тѣ времена на должной высотѣ. Курсы эти не принесли почти никакой пользы и не имѣли рѣшительно никакого вліянія на подготовку командного состава, подъ коимъ нашъ флотъ вступилъ въ войну съ Японіей.

Когда послѣ войны съ Японіей выяснилось, что одной изъ главныхъ причинъ нашего пораженія было отсутствіе у личнаго состава соотвѣтствующихъ военно-морскихъ познаній, были приняты мѣры къ созданію методическаго высшаго военно-морского образованія. Прежде всего краткіе военно-морскіе курсы были обращены въ двухгодичные и ихъ научныя программы были значительно расширены; на эти курсы поступили офицеры, бывшіе участниками войны, и изъ нихъ впослѣдствіи были почерпнуты первые преподаватели военно-морского отдѣла Академіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ было приступлено къ разработкѣ положенія и программъ этого отдѣла, по образцу Академіи Генеральнаго Штаба. Одновременно съ этимъ строилось на Васильевскомъ островѣ отдѣльное зданіе для Николаевской Морской Академіи, которая должна была имѣть три отдѣла (факультета): военно-морской, гидрографическій и кораблестроительный, изъ которыхъ первый былъ по составу преподавателей и числу слушателей обширнѣе остальныхъ двухъ.

По окончаніи разработки новаго положенія и постройки новаго зданія, Академія отдѣлилась отъ Морского Корпуса и подъ самостоятельнымъ начальникомъ, непосредственно подчиненнымъ Морскому Министру, вселилась въ свои новыя обширныя и отличныя помѣщенія.

Для установленія непосредственной связи съ оперативнымъ руководствомъ флота непременными членами конференціи Академіи были: Начальникъ Морского Генеральнаго Штаба и представители командующихъ флотами.

Обученіе на военно-морскомъ отдѣлѣ продолжалось три года; въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ проходились всѣ военно-морскія науки, и прочія науки, необходимыя для разработки плановъ войны; въ теченіе третьяго дополнительнаго года, на который переходило лишь ограниченное число отличныхъ слушателей, велась главнымъ образомъ морская игра и слушатели разрабатывали отдѣльные доклады на военно-морскія темы. Лѣтомъ слушатели присутствовали на маневрахъ и разныхъ практическихъ занятіяхъ флота, а также рѣшали разныя стратегическія и тактическія задачи.

Слушатели, окончившіе военно-морской отдѣлъ по 1-му разряду получали два года старшинства въ чинѣ.

Первыми преподавателями военно-морского отдѣла были: кап. 2 р. Кладо — Исторія военно-морского искусства и стратегія; лейт. Немитцъ — Прикладная стратегія; лейт. Бубновъ

(пишущій эти строки) — Общая тактика; лейт. Игнатьевъ — Артиллерійская тактика; лейт. Гончаровъ — Минная тактика; кап. 2 р. графъ Капнистъ — Организація; генералъ Аренсъ — Исторія русскаго флота; генералъ Крыловъ — Кораблестроеніе, генералъ Овчинниковъ — Международное право; лейт. Казимировъ — Администрація; полк. Балтійскій — Военное дѣло; проф. Георгіевскій — Государственное право; проф. Покровскій — Политическая экономія.

Военно-морской отдѣлъ Академіи съ самаго начала своего существованія былъ въ постоянномъ и тѣсномъ единствѣ мысли и дѣйствій съ вновь учрежденнымъ Морскимъ Генеральнымъ Штабомъ. Многіе преподаватели отдѣла служили одновременно въ Морскомъ Генеральномъ Штабѣ, и всѣ рѣшенія по мѣропріятіямъ въ дѣлѣ подготовки къ войнѣ и усовершенствованій во флотѣ разсматривались совмѣстно съ руководителями соотвѣтствующихъ кафедръ Академіи.

Съ Военно-морскимъ отдѣломъ былъ также тѣсно связанъ, возникшій послѣ войны съ Японіей, С.-Петербургскій Военно-Морской Кружокъ, въ которомъ объединились многіе молодые морскіе офицеры, жаждавшіе пріобрѣсти военно-морскія познанія и стремящіеся найти пути къ возрожденію родного флота. Преподаватели отдѣла были постоянными докладчиками въ этомъ кружкѣ.

Военно-морской отдѣлъ Академіи былъ носитель высшей военно-морской науки и создатель военно-морской иделогіи, отвѣчающей современному состоянію военно-морской техники; онъ былъ распространителемъ высшихъ военно-морскихъ познаній среди личнаго состава флота и научнымъ подготовителемъ командныхъ кадровъ.

Вмѣстѣ съ Морскимъ Генеральнымъ Штабомъ онъ былъ источникомъ всѣхъ тѣхъ реформъ, предпринятыхъ послѣ войны съ Японіей, которыя, въ невѣроятно короткій срокъ, привели къ возсозданію мощи нашего флота къ 1-й Міровой войнѣ, и за все это исторія несомнѣнно воздастъ ему заслуженную дань.

А. Бубновъ
Первый преподаватель «Общей тактики»
Ник. Морск. Академіи .

ВЛІЯНІЕ ОПЫТА ВОЙНЫ СЪ ЯПОНІЕЙ НА РЕФОРМЫ ВЪ РУССКОМЪ ФЛОТѢ.

Проигранная война всегда освѣщаетъ яркимъ свѣтомъ ошибки и недостатки въ структурѣ и руководствѣ морской силой, приведшія къ ея пораженію. Уроки проигранной войны неизмѣнно служатъ основаніемъ и побужденіемъ для введенія необходимыхъ реформъ въ подготовкѣ вооруженной силы къ слѣдующей войнѣ, и потому уроки эти всегда подвергаются тщательному изученію.

Въ этомъ отношеніи русско-японская война, — что касается русскаго флота — представляетъ собой, по обилію этихъ уроковъ и ихъ значительности, едва ли не самый яркій примѣръ въ исторіи военно-морского искусства. Произошло это потому ,что передъ войной съ Японіей русскій флотъ въ теченіе длительнаго періода времени не воевалъ и, такъ сказать, «закостенѣлъ» въ отжившихъ формахъ и идеологіи эпохи паруснаго флота, а сражаться ему пришлось въ 1904-05 годахъ съ незнакомыми его личному составу новыми боевыми средствами и въ незнакомой ему новой боевой обстановкѣ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что главной причиной нашего пораженія въ этой войнѣ была полная несостоятельность верховнаго руководства нашей морской силой и неспособность высшаго команднаго состава; исключеніе, конечно, въ этомъ отношеніи составлялъ адмиралъ С. О. Макаровъ, слишкомъ короткое пребываніе котораго во главѣ русскаго флота на Дальнемъ Востокѣ не могло повліять на трагическій исходъ войны.

Личный составъ флота вплоть до войны съ Японіей обучался на судахъ съ такелажемъ, на которыхъ главное вниманіе было обращено на парусныя ученія и «марсофлотскую» лихость, военно-морской техникѣ новаго боевого вооруженія въ этомъ обученіи не было отведено почти никакого мѣста; артиллерійскія стрѣльбы были крайне рѣдки и производились по примитивнымъ инструкціямъ эпохи паруснаго флота; вмѣстѣ съ тѣмъ не было разработано соотвѣтствующихъ инструкцій о тактическомъ примѣненіи новѣйшихъ боевыхъ средствъ.

Между тѣмъ, въ періодъ времени передъ войной 1904-05 годовъ, въ структурѣ и идеологіи морской вооруженной силы происходили, подъ вліяніемъ быстраго развитія военно-морской техники во второй половинѣ XIX вѣка, коренныя измѣненія, носящія въ исторіи военно-морского искусства названіе 2-й переходной эпохи, которая обнимала собой переходъ отъ парусного къ паровому флоту.

Личный составъ, обучавшійся до самаго послѣдняго времени передъ войной по устарѣлымъ методамъ и традиціямъ, былъ не въ состояніи дать себѣ отчетъ въ этой коренной эволюціи, что, конечно, отрицательно отразилось на подготовкѣ флота къ войнѣ и на руководствѣ военными дѣйствіями. Въ нашемъ флотѣ не рѣдки были случаи, что личный составъ вступалъ на палубу современнаго боевого корабля, проведя передъ тѣмъ рядъ лѣтъ на судахъ съ такелажемъ, и поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ не только не зналъ какъ эти новые боевые корабли цѣлесообразно использовать въ бою, но просто-на-просто ихъ «боялся», — такъ все на нихъ было ему чуждо и необычно.

Такъ какъ во время перехода морской вооруженной силы отъ одной эпохи къ другой неизбѣжно появляется рядъ разнообразныхъ компромиссныхъ типовъ боевыхъ судовъ, нашъ командный составъ, при своей неподготовленности, не сумѣлъ въ нихъ разобраться, и наши новыя боевыя суда оказались въ большинствѣ случаевъ много слабѣе японскихъ. Нашъ флотъ представлялъ собой передъ войной «музей» разнообразныхъ типовъ боевыхъ судовъ, на совершенство боевыхъ качествъ коихъ не было обращено должнаго вниманія. Строили суда, — по типамъ и числу — безъ опредѣленнаго плана, а такъ сказать, «наугадъ». Не было установлено судостроительныхъ программъ, по сроку точно согласованныхъ съ развитіемъ нашей политики и ея цѣлями. Вслѣдствіе этой несогласованности наша агрессивная политика по отношенію къ Японіи не считалась со сроками наростанія нашей морской силы на Дальнемъ Востокѣ, что и привело къ нападенію на насъ Японіи въ неблагопріятный для насъ моментъ соотношенія силъ.

Въ техническомъ отношеніи на большинствѣ нашихъ боевыхъ судовъ было обращено слишкомъ мало вниманія на ихъ непотопляемость, вслѣдствіе чего ихъ «живучесть» въ бою была весьма незначительна.

Вмѣстѣ съ тѣмъ боевое использованіе средствъ нападенія, то-есть артиллеріи и минъ, были далеко не на высотѣ, ибо управленіе огнемъ велось по устарѣлымъ методамъ, а для употребленія миннаго вооруженія не было соотвѣтствующихъ инструкцій и идей.

Къ тому же до войны не существовало никакой тактики, по которой флотъ долженъ былъ руководствоваться въ бою съ современными боевыми средствами, и единственнымъ «тактическимъ» руководствомъ была кильватерная линія, унаслѣдованная изъ періода упадка военно-морского искусства эпохи парусгаго флота въ XVIII столѣтія.

Также и о стратегіи, въ примѣненіи ея къ паровому флоту, русскіе руководящіе морскіе круги имѣли смутное представленіе. Настоящаго плана войны, разработаннаго по стратегической методологіи не было; существовали лишь нѣкоторыя соображенія стратегическаго характера, по которымъ наши морскія силы на Дальнемъ Востокѣ, — и такъ уже болѣе слабыя чѣмъ японскія, — вмѣсто того, чтобы быть сосредоточенными, были дислоцированы въ двухъ базахъ:. Портъ-Артурѣ и Владивостокѣ. Эта дислокація была основана на ошибочномъ предположеніи, что въ случаѣ войны японцы будутъ перевозить свои войска въ Манджурію по Японскому морю и крейсерская эскадра во Владивостокѣ была предназначена для нападенія на японскія коммуникаціи въ этомъ морѣ. Между тѣмъ методическое и вдумчивое изученіе стратегической обстановки на Дальнемъ Востокѣ неизбѣжно должно было бы показать руководящимъ кругамъ нашего флота, что для Японіи «время» сосредоточенія ея арміи въ Манджуріи было «категорическимъ императивомъ», ибо потеря времени могла бы быть для нея фатальной; поэтому она должна была бы неминуемо использовать для перевозки своей арміи морскія коммуникаціи по Желтому морю, которыя были значительно короче коммуникацій по Японскому морю, что, какъ извѣстно, на самомъ дѣлѣ во время войны и случилось. Вслѣдствіе этого Владивостокская эскадра оказалась безъ стратегическаго объекта дѣйствій, а вліяніе ея на ходъ войны и стратегическую обстановку было минимальнымъ.

Наконецъ, несмотря на то, что отношенія наши съ Японіей непрестанно обострялись, такъ что слѣдовало непременно ожидать возможность войны съ ней, не было предпринято соотвѣтствующихъ срочныхъ мѣръ для организаціи базированія нашего форта на Дальнемъ Востокѣ; хотя съ тѣхъ поръ

какъ нами былъ занятъ Портъ-Артуръ прошло до войны съ Японіей 7 лѣтъ, въ немъ не было аварійнаго дока, въ который могли бы быть введены броненосцы съ аварійной осадкой, а сухопутный фронтъ Портъ-Артурской крѣпости былъ на три четверти не законченъ; все это конечно имѣло самое отрицательное вліяніе на ходъ военныхъ дѣйствій.

Изъ вышеизложеннаго нельзя не притти къ заключенію, что въ періодъ времени передъ войной съ Японіей не была произведена опредѣленная къ ней подготовка въ согласіи съ нашей внѣшней политикой, при чемъ были допущены слѣдующія капитальныя ошибки и упущенія, имѣвшія фатальное вліяніе на исходъ войны:

1. Обученіе личнаго состава флота, вплоть до войны съ Японіей, производилось по устарѣлымъ методамъ и идеологіи эпохи паруснаго флота.

2. Не было разработано, соотвѣтствующихъ современному состоянію военно-морской техники правилъ и инструкцій боевого употребленія артиллерійскаго и миннаго вооруженія.

3. Не существовало программы усиленія морскихъ вооруженныхъ силъ, согласованной съ внѣшней политикой государства и ея цѣлями.

4. Выборъ типовъ боевыхъ судовъ, за рѣдкими исключеніями, былъ неудовлетворительный, и многіе изъ нихъ имѣли плохія боевыя качества.

5. Не было опредѣленнаго плана подготовки къ войнѣ и въ частности плана устройства базированія нашего флота на Дальнемъ Востокѣ.

6. Не было методически разработаннаго, въ согласіи съ требованіями стратегіи, плана войны, вслѣдствіе чего къ ея началу наши морскія силы на Дальнемъ востокѣ оказались раздѣленными на двѣ части, между тѣмъ какъ японскій флотъ занималъ наивыгоднѣйшее центральное стратегическое положеніе, которое обезпечивало ему возможность дѣйствія по внутреннимъ операціоннымъ линіямъ.

Вліяніе на исходъ войны этихъ ошибокъ, сдѣланныхъ въ предвоенный періодъ, усугублялось ошибками, сдѣланными командованіемъ нашими морскими силами на Дальнемъ Востокѣ при руководствѣ военными дѣйствіями.

Хотя съ начала 1904 года стали накопляться неоспоримые признаки быстро приближающагося военнаго столкновенія съ Японіей, командованіе нашей эскадрой не приняло никакихъ цѣлесообразныхъ мѣръ для обезпеченія ея стоянки на рейдѣ

Портъ-Артура, вслѣдствіе чего японцы внезапной минной атакой вывели изъ строя три боевыхъ корабля и этимъ рѣзко измѣнили обстановку въ свою пользу.

Послѣ гибели адмирала С. О. Макарова, который въ бытность свою во главѣ эскадры, несмотря на незначительныя силы бывшія въ его распоряженіи, проявлялъ съ ними крайнюю активность, новое командованіе эскадрой заняло въ дѣлѣ руководства военными дѣйствіями совершенно пассивную позицію, которой держалось до самаго конца; вслѣдствіе этого не былъ использованъ критическій для японцевъ моментъ 15 мая 1904 года, когда на нашихъ минахъ погибли два ихъ броненосца.

Послѣ начала войны Высшимъ Морскимъ командованіемъ было принято рѣшеніе послать подкрѣпленіе на Дальній Востокъ. Во исполненіе этого рѣшенія въ Балтійскомъ морѣ была собрана такъ называемая 2-я эскадра Тихаго океана подъ командой адмирала З. П. Рожественскаго, въ составъ коей были включены боевые суда разнообразнѣйшихъ типовъ и возрастовъ. Лишь 40% судовъ этой эскадры было современнаго типа, но при томъ еще съ неудовлетворительными боевыми качествами; остальныя же 60% состояли изъ судовъ совершенно устарѣлыхъ типовъ, съ многихъ изъ нихъ еще недавно былъ снятъ парусный такелажъ, и боевая ихъ мощь въ борьбѣ съ современными отличными судами японскаго флота была фактически равна нулю. Несмотря на это, высшіе морскіе круги предполагали, что эта эскадра, хотя и нѣсколько уступающая японскому флоту по числу судовъ и орудій, будетъ все же въ состояніи, даже послѣ похода въ 16.000 миль на Дальній Востокъ, успѣшно вступить въ борьбу за обладаніе моремъ съ цѣлымъ современнымъ японскимъ флотомъ въ его домашнихъ водахъ!

Такого рода исчисленія боевой мощи 2-й эскадры Тихаго океана было бы, быть можетъ, умѣстно въ эпоху паруснаго флота, когда боевая мощь судовъ слагалась изъ немногочисленныхъ и простыхъ элементовъ; въ техническихъ же условіяхъ начала этого столѣтія оно было глубоко ошибочнымъ. При исчисленіи боевой мощи эскадры по современнымъ научнымъ методамъ, гдѣ должны бы были быть учтены разнообразные сложные боевые факторы, какъ-то: боевая «живучесть» судовъ, техническое совершенство вооруженія, бронированіе, скорость хода, обученіе личнаго состава, тактическая организація и т. д., выходило, что 2-я эскадра Тихаго океана,

особенно послѣ изнурительнаго похода на Дальній Востокъ, едва ли по своей мощи достигала 20% боевой мощи японскаго флота. При этомъ особо достопримѣчателенъ тотъ фактъ, что сіе ошибочное исчисленіе было приведено самымъ выдающимся представителемъ нашей военно-морской науки того времени лейтенантомъ Н. Л. Кладо, что свидѣтельствуетъ о томъ, на какомъ низкомъ уровнѣ эта наука у насъ въ то время стояла. Тѣмъ не менѣе однако, основываясь на ошибочномъ исчисленіи мощи эскадры, Правительство послало ее на Дальній Востокъ на вѣрную гибель. Но и помимо ошибочнаго исчисленія мощи эскадры, посылка ея и со стратегически - оперативной точки зрѣнія врядъ ли была цѣлесообразной. Дѣло въ томъ ,что японскій флотъ занималъ на Дальнемъ Востокѣ по отношенію къ Портъ-Артурской, Владивостокской и 2-й эскадры Тихаго океана центральное стратегическое положеніе и, дѣйствуя на внутреннихъ операціонныхъ линіяхъ, могъ наносить сосредоточенные удары этимъ эскадрамъ порознь и, такимъ образомъ, разбить наши морскія силы по частямъ; между тѣмъ слабыя средства въ тѣ времена радіо - связи не обезпечивали нашимъ эскадрамъ единства дѣйствія; ввиду же бдительности японцевъ, для 2-й эскадры не было никакой возможности «проскользнуть» незамѣченной мимо японскаго флота, на соединеніе съ другими нашими эскадрами, что и подтвердилось при Цусимѣ. Когда же во время похода 2-й эскадры наши морскія силы на Дальнемъ Востокѣ были почти цѣльностью уничтожены и 2-й эскадрѣ не съ кѣмъ было больше соединяться, ея походъ на Дальній Востокъ потерялъ всякій смыслъ; несмотря на это, Правительство, вопреки разуму, предписало адмиралу Рожественскому продолжать путь на Дальній Востокъ, и оно несетъ такимъ образомъ полную отвѣтственность за страшную катастрофу при Цусимѣ.

Ошибки эти полностью объясняютъ пораженіе, которое мы претерпѣли въ войнѣ съ Японіей; не только всѣ онѣ вмѣстѣ, но и только часть ихъ была бы достаточна, чтобы привести къ уничтоженію всей нашей морской силы.

Остается теперь выяснить причины, породившія эти ошибки. Причины эти были слѣдующія:

Во-первыхъ, всѣ представители высшаго морского командованія, — за исключеніемъ только адмирала С. О. Макарова, — не имѣли военно-морскихъ ЗНАНІЙ, соотвѣтствующихъ военной техникѣ того времени; вѣрные идеологіи

эпохи паруснаго флота, они и не интересовались такія знанія пріобрѣтать. Незадолго до войны были учрждедены краткіе курсы, на коихъ немогочисленымъ штабъ-офицерамъ преподавались отрывочныя свѣдѣнія изъ области военно-морскихъ наукъ, безъ какого-либо соотвѣтствія однако къ современнымъ состояніямъ военно-морской техники; главнымъ преподавателемъ на этихъ курсахъ былъ уже упомянутый лейтенантъ Н. Л. Кладо. Курсы эти не пользовались никакой популярностью у личнаго состава флота, каковой къ нимъ относился столь презрительно, что далъ имъ названіе «кулинарные», этимъ ясно опредѣляется сколь отрицательно было отношеніе личнаго состава флота къ военно-морскимъ познаніямъ. Во-вторыхъ, существовавшія до войны правила прохожденія службы не обезпечивали возможность особо способнымъ и знающимъ офицерамъ продвигаться внѣ очереди на командныя должности, ибо прохожденіе службы происходило строго по старшинству и по линіи, будучи при томъ обусловлено опредѣленнымъ «цензомъ» пребыванія на разныхъ должностяхъ и въ плаваніяхъ. Въ третьихъ — не было учрежденія для руководства подготовкой флота къ войнѣ и для высшаго оперативнаго руководства морскими силами во время войны ; существовалъ такъ называемый « ученый » отдѣлъ, въ которомъ разсматривались, безъ опредѣленной системы, нѣкоторые вопросы изъ области службы Генеральнаго Штаба; въ этомъ отдѣлѣ служили главнымъ образомъ офицеры покинувшіе службу на судахъ флота; этотъ отдѣлъ не имѣлъ никакой исполнительной власти и не пользовался рѣшительно никакимъ авторитетомъ. Наконецъ, до войны съ Японіей въ Россіи не было объединеннаго правительства, отвѣтственнаго за управленіе страной и ея судьбы , передъ народнымъ представительствомъ. При режимѣ абсолютизма отдѣльные министры, отвѣтственные только передъ Монархомъ, фактически безконтрольно управляли своимъ вѣдомствомъ, совершенно не считаясь съ тѣмъ, что дѣлали ихъ коллеги даже въ сродныхъ министерствахъ. Вслѣдствіе этого мѣропріятія по подготовкѣ страны къ войнѣ и по веденію внѣшней политики были совершенно несогласованы, что, конечно, самымъ фатальнымъ образомъ отразилось на военной мощи Государства и на его подготовкѣ къ войнѣ.

Послѣ пораженія нашего въ войнѣ съ Японіей были предприняты мѣры для устраненія причинъ ошибокъ, вызвавшихъ это пораженіе:

Въ составѣ Морской Академіи, которая до войны имѣла лишь два отдѣла — гидрографическій и кораблестроительный — былъ учрежденъ Военно-морской отдѣлъ, методы обученія, программы и планы коего, въ точности отвѣчали Академіи Генеральнаго Штаба. Обученіе въ этомъ отдѣлѣ продолжалось три года, и офицеры, успѣшно его окончившіе, получали два года старшинства въ чинѣ; этимъ ускорялось продвиженіе по службѣ знающихъ офицеровъ и стимулировалось стремленіе личнаго состава флота получить высшее военно-морское образованіе.

Былъ введенъ новый законъ о прохожденіи службы, который отмѣнялъ «цензовое» начало и обезпечивалъ быстрое продвиженіе на командныя должности способныхъ офицеровъ. По этому закону при производствѣ изъ чина въ чинъ все больше увеличивался процентъ производства за отличіе по службѣ, такъ что въ адмиральскій чинъ производились капитаны 1 ранга не по линіи, а исключительно за отличіе.

Былъ учрежденъ Морской Генеральный Штабъ, по образу сухопутнаго Генеральнаго Штаба, въ которомъ была сосредоточена подготовка къ войнѣ, составленіе плановъ войны, разработка судостроительныхъ программъ, согласованныхъ съ внѣшней политикой, и высшее стратегическое руководство военными дѣйствіями.

Въ связи съ измѣненіемъ послѣ войны государственнаго устройства и установленія Совѣта Государственной Обороны, была обезпечена согласованность работы отдѣльныхъ вѣдомствъ по подготовкѣ страны къ войнѣ въ связи съ направленіемъ и развитіемъ внѣшней политики Государства.

Плоды этихъ реформъ не замедлили сказаться: когда, черезъ 8 лѣтъ послѣ войны съ Японіей, Россія вступила въ 1-ю Міровую войну, ея морскія силы, возсозданныя подъ вліяніемъ этихъ реформъ, не только блестяще исполнили представленныя имъ планомъ войны задачи, но, по собственной инициативѣ, значительно ихъ расширили на всѣхъ театрахъ военныхъ дѣйствій.

Такой, поистинѣ чудодѣйственный успѣхъ слѣдуетъ, конечно, приписать дѣятельности личнаго состава флота и главнымъ образомъ младшей его части: молодые лейтенанты, вкусивъ горечь пораженія, не пали духомъ, а, вернувшись съ войны, немедленно принялись, проникнутые глубокимъ патріотизмомъ и любовью къ родному флоту, за изученіе и проведеніе въ жизнь необходимыхъ реформъ, и въ короткій срокъ,

подъ предводительствомъ такихъ выдающихся вождей, какъ И. К. Григоровичъ, Н О. Эссенъ и А. В. Колчакъ, возстановили боевую мощь флота и возвели его на должную высоту.

А. Бубновъ

быв. профессоръ Имп. Российской и Кор. Югославской Морскихъ Академій .

Редакція сожалѣетъ, что при наборѣ статьи профессора А. Д. Бубнова «Упущенная возможность» (томъ XVIII, №2/52, Августъ 1960 г.) было сдѣлано нѣсколько крупныхъ ошибокъ, искажающихъ текстъ и значительно затемняющихъ его пониманіе, о чемъ доводится до свѣдѣнія читателей соотвѣтствующими исправленіями:

На страницѣ 9-й, со 2-й строки сверху слѣдуетъ читать: . . . . 17 мая должна была выйти изъ Корейскихъ портовъ Чинампо и Нандензы въ Ентау — подъ защитой трехъ совсѣмъ устарѣлыхъ боевыхъ судовъ, — 10-ая дивизія 2-ой арміи, посаженная на двадцати транспортахъ. 14-го и 15-го мая двинулась изъ Японіи въ Ентау вторая часть 2-ой арміи силой въ 1-1/2 пѣхотныхъ и 1-ой кавалерійской дивизіи; эти войска были посажены на 70-ти транспортахъ и **шли безъ всякой защиты.**

На страницѣ 12-й, строка 10 и 11 сверху слѣдуетъ читать: вмѣсто: . . . самый малый крейсерокъ — самый малый транспортъ.

На страницѣ 12-й, послѣ абзаца, заканчивающагося на строкахъ 9 и 10 снизу словами: . . . . . все же выиграли войну, выпущенъ цѣлый абзацъ, который гласитъ:

Принимая во вниманіе все вышеизложенное видимъ, что если бы выполненіе операціи нападенія на японскія коммуникаціи Желтаго моря въ области Шантунгскаго пролива угрожало потерей даже всѣхъ крейсеровъ, то эта жертва была бы вполнѣ оправдана, ибо она могла бы привести къ благопріятному для насъ окончанію войны.

Контръ-Адмиралъ Б. Дудоровъ.

ВИЦЕ-АДМИРАЛЪ А. И. НЕПЕНИНЪ

(Опытъ біографіи)

Продолженіе.

НЕПЕНИНЪ И ЛЕТЧИКИ.

Какъ ни мало активна была работа, слабой еще и матеріальной частью, и численностью своего личнаго состава, авіаціи въ кампанію 1914 года, Непенинъ своимъ зоркимъ глазомъ уже тогда сумѣлъ оцѣнить ея дальнѣйшія возможности. И, какъ только октябрьскія погоды почти остановили ея работу, вызвалъ меня въ Ревель для налаживанія дальнѣйшаго ея развертыванія.

Автомобильная катастрофа на пути изъ Кильконда въ Соэло-зундъ, гдѣ меня ожидалъ миноносецъ Службы Связи, во время которой сломалъ четыре ребра, вывела меня изъ строя и на томъ же миноносцѣ онъ тотчасъ же отправилъ меня въ Петроградъ, прося Морской Генеральный Штабъ выслать за мною къ пристани у Николаевскаго моста автомобиль, а также и извѣстить о моемъ прибытіи «въ отпускъ» жившую въ Царскомъ Селѣ жену. Такая заботливость не только о своемъ подчиненномъ, но и его близкихъ была чрезвычайно характерной для, казалось бы, всей душой преданному лишь одной своей службѣ закоренѣлаго холостяка. И, уже въ ту же зиму онъ ярко выявилъ ее въ своемъ отношеніи ко всѣмъ летчикамъ Кильконда, распорядившись, чтобы каждый изъ

нихъ, поочередно смѣняясь вновь обученными въ Ревелѣ морскими летчиками, смогъ бы отдохнуть и развлечься отъ монотонной и скучной жизни на лишенномъ какихъ-либо рессурсовъ культурныхъ развлеченій уголкѣ Эзеля, съ котораго эвакуировалась почти вся интеллигентная часть населенія.

По прибытіи въ Ревель, каждый получившій отпускъ былъ обязанъ явиться въ его штабъ для подтвержденія его на случай какихъ-либо измѣненій военной обстановки и оставленія адреса, по которому онъ могъ быть экстренно вызванъ, такъ и для личнаго съ нимъ ознакомленія самого Непенина.

Обычно онъ приглашалъ при этомъ явившагося къ завтраку на своей холостой квартирѣ и, за рюмкой водки и всегда вкуснымъ, хотя и простымъ столомъ, близко знакомился не только со своимъ собесѣдникомъ, но и со всѣми мелочами жизни и нуждъ воздушной станціи. И, въ результатѣ такой бесѣды Кильколндъ вдругъ неожиданно получалъ отъ него подарокъ въ видѣ книгъ, грамофонныхъ пластинокъ и т. п. А побывавшій у него молодой офицеръ видѣлъ въ своемъ хлѣбосольномъ хозяинѣ не просто начальника, а настоящаго старшаго друга, унося съ собой самыя теплыя къ нему чувства.

Но, не дай Богъ, нарушить такой приказъ о явкѣ въ штабъ. Какъ-то разъ проѣзжавшій черезъ Ревель въ отпускъ летчикъ, боясь опоздать на уходящій въ тотъ же день въ Петроградъ поѣздъ, легкомысленно имъ манкировалъ и, немедленно вызванный обратно, испыталъ на себѣ всю силу начальственнаго гнѣва, до угрозы преданія военному суду въ случаѣ повторенія подобнаго ослушанія его приказамъ.

Впрочемъ, въ данномъ случаѣ было и другое серьезное предвходящее обстоятельство. Офицеръ этотъ уже и до того серьезно проштрафился и, будучи вызванъ къ Непенину для объясненій, вмѣсто того чтобы сразу же принести повинную, пытался вывернуться: кое что скрылъ, другое исказилъ — словомъ, говоря по-просту, навралъ. Прошло не мало времени прежде чѣмъ это случайно раскрылось, и Непенинъ не счелъ, конечно, возможнымъ возвращаться къ этому, по существу не такъ ужъ серьезному дѣлу. Но съ той поры онъ потерялъ къ нему довѣріе.

Ложь онъ органически не выносилъ. И, несмотря на отличныя боевыя качества, проявленныя впослѣдствіи этимъ летчикомъ, прошелъ почти годъ прежде чѣмъ онъ смѣнилъ гнѣвъ на милость, и мнѣ удалось, наконецъ, получить согласіе

на назначеніе его начальникомъ воздушнаго отряда. Данный ему Непенинымъ урокъ не прошелъ даромъ и, въ конечномъ результатѣ, изъ него вышелъ прекрасный начальникъ воздушнаго дивизіона.

Зато ничего не было легче и избѣжать подобной участи за любой, кромѣ имѣющаго прямую связь со службой военнаго времени, проступокъ, какъ путемъ своевременнаго принесенія личнаго покаянія, въ особенности, если слухъ о немъ еще не дошелъ до ушей адмирала изъ другого источника. Непенинъ это очень цѣнилъ, и, слѣдуя русской пословицѣ, его «мечъ повинную голову не сѣкъ».

Конечно, эпизоды подобные описанному, были явленіемъ исключительнымъ. Вообще же, искренне любя молодежь и обладая талантомъ угадывать внутреннюю сущность человѣка, Непенинъ умѣлъ такъ удачно найти каждому соотвѣтствующее его способностямъ и интересамъ примѣненіе, что даже тѣ, на которыхъ другіе начальники уже давно махнули рукой, у него выправлялись и дѣлались отличными служаками.

Отличной иллюстраціей этого являются его собственныя слова, сохранившіяся въ памяти командира миннаго заградителя «Амуръ» *).

«Необыкновенный человѣкъ былъ покойный Адріанъ Ивановичъ» — говоритъ кап. 1 ранга А. В. Витгефтъ, — «и Россія должна гордиться имъ, какъ русскимъ талантомъ-самородкомъ и вѣрнымъ ея слугой. Я не говорю уже про его чисто душевныя качества, его отзывчивость ко всѣмъ подчиненнымъ, его добродушный юморъ и знаніе разбираться въ людяхъ. Я не могу забыть, какъ однажды Адріанъ Ивановичъ, въ разговорѣ по поводу качествъ нашего офицерства во флотѣ сказалъ: «никуда негодныхъ офицеровъ въ нашемъ флотѣ нѣтъ. Даже самый, казалось бы, безнадежный можетъ служить и приносить пользу, ЕСЛИ ЕГО НАЧАЛЬНИКЪ, ХОРОШЕНЬКО ПРОЩУПАВЪ ЕГО, ПОСТАВИТЪ НА НАДЛЕЖАЩЕЕ ЕГО СПОСОБНОСТЯМЪ МѢСТО» **). При этомъ онъ шутя прибавилъ: «вотъ мнѣ изъ Дѣйствующаго Флота за ненадобностью сплавили въ Службу Связи лейт. Ваничку С. И что же? Онъ оказался у меня на мѣстѣ, какъ командиръ миноносца Службы Связи въ Финляндіи,

---

*) Письмо автору 11 - 3 - 56 г.
**) Курсивъ мой. Б. Д.

такъ-какъ отъ природы обладаетъ какимъ-то особеннымъ, чисто собачьимъ чутьемъ: въ самые густые туманы благополучно водитъ миноносецъ по шхерамъ. И, вотъ уже многiе годы, ни разу не посадилъ его на камни».

Въ связи съ этимъ разсказомъ вспоминается и другой примѣръ умѣнiя Непенина примѣнить человѣка къ дѣлу и тѣмъ даже спасти его отъ грозившемй тому гибели.

Когда въ Службу Связи былъ откомандированъ молодой офицеръ, которому въ такой степени грозила участь стать алкоголикомъ, что даже его ближайшiе друзья, пародируя его фамилiю, прозвали его «Мертвецкимъ», то Непенинъ, приласкавъ его и давъ ему заинтересовавшую его работу въ своемъ штабѣ, не только спасъ его отъ этой участи, но и выработалъ изъ него отличнаго дѣльнаго служаку.

Удивительно ли, что именно среди чуткой, такъ или иначе соприкасавшейся съ нимъ, молодежи Балтiйскаго флота онъ уже въ мирное время завоевалъ широкое уваженiе и довѣрiе.

Разумѣется, въ условiяхъ мирнаго времени служба въ береговыхъ частяхъ для молодого офицера была мало привлекательна. Каждаго изъ нихъ манило плавать на боевыхъ судахъ и лишь въ весьма ограниченномъ кругѣ тѣхъ изъ нихъ, кому посчастливилось плавать подъ его командою на Восьмомъ Минномъ Дивизiонѣ, его имя уже до войны пользовалось заслуженнымъ уваженiемъ и даже любовью. И въ рядахъ Службы Связи оказалось немало этихъ послѣднихъ, привлеченныхъ имъ къ себѣ.

Война, съ тѣмъ огромнымъ значенiемъ, которое быстро стало прiобрѣтать эта послѣдняя, въ связи съ подчиненiемъ Непенину Приморскаго Фронта Крѣпости Императора Петра Великаго, потребовавшаго на свои форты офицеровъ флота, и боевой ролью авiацiи, быстро увеличила притокъ въ нее жаждавшей активной работы молодежи. И, ближайшее знакомство ихъ со своимъ начальникомъ, съ его «заботливостью о человѣкѣ», вниманiемъ къ каждому, независимо отъ его положенiя на служебной лѣстницѣ, съ каждымъ днемъ увеличивало его популярность въ этой средѣ.

Особенно ярко чувствовалось это въ средѣ летчиковъ, которымъ и онъ, со своей стороны, платилъ не только заботой, но и подлинно отеческой любовью.

« ОРЛИЦА ».

Потребовавшіяся на поправку моего здоровья три краткія недѣли наслажденія осенней сказкой Царскосельскихъ парковъ пролетѣли быстро, но не безплодно.

По мысли Инженера Авіаціи А. И. Шишкова, замѣнившаго въ этой должности И. И. Сикорскаго, возникъ проектъ созданія плавучей авіоматки, способной нести на себѣ отрядъ гидроаэроплановъ въ готовомъ для спуска на воду видѣ, и мы съ нимъ занялись составленіемъ соотвѣтствующаго доклада. Окончившій курсъ Кораблестроительнаго Отдѣла Петербургскаго Политехникума, Шишковъ былъ отлично подготовленъ къ такой работѣ, и дѣло быстро пошло на ладъ. И, какъ только я смогъ вернуться въ строй, мы отправились съ нимъ въ Ревель.

Умѣвшій, какъ рѣдко кто другой, на лету схватывать практическую пользу всякой мысли, Непенинъ съ большимъ интересомъ отнесся къ нашему проекту. Такая матка наилучшимъ образомъ отвѣчала разрѣшенію весьма безпокоившаго его вопроса по обслуживанію авіаціей Або-Оландскаго района.

Ожидать завершенія строительныхъ работъ на этихъ о-вахъ, ведшихся Свеаборгскимъ Портомъ, уже перегруженнымъ другими, не менѣе важными заданіями, ранѣе поздней осени было невозможно. А потому плавучая матка, способная тѣсно сотрудничать съ дѣйствующимъ въ этомъ, пріобрѣтавшемъ все болѣе важное стратегическое значеніе, районѣ, частями флота, и, къ тому же, совершенно автономная, благодаря своимъ ремонтнымъ мастерскимъ, отъ береговыхъ учрежденій, отвѣчали всѣмъ требованіямъ.

И, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, онъ, какъ только его собственный рапортъ Командующему Флотомъ былъ готовъ, послалъ насъ въ Гельсингфорсъ для дачи личныхъ разъясненій.

Всегда внимательный ко всякому представленію Непенина, Эссенъ лично выслушалъ насъ, обѣщалъ немедленно снестись съ Морскимъ Генеральнымъ Штабомъ и, отпуская меня, сказалъ, что, въ случаѣ благопріятнаго исхода дѣла, онъ назначитъ меня командиромъ этого корабля, съ оставленіемъ въ должности Начальника Воздушнаго Района Службы Связи.

* * *

Съ легкимъ сердцемъ возвращался я въ Ревель, гдѣ предстояло еще наладить вопросы снабженія, подготовки морскихъ летчиковъ и прочихъ вопросовъ къ веснѣ 1915-го года.

Не подсказало оно, что, увы, въ послѣднiй разъ довелось тогда видѣть того, къ кому, по всей справедливости должно было отнести тѣ же слова, какими такъ ярко обрисовалъ послѣ Синопа Нахимовъ роль сыгранную въ подготовкѣ его побѣды адмираломъ Лазаревымъ. Поистинѣ адмиралъ Николай Оттовичъ Эссенъ тоже «СДѢЛАЛЪ ВСЕ», чтобы возсоздать Морскiя Силы Балтiйскаго моря и подготовить ихъ къ успѣшной борьбѣ съ неизмѣримо сильнѣйшимъ врагомъ.

Но, даже его крѣпкая натура не смогла вынести этихъ неустанныхъ трудовъ. И, не прошло и полугода съ того, врѣзавшагося въ мою память дня послѣдней съ нимъ встрѣчи, какъ его горячее сердце остановилось, и онъ ушелъ въ то послѣднее свое «дальнее плаванiе», изъ котораго уже нѣтъ возврата въ этотъ вѣчно бушующiй мiръ, оставивъ по себѣ неизгладимый слѣдъ въ исторiи Россiи и ея Флота.

АВIАЦIЯ ВЪ БОЯХЪ.

«Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается» говоритъ житейская мудрость. И, какъ ни быстро былъ подысканъ въ Петроградскомъ Торговомъ Порту подходящiй для цѣли английскiй пассажрискiй пароходъ «Императрица Александра» — 4.800 тон. — 14 - 1/2 узловъ и, съ помощью присланнаго мнѣ въ помощь Непенинымъ Инж.-Мех. В. П. Орлова, преодолѣны всѣ препоны его владѣльцевъ, выставлявшихъ, въ числѣ прочихъ доводовъ ложные дефекты котловъ и т. п.; какъ ни молнiеносно проводили Морской Генеральный Штабъ и самъ Морской Министръ, всю дѣловую сторону до Всеподаннѣйшаго доклада включительно; несмотря даже на утвержденный адмираломъ Григоровичемъ совершенно небывалый порядокъ веденiя работъ Путиловской верфью, предоставлявшiй командиру корабля лично утверждать попутно выясняющiяся потребности въ измѣненiи первоначальныхъ проектовъ и чертежей, и живое участiе въ работахъ всего судового состава, включая летчиковъ, готовность его къ выходу въ море съ недѣли на недѣлю затягивалась. И, вмѣсто середины мая «Орлица», зачисленная для

секретности ея назначенія во второй рангъ «учебныхъ судовъ», только въ концѣ іюня смогла выйти на пробу механизмовъ, обученія команды обращенію съ гидроаэропланами, артиллерійской стрѣльбѣ и т. п. Во время этого плаванія обнаружились и еще кое-какія мелкія неисправности механизмовъ и, сдѣлавшій намъ въ Ревелѣ смотръ, Командующій Флотомъ вице-адмиралъ В. А. Канинъ, приказалъ идти для ихъ исправленія въ Свеаборгскій портъ.

Между тѣмъ уже въ серединѣ іюля Непенинъ, по имѣвшимся у него свѣдѣніямъ зналъ о намѣреніяхъ нѣмцевъ форсировать большими силами Ирбенскій проливъ для обезпеченія и поддержки продвинувшагося до устья Двины лѣваго фланга своей арміи.

Ввиду этого онъ торопилъ меня выставить для развѣдочныхъ цѣлей дежурство аэроплановъ Кильконда на Церельской косѣ и, какъ только «Орлица» будетъ готова, слѣдовать на ней туда же. Новая стратегическая обстановка мѣняла всѣ предыдущіе планы, и мысль о посылкѣ ея въ Або-Оландъ отпадала. Оставивъ корабль заканчивать работы, я срочно выѣхалъ на Эзель для согласованія работы Авіаціи съ Начальникомъ Минной Дивизіи кап. 1 р. С. А. Трухачевымъ, въ оперативное распоряженіе котораго вступали всѣ находящіяся въ заливѣ боевыя части.

Освѣдомленность Непенина вскорѣ подтвердилась и уже 20-го іюля, надъ Ирбеномъ появились первыя ласточки, предвѣщающія приближеніе горячаго времени.

Къ этому времени на Церелѣ и мы выставили дежурство авіаціи въ составѣ двухъ аппаратовъ съ Кильконда (летчики — лейт. Литвиновъ и Лишинъ) и двухъ съ «Орлицы» (летчики — лейт. Краевскій и Звѣревъ), и, уже наканунѣ, согласно желанію Трухачева, я съ Лишинымъ и Звѣревымъ произвелъ фотографическую развѣдку южнаго побережья пролива, а на слѣдующее утро два аппарата должны были вылетѣть туда же для корректировки стрѣльбы миноносцевъ по Михайловскому маяку, гдѣ былъ обнаруженъ непріятельскій постъ. Поэтому аппараты — Лишина и Звѣрева — уже съ разсвѣтомъ были въ полной готовности къ вылету, когда съ юга показались два «Альбатроса», летящіе къ стоявшимъ у Цереля нашимъ миноносцамъ, которые, замѣтивъ ихъ, снялись съ якоря и бросились вразсыпную, чтобы избѣжать бомбъ.

Лишинъ и Звѣревъ вылетѣли имъ навстрѣчу. Остальные два аппарата не смогли подняться сразу и, разогрѣвая мото-

ры, носились еще по водѣ, когда первые два уже сблизились съ нѣмцами.

Сцѣпившись съ переднимъ изъ нихъ, направлявшимся къ «Москвитянину», и обстрѣливая его изъ Маузера и карабина, Лишинъ, повидимому ранилъ летчика, т. к. «Альбатросъ», сильно качнувшись, повернулъ и, снижаясь, пошелъ къ своему берегу. Звѣреву же не повезло. Вынужденный, изъ-за перебоевъ мотора, сѣсть на воду, онъ, былъ затѣмъ прибуксированъ кѣ берегу и не смогъ принять участія въ дѣлѣ.

Между тѣмъ второй нѣмецъ пошелъ къ Лишину и, обстрѣлявъ другъ друга на контра-галсахъ, они разошлись.

Моторъ Лишина сталъ «чихать» и онъ уже думалъ вернуться на станцію, когда замѣтилъ, что его противникъ направился къ проходящей въ непогруженномъ состояніи мелководнымъ фарватеромъ нашей подводной лодкѣ. Не заботясь о своемъ моторѣ, Лишинъ тотчасъ бросился ему на пересѣчку и вынудилъ его уйти въ направленіи на Виндаву, послѣ чего благополучно вернулся на Церель.

Разсчитывая застать тамъ нѣмцевъ врасплохъ, я съ Литвиновымъ и Краевскимъ рѣшили отвѣтить нѣмцамъ немедленнымъ визитомъ въ Виндаву и тотчасъ вылетели туда съ цѣлью развѣдки и бомбардировки аванпорта.

Эта самостоятельная съ моей стороны авантюра едва не обошлась намъ дорогой цѣной. У самой Виндавы моторъ Литвинова сталъ давать перебои. Сбросивъ бомбы и стрѣлы (стальныя пули съ ведущимъ хвостомъ) по бѣгающимъ въ аванпортѣ «Альбатросамъ» и небольшому судну, видимо ихъ конвоиру — мы, сопровождаемые огнемъ противуаэропланной батареи, пошли, вслѣдъ за остальными аппаратами, домой *).

Искусно управляя снижавшимся аппаратомъ Литвиновъ долетѣлъ до Ирбенскаго миннаго поля, посреди котораго мы сѣли и затѣмъ были отбуксированы на Церель моторнымъ катеромъ дежурившаго въ проливѣ миноносца.

Едва успѣли вернувшіеся аппараты пополнить свои баки бензиномъ и Литвиновъ наладилъ моторъ, какъ постъ Службы

---

*) Въ моихъ воспоминаніяхъ "Авіація Б. М. ("М. Зап." 1948г) я разсказалъ о встрѣчѣ въ 1931 г. въ С. Франциско съ б. командиромъ этой батареи К. — лейт. Лангъ, который былъ увѣренъ, что сбилъ нашъ аппаратъ, хотя его и не могли потомъ найти, и былъ, видимо разочарованъ узнать во мнѣ одну изъ предполагавшихся жертвъ его стрѣльбы. Это не помѣшало намъ дружно выпить за наше прошлое. Б. Д.

Связи на Церельскомъ маякѣ увидѣлъ летящій съ моря «Цеппелинъ».

Увидѣвъ вылетѣвшіе ему на встрѣчу четыре нашихъ аппарата онъ повернулъ на нордъ, но и оттуда къ нему уже летѣли высланные мною съ Кильконда еще два аэроплана. Круто повернувъ на зюйдъ-вестъ и отстрѣливаясь изъ пушекъ воздушный гигантъ сталъ удаляться въ море. Какъ потомъ сообщилъ намъ Непенинъ, онъ при этомъ телеграфировалъ — «меня преслѣдуютъ аэропланы». Но ни одного аппарата на его защиту изъ Виндавы не вылетѣло.

Конечно, атака съ карабинами и пистолетами не могла быть для него опасной. Но онъ могъ опасаться и бомбъ и даже тараннаго удара. И, хотя послѣдній означалъ бы вѣрную гибель самого летчика, все же та настойчивость, съ которой всѣ шесть летчиковъ старались съ нимъ сблизиться, говорила о ихъ твердомъ намѣреніи атаковать его во что бы то ни стало. И только ограниченный радіусъ дѣйствія нашихъ гидроаэроплановъ вынудилъ ихъ прекратить погоню.

Какъ бы то ни было, моральная побѣда въ этой борьбѣ нервовъ была всецѣло на ихъ сторонѣ. Шелъ ли «Цеппелинъ» къ заливу лишь для развѣдки или же намѣревался и сбросить свой большой запасъ крупнокалиберныхъ бомбъ по нашимъ кораблямъ, выполнить свою задачу онъ не смогъ. И весьма возможно, что не менѣе важнымъ результатомъ этой безкровной побѣды нервовъ было то, что съ того дня ни одинъ изъ «Цеппелиновъ» въ теченіе всей войны ни разу не осмѣлился больше появляться надъ нашими водами въ свѣтлые часы сутокъ.

День 20-го іюля, посвященный памяти Св. Пророка Иліи, бывшій праздникомъ русской армейской авіаціи *), былъ днемъ боевого крещенія Авіаціи Балтійскаго моря. Съ этого момента она вышла изъ узкихъ рамокъ своего первоначальнаго назначенія служить лишь расширеніемъ горизонта видимости береговыхъ постовъ Службы Связи. И, при всей своей малочисленности и технической слабости молодого оружія, она завоевала право стать въ ряды боевыхъ единицъ русскаго флота.

---

*) Еще при формированіи Опытной Ав. Станціи въ Петербургѣ въ 1912 г. наши летчики хотѣли заказать для нея образъ Св. Пр. Иліи. Я этого не одобрилъ, находя, что мотивъ: "Онъ былъ первымъ летавшимъ на аппаратѣ тяжелѣе воздуха" — отзывался кощунствомъ. Но, кому вѣдомы таинственныя стези Божьяго Промысла? И, быть можетъ, именно я, со своимъ слабымъ разумомъ, и былъ тогда неправъ. Б. Д.

Непенинъ сразу оцѣнилъ моральное значеніе событій этого дня, какъ для его участниковъ, такъ и для будущности всей русской морской авіаціи. И, въ отвѣтъ на мое телеграфное донесеніе тотчасъ отвѣтилъ такой теплой подбодряющей депешей, что она на всю жизнь дословно врѣзалась въ память и сердца тѣхъ, кого онъ ею обласкалъ.

«ПРАВИЛЬНО БОРИСЪ ПЕТРОВИЧЪ. СВИДѢТЕЛЬСТВУЮ МОЕ ПОЧТЕНІЕ ГОСПОДАМЪ ЛЕТЧИКАМЪ».

Вотъ и все. Но кто другой сумѣлъ бы вложить въ эти нѣсколько словъ столько настоящаго сердечнаго чувства?

Всѣ мои представленія участниковъ дѣла этого дня были имъ одобрены и проведены. Сергѣй Лишинъ сталъ первымъ Георгіевскимъ Кавалеромъ Русской Морской Авіаціи, а его механикъ — унтеръ-офицеръ Смолинъ — Знака Военнаго Ордена. Литвиновъ и Краевскій получили орденъ Св. Владиміра 4-й ст. съ мечами и бантомъ, остальные летчики Анненское Оружіе (Св. Анны 4-й ст.) и ихъ механики Георгіевскія медали. И мнѣ самому былъ пожалованъ орденъ Св. Владиміра 3-й степени съ мечами, а на Пасху 1916 года я былъ произведенъ въ капитаны 1-го ранга за отличіе въ дѣлахъ противъ непріятеля.

* * *

Получивъ на слѣдующій день извѣщеніе Непенина, что предполагавшаяся операція германскаго флота по форсированію Ирбена отложена на неопредѣленное время, я возвратился въ Гельсингфорсъ, и такъ-какъ работы на «Орлицѣ» были закончены, вышелъ на ней въ Ревель, а оттуда въ Рижскій заливъ, гдѣ вступилъ въ оперативное подчиненіе Начальнику Минной Дивизіи.

Такимъ образомъ, черезъ свою авіацію въ районѣ Рижскаго залива, свой авіаціонный корабль и прикомандированный къ послѣднему свой миноносецъ, Служба Связи органически сливается со всѣми частями дѣйствующаго флота, объединенными подъ общимъ командованіемъ этого послѣдняго.

И САМЪ НЕПЕНИНЪ, СТОЯ ВО ГЛАВѢ ЧЕТЫРЕХЪ, ХОТЯ И ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХЪ, НО ВЕСЬМА СУЩЕСТВЕННЫХЪ ЕГО ЧАСТЕЙ — НАБЛЮДАТЕЛЬНО-СТОРОЖЕВОЙ (Береговые посты), АГЕНТУРНО-РАЗВѢДОЧНОЙ (Агентура X), ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ (Береговой Фронтъ Крѣпости И. П. В.) и АКТИВНО-БОЕВОЙ (береговая и судовая авіація и миноносцы Сл. Связи) ЕСТЕСТ-

ВЕННО ПРІОБРѢТАЕТЪ ВСЕ БОЛЬШЕЕ ВЛІЯНІЕ НА ПЛАНИРОВАНІЕ И ДАЖЕ САМЫЙ ХОДЪ ВСѢХЪ НАИБОЛѢЕ ВАЖНЫХЪ ОПЕРАЦІЙ ДѢЙСТВУЮЩАГО ФЛОТА БАЛТІЙСКАГО МОРЯ и становится однимъ изъ тѣхъ большихъ маховиковъ оперативной его машины, безъ участія котораго ни одна изъ нихъ фактически не выполняется.

РАЗВЕРТЫВАНІЕ АВІАЦІИ.

Популярность воздушной службы среди жаждавшей активной боевой работы нашей чудесной молодежи флота со дня боевого крещенія въ Ирбенѣ замѣтно возросла. И число желающихъ вступить въ ряды летчиковъ увеличилось. Однако флотъ не могъ удѣлить изъ свое среды достаточное число офицеровъ. И лишь благодаря соглашенію съ Военнымъ Вѣдомствомъ, имѣвшимъ избытокъ выпускаемыхъ изъ школы летчиковъ, эту потребность удалось удовлетворить.

Это былъ прекрасный контингентъ молодыхъ энтузіастовъ. И въ ихъ рядахъ было не мало людей прошедшихъ высшее техническое образованіе, что не только облегчало ихъ дальнѣйшую подготовку и моральное объединеніе съ офицерами флота въ одну дружную семью Морской Авіаціи, но и дало намъ хорошій контингентъ отличныхъ техниковъ.

Этихъ новопришельцевъ Непенинъ встрѣтилъ ласково и, въ скоромъ времени, всѣ они стали для него такъ же близкими ,какъ и тѣ, которые вышли изъ одного съ нимъ гнѣзда — Морского Корпуса.

Поскольку пришлось видѣть тогда и услыхать уже за рубежомъ, изъ писемъ тѣхъ изъ нихъ, кто смогъ откликнуться на просьбу дать для настоящей работы свои воспоминанія, не было, кажется, ни одного изъ нихъ, кто не питалъ бы къ нему чисто сыновнихъ чувствъ, пронесенныхъ черезъ всю, нерѣдко, полную тяжелыхъ переживаній, жизнь.

Дала война и нѣсколько летчиковъ изъ рядового состава флота, какъ, напримѣръ, б. кондуктора Службы Связи Еременко, кавалера знаковъ Военнаго Ордена, достигшаго производства въ офицерскій чинъ за отличную боевую службу. И эти люди его поистинѣ обожали.

Такой приливъ новаго состава требовавшаго обученія управленію гидроаэропланомъ, при ограниченномъ числѣ собственныхъ морскихъ летчиковъ и неблагопріятныхъ зим-

нихъ условіяхъ, сильно перегружалъ работу Центральной Воздушной Станціи Ревеля, пока Морской Генеральный Штабъ, въ лицѣ старшаго лейтенанта А. А. Тучкова, выявившаго большія организаціонныя способности и недюжинную энергію въ должности Начальника Авіаціоннаго Отдѣла, не создалъ для этой цѣли спеціальную школу въ Баку, снявшую съ насъ эту заботу. Это позволило сосредоточить наши усилія на своихъ собственныхъ боевыхъ задачахъ.

ВЪ РИЖСКОМЪ ЗАЛИВѢ.

Повторять исторію борьбы нашихъ морскихъ силъ съ несоизмѣримо превосходнымъ врагомъ за Рижскій заливъ въ 1915-16 годахъ здѣсь не требуется. Она правдиво и красочно занесена на скрижали исторіи Русскаго Флота многими изъ ея участниковъ *). И всѣ они ярко подчеркиваютъ ту огромную роль, которую играли въ экономіи силъ и энергіи личнаго состава и технической части дѣйствовавшихъ тамъ кораблей и даже въ охраненіи самой ихъ жизни отъ ненужнаго риска Непенинъ и его Служба Связи со всѣми ея частями.

Посильное участіе принимали въ ней и Корабельный Отрядъ (Орлица) и Первый Воздушный Дивизіонъ (Возд. Станція Кильскондъ), выставлявшій по мѣрѣ надобности летучія станціи на Церельской косѣ, въ Аренсбургѣ и на островѣ Руно.

Героическая борьба лин. корабля «Слава» съ цѣлыми эскадрами и береговыми батареями нѣмцевъ одна изъ самыхъ красивыхъ страницъ той войны. Имена ея командировъ — павшаго въ бою съ послѣдними — капитана 1-го р. князя С. С. Вяземскаго и скончавшагося уже въ Санъ-Франциско въ чинѣ контръ-адмирала В. В. Ковалевскаго (въ дни революціи замѣстившаго меня въ должности Начальника Воздушной Дивизіи Балт. Моря) не могутъ быть стерты съ правдивыхъ страницъ исторіи Россійскаго Императорскаго Флота.

И, наряду съ ними встанетъ и имя вице-адмирала Адріана Непенина, своевременная и точная информація котораго о врагѣ такъ благодѣтельно отзывалась въ тѣ дни на каждомъ шагѣ русскихъ силъ.

И все же, въ связи съ неблагопріятной для защитниковъ

---

*) Графъ "На Новикѣ", Инж.-Мех. Мазуренко — "На "Славѣ" въ Рижскомъ Заливѣ" Н. В. Кемарскій — "М. Зап." 1951 г. Т. 9. — "День 4/17 Августа 1915 г. въ Ирбенскомъ проливѣ" и др.

Ирбена погодой — густымъ туманомъ — вторичная попытка врага форсировать проливъ едва не завершилась успѣхомъ. 5-го августа, слѣдуя подъ занятымъ ихъ арміей южнымъ берегомъ пролива за тралами, нѣсколько боевыхъ судовъ эскадры адмирала Шмидта вошли въ заливъ. Наши силы отошли въ Куйвастъ — базу минной дивизіи къ востоку отъ Эзеля. Туда же, въ туманѣ, перешла и «Орлица», стоявшая на рейдѣ Аренсбурга, ничего не зная о трагедіи кан. лодокъ «Кореецъ» и «Сивучъ», ставшихъ жертвой внезапной встрѣчи съ германскимъ отрядомъ на переходѣ, по приказу изъ Штаба Флота, изъ Риги въ Куйвастъ.

Прилетѣвшій туда съ Кильконда Литвиновъ доложилъ, что имъ получено непосредственно отъ Непенина приказаніе начать эвакуацію излишняго имущества станціи, ввиду начавшагося отхода съ острова дивизіи Морскихъ Стрѣлковъ.

Литвиновъ просилъ моихъ указаній, какъ ему слѣдуетъ произвести указанную эвакуацію имущества, какъ поступить со станціей, бетонными ангарами, зданіями и пр. и когда улетать аппаратамъ.

Наканунѣ этого я, имѣя въ виду возможность высадки нѣмцевъ на Эзель, отклонилъ предложеніе (не приказаніе) Трухачева уйти въ Ревель вмѣстѣ съ уходившимъ туда «Амуромъ», израсходовавшимъ всѣ мины на подступахъ къ Куйвасто съ залива, именно потому, что «Орлица» могла оказаться полезной при такой эвакуаціи. Поэтому я, со своей стороны, обѣщалъ Литвинову, что не уйду, пока команда станціи и обозъ съ имуществомъ не придутъ сюда, приказавъ не разрушать станцію до фактической высадки нѣмцевъ, и сказавъ, что каждый лишній день ея жизни и работы будетъ ему поставленъ въ заслугу. Обрадованный Литвиновъ, всѣмъ сердцемъ любившій свою станцію, отвѣтивъ: «теперь я знаю, какъ мнѣ дѣйствовать», поспѣшилъ улетѣть назадъ.

Тотчасъ съѣхавъ на постъ Службы Связи, я вызвалъ къ телефону Адріана Ивановича и, разумѣется, сильно волнуясь, доложилъ ему о моихъ распоряженіяхъ, шедшихъ вразрѣзъ его приказаніемъ.

«Успокойтесь, Борисъ Петровичъ», — услышалъ я его ровный, какъ мнѣ показалось, даже веселый голосъ. «Все идетъ хорошо». И только.

А черезъ нѣсколько часовъ по всѣмъ кораблямъ разнеслась радостная вѣсть. Непенинъ сообщилъ, что нѣмцы очищаютъ заливъ.

Понеся за дни операціи потери въ миноносцахъ и тральщикахъ въ бояхъ и на минахъ и потерявъ броненосный крейсеръ «Мольтке», подорванный англійской подводной лодкой «Е-1», и легкій крейсеръ, потопленный нашей «Акулой», адмиралъ Шмидтъ рѣшилъ операцію прекратить до болѣе благопріятнаго времени. Духъ побѣдилъ матерію.

Во время предпринятыхъ Минной Дивизіей операцій по закупоркѣ мелководнаго фарватера подъ южнымъ берегомъ Ирбена, «Орлица» буксировала туда баржи и, съ помощью даннаго ей буксира, вмѣстѣ съ миноносцами, участвовала въ этомъ дѣлѣ.

28-го августа, съ цѣлью развѣдки и для того, чтобы показать нѣмцамъ, что стоянка подводныхъ лодокъ въ Виндавѣ не безопасна, нами была произведена воздушная бомбардировка ея аванпорта.

Изъ восьми аппаратовъ, конвоировавшихся миноносцемъ «Прозорливый» подъ командой лейтенанта Гамильтонъ, одинъ, съ летчикомъ лейт-мъ В. Е. Звѣревымъ и наблюдателемъ Старшимъ Офицеромъ «Орлицы» ст. л-мъ С. М. Кавелинымъ, въ качествѣ спеціалиста по артиллеріи, хотѣвшаго провѣрить воздушный прицѣлъ Тираспольскаго, изъ-за порчи мотора вынужденъ былъ сѣсть на воду, гдѣ оба офицера, уничтоживъ свой аппаратъ, были подобраны нѣмцами, о чемъ мы скоро узнали изъ сброшенной ихъ летчикомъ эстафеты.

Получивъ это извѣстіе, Непенинъ тотчас о нихъ позаботился, приказавъ регулярно посылать имъ на казенный счетъ продовольственныя посылки, что, по ихъ свидѣтельству, помогло имъ пережить тяжелыя условія долгаго плѣна.

Какъ ни мало дѣйствительны были подобныя операціи и воздушныя бомбардировки по тральщикамъ въ Ирбенѣ, заставлявшимъ ихъ отдавать тралы и бросаться въ разсыпную, все же германское командованіе со своей стороны удостоило Церельскую станцію бомбардировкой изъ 12-ти дюймовыхъ орудій, результатомъ которой было поврежденіе одной парусиновой палатки и стоявшаго въ ней аппарата, который удалось скоро починить.

Содѣйствіе авіаціи нашимъ судамъ выразилось еще и въ корректировкѣ «Орлицей» и «Прозорливымъ» стрѣльбы лин. кор. «Слава», кан. л. «Грозящій» и миноносцевъ по батареямъ германскаго фронта 12-го сентября, причемъ оба корабля подверглись безуспѣшной воздушной атакѣ. Армейское ко-

мандованіе было въ восторгѣ отъ результатовъ «ураганнаго» огня судовъ. Но операція эта обошлась флоту дорогой цѣной. Снарядомъ полевой пушки, осколки котораго попали въ прорѣзъ броневой рубки «Славы», были убиты почти всѣ въ ней находившіеся и въ ихъ числѣ командиръ корабля доблестный князь Вяземскій и способнѣйшій артиллеристъ Штаба Флота кап. 2 р. Свиньинъ *).

Принимала «Орлица» участіе и въ десантной операціи у мыса Рагоцемъ въ тылу германскаго фланга 9 октября, во время которой отрядъ подъ командой командира м-ца «Инж.-Мех. Дмитріевъ» — капитана 2-го ранга П. О. Шишко разбилъ два отряда ландштурмистовъ, взявъ много плѣнныхъ.

Лѣтняя кампанія 1915 года подходила къ концу. Въ итогѣ ея наши потери въ аппаратахъ и летчикахъ, численно незначительныя, были для насъ тяжелы не только потому, что онѣ были велики пропорціонально общему летному составу, но и тѣмъ, что главной причиной ихъ являлась ненадежность моторовъ. Такъ, кромѣ упомянутыхъ С. М. Кавелина и В. Е. Звѣрева, по той же причинѣ попалъ въ плѣнъ и мичманъ Галибинъ. Поиски невернувшихся аппаратовъ съ воздуха не всегда давали положительные результаты за малой ихъ видимостью при малѣйшей зыби.

И искренне болѣвшій душею за каждаго попавшаго въ такую бѣду, Непенинъ съ особой признательностью относился ко всякой помощи, оказанной «извнѣ».

Характерный случай вспоминаетъ б. офицеръ эск. м-ца «Новикъ» ст. лейт. Н. В. Кемарскій *).

Утромъ 8-го сентября 1915 г. съ миноносца было замѣчено вдалекѣ на поверхности моря «что-то». Но что это было сигнальщики опредѣлить не могли. Пробили боевую тревогу, но, приблизясь, увидѣли, что это аэропланъ подъ Андреевскимъ флагомъ на вертикальномъ рулѣ. Спустили четверку, прибуксировали осторожно аппаратъ къ борту. Летчикъ — мичманъ Мустяцъ — явился командиру и доложилъ, что со вчерашняго вечера сидѣлъ на водѣ ожидая, что его кто-нибудь замѣтитъ и сообщитъ въ Службу Связи. Немедленно было дано радіо Непенину, отъ котораго незамедлительно былъ полученъ отвѣтъ « СПАСИБО ДРУЖИЩЕ » . «Въ этомъ отвѣтѣ, —

---

*) Почти тождественно повторилось то, что имѣло мѣсто на "Цесаревичѣ" въ бою у Шантунга 28 августа 1904 г. Очевидно грибовидная крыша броневой рубки способствовала роковому рикошету осколковъ и газовъ внутрь ея. Б. Д.

**) Письмо автору 6-1-59 г.

добавляетъ авторъ воспоминанiй, — отразились полностью тѣ трогательно теплыя дружескiя отношенiя между чинами Россiйскаго Императорскаго Флота, составлявшими какъ бы одну семью». Это, конечно, такъ. Но кто, кромѣ Непенина, сумѣлъ бы такъ ярко, въ двухъ словахъ выразить это, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и ту личную благодарность за успокоенiе тревоги за летчика, которое телеграмма ему доставила.

Впрочемъ умѣлъ онъ и упрекнуть съ дружескимъ юморомъ кого слѣдовало.

Такъ, когда «Дiана» въ 1916-мъ году, несмотря на весьма характерныя различiя въ силуэтахъ нашихъ «летающихъ лодокъ» и поплавковыхъ нѣмецкихъ «Альбатросовъ», открыла огонь по возвращавшимся съ воздушной развѣдки въ Аренсбургъ нашимъ летчикамъ, Непенинъ телеграфировалъ командиру: «За что вы обстрѣляли МОИХЪ ЛЕТЧИКОВЪ? Къ счастью, стрѣльба ваша была преотвратительная» *).

КОНФЛИКТЪ СЪ НЕПЕНИНЫМЪ.

Въ концѣ ноября 1915 г. «Орлица» перешла на зимовку въ Гельсингфорсъ. И черезъ нѣсколько дней по приходѣ я получилъ изъ Штаба Флота распоряженiе о воздушной развѣдкѣ Виндавы. Бывши все лѣто въ оперативномъ подчиненiи Начальнику Минной Дивизiи я, привыкши самостоятельно распоряжаться выполненiемъ его указанiй, и въ данномъ случаѣ, далъ черезъ Центральную Станцiю Службы Связи приказанiе на Кильнкондъ такую развѣдку произвести «если состоянiе льда позволяетъ». И, совершенно неожиданно, получилъ отвѣтъ не съ Кильконда, а отъ Непенина, сообщавшiй объ отмѣнѣ имъ моего распоряженiя.

Считая, что это подрываетъ мой авторитетъ, я, по своей молодой горячности, подалъ ему протестующiй рапортъ. Не получивъ отвѣта (рапортъ былъ ошибочно засланъ въ штабъ флота и тамъ пролежалъ) я подалъ второй, отвѣтъ на который меня не удовлетворилъ, и я подалъ третiй — съ просьбой освободить меня отъ должности Начальника Воздушнаго района.

По счастливой случайности въ моихъ личныхъ документахъ сохранилось его СЕКРЕТНОЕ ПИСЬМО отъ 10-го декабря 1915 года, полученное въ отвѣтъ на мои рапорты.

«Разъясняю, — писалъ онъ, — что прежде всего Вы под-

*) Восп. летчика Н. В. Румянцева. Письмо 28-8-58 (Курсивъ мой. Б. Д.)

чинены мнѣ, и подчиненіе заключается не въ томъ, чтобы подчиненный былъ свободенъ дѣлать, что ему угодно, донося о своихъ поступкахъ своему начальнику для свѣдѣнія, а заключается при той значительной самостоятельности, которая Вамъ предоставлена ст. 20 Положенія въ непосредственномъ руководствѣ Авіаціей Службы Связи и выполненіи функцій оперативныхъ, инспекторскихъ и хозяйственныхъ, въ предѣлахъ данныхъ Вамъ мною директивъ или одобренныхъ мною докладовъ. Для этого не требуется длинныхъ инструкцій, это понятно само собой. То, что мной предоставлялась какъ Вамъ, такъ и другому моему помощнику, полная свобода въ дѣйствіяхъ, обязывало Васъ къ болѣе обдуманному использованію этой свободы, чего не вижу ни въ Вашихъ распоряженіяхъ о производствѣ развѣдки въ Виндавѣ, а тѣмъ болѣе въ подачѣ Вашихъ рапортовъ».

Далѣе слѣдуютъ не особенно убѣдительныя цифры радіуса полета поставленныхъ на лыжи «Фармановъ», предназначенныхъ для зимней службы и др. техническія данныя, заканчивающіяся словами «РАДИ ЧЕГО, СПРАШИВАЕТСЯ, ПОСЫЛАТЬ?» *) и въ заключеніе: «Полагаю, что настоящимъ письмомъ исчерпывается переписка».

И, быть можетъ, для того, чтобы немного смягчить офиціальный тонъ разноса, слѣдующая за общепринятымъ увѣреніемъ въ «совершенномъ почтеніи и преданности» его характерно твердо выведенной подписи «А. НЕПЕНИНЪ» не предшествуетъ даже обычный въ служебной перепискѣ чинъ автора.

Изъ вскорѣ послѣдовавшаго откровеннаго разговора выяснилось, что главной причиной вспышки его неудовольствія былъ не столько мой поступокъ, сколько то, что Штабъ Флота, обратившись ко мнѣ черезъ его голову, какъ бы присваивалъ себѣ распоряженіе авіаціей, котораго онъ не хотѣлъ уступать никому.

И, вотъ, чтобы избѣжать повторенія подобныхъ недоразумѣній, онъ рѣшилъ, что, какъ только пройдетъ его представленіе о моемъ производствѣ въ капитаны 1-го ранга, мнѣ надо будетъ сдать командованіе «Орлицей» другому лицу, а самому заняться подготовкой авіаціи къ кампаніи 1916-го года при его штабѣ. Съ возобновленіемъ же ея дѣйствій я вновь буду руководить ими гдѣ потребуется, для чего въ мое распоряженіе будетъ данъ миноносецъ.

---

*) Курсивъ мой. Б. Д.

КАМПАНІЯ 1916 ГОДА.

Несмотря на численный ростъ какъ личнаго состава, такъ и матерьяльной части авіаціи и вооруженіе аппаратовъ пулеметами, число жертвъ борьбы въ воздухѣ лѣтомъ 1916 года стало прогрессивно возрастать. Маневренныя преимущества нашихъ летающихъ лодокъ «Щ.С.» надъ поплавковыми «Альбатросами», которыми мы обладали въ предыдущее лѣто, съ появленіемъ у нѣмцевъ — «Фоккеровъ» были утеряны. А перенесеніе ими своей базы изъ Виндавы на Ангернское озеро въ самомъ тылу лѣваго фланга ихъ арміи и количественное усиленіе тамъ воздушной силы дало имъ и большія тактическія преимущества. Отсюда какъ изъ центра сегмента, охватывающаго всю площадь Рижскаго залива съ островомъ Эзель, ихъ летчики, забравъ уже надъ своей территоріей высоту, легко и быстро могли вести атаки въ любомъ направленіи отъ Ирбена до Моонъ-зунда, включая даже и саму Воздушную Станцію Кильконда. Наши суда въ Куйвасто, вынужденные все время быть наготовѣ сняться съ якоря и маневрировать во избѣжаніе бросаемыхъ ими бомбъ, естественно обвиняли насъ въ томъ, что мы не охраняемъ ихъ отъ этого въ достаточной мѣрѣ. Но, увы, въ такомъ же положеніи были даже и наши собственныя станціи. Держать постоянный и достаточно сильный патруль въ воздухѣ мы были не въ состояніи. А выносъ дежурныхъ отрядовъ на вновь оборудованныя станціи на о. Руно и въ Аренсбургѣ и даже наличіе «Орлицы», командованіе которой я вскорѣ послѣ Пасхи сдалъ кап. 2 р. Тыртову, способствовали, главнымъ образомъ, лишь возможности встрѣчъ съ уже возвращающимся домой врагомъ. Слабо развитая зенитная артиллерія судовъ и станцій была недѣйствительна и служила больше моральной, чѣмъ реальной угрозой.

Со своей стороны мы не могли внезапно атаковывать Ангернъ днемъ, т. к. при полетѣ надъ занятой нѣмцами территоріей, наши аппараты были бы своевременно обнаружены и встрѣчены какъ артиллеріей такъ и предупрежденными армейскими истребителями.

Хотя эти налеты непріятеля больше раздражали, чѣмъ приносили ущербъ, благодаря мелкому калибру бомбъ, все же было необходимо, особенно послѣ того, какъ при атакѣ на «Орлицу» былъ сбитъ въ воздушномъ бою летчикъ подп.

Извѣковъ, отвѣтить врагу тѣмъ же. И съ этой цѣлью былъ организованъ ночной налетъ на Ангернъ, въ которомъ приняли участіе два отряда съ о. Руно и корабельный съ «Орлицы». Для оріентировки летчиковъ я на «Прозорливомъ» подошелъ къ берегу и до ихъ возвращенія держалъ яркій клотиковый огонь. Судя по сильному огню на Ангернѣ атака нашихъ аппаратовъ произвела тамъ большой переполохъ и, хотя точныхъ результатовъ узнать не удалось, все же она дала ея участникамъ большое удовлетвореніе и подняла ихъ духъ. Отличные отзывы, которые Нач. Миной Дивизіи А. В. Колчакъ давалъ Непенину о дѣйствіяхъ оперативно подчиненной ему авіаціи были ему несомнѣнно пріятны. И, все же, онъ больше всего думалъ о летчикахъ, и всякій безполезный рискъ ихъ жизнью глубоко его волновалъ и каждую жертву ею онъ переживалъ тяжело, въ особенности когда она не требовалась обстоятельствами. И когда Нач. Отряда на Руно лейт. Гарковенко, самовольно предпринявшій дневной налетъ на Ангернъ, погибъ въ бою съ двумя нѣмцами, Непенинъ строго воспретилъ повторять какія-либо авантюры, не требующіяся обстоятельствами.

Насколько наша авіація даже въ предыдущемъ году раздражала нѣмецкое командованіе можно судить по налету на Кильтондъ, предпринятому Цеппелиномъ. Предупрежденный уже съ вечера Непенинымъ о предстоящей ночной его атакѣ и, сознавая, что при характерной конфигураціи бухты, ему, несмотря на темную ночь, будетъ не трудно опредѣлить мѣсто станціи довольно точно, я приказалъ Литвинову развѣсить въ лѣсу въ полумилѣ отъ станціи побольше фонарей, а на станціи все тщательно затемнить. Помню, что Непенинъ саркастически улыбнулся. Однако, среди ночи онъ лично вызвалъ меня къ телефону. «Литвиновъ доноситъ, что Цеппелинъ сбросилъ около ста большихъ бомбъ по фонарямъ. Станція цѣла». А черезъ нѣсколько времени снова телефонъ, и веселый его голосъ говоритъ: «Цеппелинъ телеграфировалъ. — Порученіе исполнено. Станція уничтожена». Видимо камуфляжъ все-таки помогъ.

Это лѣто ознаменовалось плѣненіемъ нѣмецкаго летчика, сѣвшаго въ заливѣ изъ-за той же причины, что губила и нашихъ — порчи мотора.

Отправленный Непенинымъ въ Петроградъ для опроса, летчикъ былъ тамъ посаженъ въ Военно-Морскую тюрьму. Какимъ-то образомъ это стало извѣстно нѣмцамъ и они извѣ-

стили, что и наши плѣнные подвергнуты репрессіи. Узнавъ объ этомъ, Непенинъ пришелъ въ ярость, потребовалъ перевода нѣмца изъ тюрьмы и не успокоился пока это не было выполнено. Этого плѣннаго онъ самъ уже раньше искусно опросилъ и, тотъ, полагая изъ его словъ, что намъ уже все хорошо извѣстно, сообщилъ ему интересныя подробности о составѣ воздушныхъ силъ и ихъ расположеніи на Ангернѣ, чѣмъ мы и руководились при планировкѣ нашихъ собственныхъ дѣйствій. Отъ этого же летчика мы узнали, что Гарковенко погибъ и его аппаратъ утонулъ.

Все возрастающая боевая работа авіаціи видимо обратила на нее вниманіе Ставки и даже самого Государя.

Объ этомъ можно судить изъ словъ состоявшаго въ Его личномъ распоряженіи генералъ-адьютанта Н. І. Иванова посѣтившаго при объѣздѣ Сѣверо-Западнаго фронта Кильkондъ и передавшаго намъ Его привѣтъ, и еще болѣе изъ того факта, что Государь лично рекомендовалъ представителю Англійскаго командованія въ Ставкѣ, контръ-адмиралу Филлиморъ, посѣтить Кильkондъ, при чемъ, какъ уже упоминалось мною раньше, послѣдній въ своей рѣчи летчикамъ такъ горячо говорилъ о достоинствахъ Непенина.

Послѣдній, разумѣется, высоко цѣнилъ все это, и, признавая, что въ его собственный успѣхъ вносила свою долю и авіація, прилагалъ всѣ усилія къ ея широкому развертыванію. Въ то же время, отлично сознавая, что, рано или поздно, она должна будетъ выйти за узкія рамки задачъ Службы Связи, онъ предложилъ мнѣ составить планъ развертыванія «Воздушнаго Района Службы Связи» въ «Воздушную Дивизію Балтійскаго Флота», съ оставленіемъ ея пока въ составѣ Службы Связи.

Такое обширное заданіе требовало, въ связи съ ясно намѣчавшемся ростомъ размѣровъ гидроаэроплановъ, по образцу «Витязей» Сикорскаго, не только пересмотра штатовъ, но и планированія большихъ строительныхъ работъ въ Ревелѣ для созданія центральной базы, а также и расширенія техническаго оборудованія базъ Кильконда и Або.

Въ тоже время требовалось готовить къ веснѣ слѣдующаго года средства для борьбы со все усиливавшимся противникомъ, для чего нужны были легкіе «истребители» и подготовленные для нихъ летчики.

Къ счастью, эту послѣднюю задачу взялъ на себя Тучковъ

и я, будучи освобожденъ отъ поѣздокъ въ Петроградъ, могъ усиленно заняться данной мнѣ административной задачей, лишь время отъ времени отрываясь отъ нея для личнаго руководства нѣкоторыми изъ боевыхъ операцій.

Какъ и въ первые дни организаціи авіаціи въ 1912-14 г.г., лишь благодаря сотрудничеству инженера-строителя Порта Императора Петра Великаго полковника А. И. Яронъ, съ полуслова понимавшаго всѣ новыя техническія заданія строительства большого Воздушнаго порта, умѣвшаго воплотить ихъ въ конкретныя формы, работы по его сооруженію начались уже осенью 1916 года и за зиму были доведены до такой точки, что, несмотря на остановку ихъ въ дни революціи, поразили своими размѣрами занявшихъ Ревель нѣмцевъ, приславшихъ туда, по свидѣтельству находившихся тамъ офицеровъ флота, своихъ инженеровъ для снятія плановъ этого гидро-аэро-порта. И такое же впечатлѣніе произвело описаніе этихъ работъ, сдѣланное мною по просьбѣ Начальника Авіаціи Тихоокеанскаго Флота С. Ш. А. Еще въ 1924 году ничего подобнаго, по его словамъ, въ Америкѣ не существовало. «Наши аппараты на берегу все еще дерутъ днища о песокъ пляжей» констатировалъ онъ, услыхавъ о механическихъ спускахъ, готовившихся для будущихъ многомоторныхъ аппаратовъ въ Ревелѣ.

Революція все это свела на нѣтъ и, кромѣ настоящихъ воспоминаній, едва ли остался еще гдѣ-нибудь этотъ слѣдъ широкаго размаха творческой иниціативы Непенина.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Б. Дудоровъ.

П. А. Варнекъ.

Военно-морскія дѣйствія на Черномъ Морѣ во Вторую Міровую Войну

VII. ОБОРОНА СЕВАСТОПОЛЯ.

Севастополь и прилегающія къ нему бухты являлись главной и единственной хорошо оборудованной базой Черноморскаго флота. Его географическое положеніе на южномъ берегу Крымскаго полуострова въ почти равномъ удаленіи отъ западныхъ и восточныхъ береговъ моря давало большое стратегическое преимущество для дѣйствій флота. Въ порту имѣлся хорошо оборудованный судоремонтный заводъ съ нѣсколькими доками и находились всѣ главные склады флота. Боезапасъ и взрывчатыя вещества хранились въ подземныхъ штольняхъ, оборудованныхъ въ скалахъ Сѣверной бухты. Въ Севастополѣ были сосредоточены всѣ школы спеціалистовъ флота, флотскій экипажъ и также находилось офицерское «Училище береговой обороны». Со стороны моря база защищалась могущественной береговой артиллеріей калибромъ отъ 100 до 305 мм., расположенной въ 12 батареяхъ. Морской фронтъ начинался на сѣверѣ у селенія Николаевки и кончался у Балаклавы; батарея №30 на сѣверной сторонѣ и №35 на южномъ берегу имѣли каждая по двѣ двухорудійныхъ 305 мм. башни, четыре 203 мм. орудія находились въ казематахъ, 152

мм. и 130 мм. орудія стояли на открытыхъ установкахъ. Противовоздушная оборона состояла изъ 60 зенитныхъ орудій и 66-ти пулеметовъ и имѣла въ своемъ распоряженіи радіолокаторъ, позволявшій обнаруживать самолеты на разстояніи до 90 километровъ.

Въ противоположность морскому фронту оборона со стороны суши совершенно отсутствовала. Послѣ первыхъ неудачъ на фронтѣ Военный Совѣтъ Черноморскаго флота предпринялъ строительство оборонительнаго рубежа для обороны Севастополя съ суши. Работы начались уже 3 іюля, для чего были привлечены Учебный Отрядъ флота, флотскій экипажъ, мѣстный стрѣлковый полкъ числомъ около 1200 человѣкъ и до 2000 человѣкъ населенія. Использовавъ окружавшія Севастополь возвышенности, было создано три оборонительныхъ полосы. Передовая полоса обороны примѣрно въ 17-ти километрахъ отъ города, протяженіемъ въ 40 километровъ отъ рѣки Качи черезъ селеніе Камышлы западнѣе Чоргунь до Балаклавы, главная полоса длинной въ 30 километровъ вдоль рѣки Бельбекъ-Мекензевы горы, Федюхины высоты, мысъ Фіолентъ и, наконецъ, рубежъ прикрытія эвакуаціи въ четырехъ-пяти километрахъ отъ города, включая Сапунъ-гору. Построенныя въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ почти исключительно средствами флота, эти укрѣпленія, несмотря на бетонныя доты и нѣкоторыя укрытія, имѣли характеръ полевыхъ позицій и не могли выдержать сравненія съ фортами линіи Мажино или другихъ крѣпостей. Слабымъ мѣстомъ являлся сѣверный прибрежный участокъ, гдѣ не было никакихъ возвышенностей. Для артиллерійской поддержки позицій девять береговыхъ батарей были приспособлены для стрѣльбы по береговымъ секторамъ. Кромѣ того уже послѣ начала осады, въ ноябрѣ, изъ запасовъ флота было оборудовано еще 8 батарей калибромъ въ 130 мм. На случай обстрѣла Южной бухты артиллеріей, малыя бухты между Севастополемъ и Херсонесомъ были подготовлены для базированія кораблей и пріема грузовъ.

Кромѣ непосредственной организаціи обороны своей базы, флотъ былъ принужденъ оказать помощь оборонѣ такъ же не защищенныхъ Крымскихъ перешейковъ. Для этой цѣли были выдѣлены 8 батарей съ 30-ю орудіями калибромъ отъ 100 до 130 мм. съ ихъ личнымъ составомъ, частично снятыхъ съ морского фронта. Изъ Севастопольской базы для заграж-

денія Сиваша были посланы морскія мины, прожектора и другіе матерьялы. По распоряженію Верховнаго Командованія морская авіація была послана на поддержку войскъ и уже въ ходѣ боевъ за перешейки, изъ состава только-что сформированной въ Севастополѣ 7-й бригады морской пѣхоты два батальона, впослѣдствіи переименованные въ Перекопскіе отряды, были отправлены на фронтъ. Когда же фронтъ былъ прорванъ, въ поддержку отступавшимъ частямъ была выслана вся 7-я бригада. Такимъ образомъ къ моменту приближенія нѣмецкихъ колоннъ къ Севастополю въ крѣпости оказался лишь одинъ мѣстный стрѣлковый полкъ и 60 орудій полевой артиллеріи. Ни одного танка не было.

Крымскіе перешейки оборонялись 51-й Арміей, состоявшей изъ потрепанныхъ въ бояхъ дивизій и частично только-что сформированныхъ полковъ малой боевой цѣнности. Боевой духъ арміи, какъ это было во многихъ частяхъ въ первый годъ войны, былъ невысокъ. 15 сентября 22-я нѣмецкая дивизія вышла къ Арабатской стрѣлкѣ и отрѣзала Крымъ. Она попыталась съ-хода ворваться въ Крымъ, но была остановлена войсками при поддержкѣ Азовской флотиліи, обстрѣливавшей съ моря стрѣлку. Послѣ этого нѣмецкое командованіе перенесло главныя дѣйствія на Перекопское направленіе. Съ 24 сентября начались бои за Перекопъ, въ которыхъ, по свидѣтельству самихъ нѣмцевъ, очень успѣшно дѣйствовала бомбардировочная и штурмовая авіація флота, создавшая большую помѣху наступленію и нанесшая нѣмцамъ большія потери. Но въ воздушныхъ бояхъ она тоже потеряла часть самолетовъ. Къ 28 сентября совѣтскія войска были принуждены отойти на слабо подготовленныя къ оборонѣ Ишунскія позиціи въ южной части перешейка, но, понеся значительныя потери, нѣмцы выдохнулись и прекратили наступленіе до подхода новыхъ силъ. Къ серединѣ октября они сосредоточили у Перекопа шесть пѣхотныхъ дивизій, танковыя части и многочисленную артиллерію. Съ совѣтской стороны, по эвакуаціи изъ Одессы, начали подходить дивизіи Приморской арміи, всего четыре дивизіи неполнаго комплекта, съ находившимися въ ихъ составѣ 3-мя морск. полк. Развертываніе Приморской арміи на Ишунской позиціи закончилось лишь къ 23 октября, уже въ періодъ нѣмецкаго наступленія. Съ 18 октября нѣмецкія части начали атаки на Ишунь. Въ первые дни, при поддержкѣ авіаціи флота, совѣтскимъ войскамъ удалось удержать свои позиціи, но завладѣвъ воздухомъ, 26 октября нѣмецкія части

прорвали позицію на ея морскомъ флангѣ и вторглись въ Крымъ. Эта задача была облегчена отсутствіемъ огневой поддержки совѣтскихъ войскъ съ моря. Видимо въ это время совѣтскій флотъ не имѣлъ мелкосидящихъ *) судовъ съ крупной артиллеріей, хотя бы пловучихъ батарей, которыя дѣйствовали здѣсь со стороны «бѣлыхъ» въ 1920 году. По какой-то причинѣ сюда не былъ направленъ мониторъ «Желѣзняковъ» и въ Севастополѣ не вооружили нѣсколько баржъ, намъ не извѣстно; возможно считалось, что мало подвижныя суда будутъ сразу уничтожены пикирующей авіаціей.

Обгоняя отступавшія совѣтскія части и отжимая ихъ къ юго-востоку, нѣмецкіе танки перерѣзали шоссе и желѣзную дорогу между Симферополемъ и Севастополемъ и вынудили Приморскую армію отойти въ горный массивъ Яйлы, откуда ея остатки по горной дорогѣ отступили на Алушту и затѣмъ вдоль берега шли въ Севастополь. Разбитыя части 51-й Арміи, отходившія на востокъ, не смогли задержаться на Акъ-Манайскомъ перешейкѣ и 4 ноября нѣмцы заняли уже Феодосію; 16-го, несмотря на огневую поддержку монитора «Желѣзняковъ» и другихъ судовъ Азовской флотиліи, совѣтскія части эвакуировали Керчь. Остатки 51-й Арміи, всего нѣсколько тысячъ человѣкъ, средствами Керченской морской базы были перевезены на Тамань. Нѣсколько сотъ бойцовъ укрылись въ керченскихъ каменоломняхъ, гдѣ они продержались до совѣтскаго десанта въ концѣ года. Эвакуація Феодосіи и Керчи происходила при сильномъ воздѣйствіи нѣмецкой авіаціи, потопившей нѣсколько катеровъ и пароходовъ.

29 октября въ Севастополѣ было объявлено осадное положеніе. Приказомъ Главнаго Командованія былъ созданъ Севастопольскій оборонительный районъ во главѣ съ Комфлотомъ вице-адмираломъ Октябрьскимъ. Замѣстителемъ Октябрьскаго по сухопутной оборонѣ былъ назначенъ командующій Приморской арміей ген.-майоръ Петровъ, по береговой оборонѣ ген.-майоръ Моргуновъ и по авіаціи ген.-майоръ Остряковъ. Такимъ образомъ ведущую роль въ оборонѣ морской крѣпости получилъ флотъ. Аналогичная организація при оборонѣ Одессы дала хорошіе результаты, но въ данномъ случаѣ непосредственно командующимъ оборонительнымъ райономъ являлся самъ Комфлотъ, который продолжалъ руководить дѣйствіями флота и для этого былъ принужденъ отлучаться

*) Каркиницкій заливъ очень мелководенъ и даже миноносцы не могутъ здѣсь приблизиться къ берегу.

для посѣщенія кавказскихъ базъ. По своему масштабу бои подъ Севастополемъ и требованіе количества войскъ, снабженія и матерьяловъ во много разъ превысили то, что требовалось для Одессы. Флотъ, къ тому же утерявшій свою главную базу, доставить всего этого не могъ. Южный, а потомъ образованный на сѣверномъ Кавказѣ Закавказскій фронтъ, который Черноморскому флоту не подчинялся, не несли никакой отвѣтственности за снабженіе Севастополя и для полученія подкрѣпленій Комфлотъ долженъ былъ обращаться въ ставку Верховнаго Командующаго. Эта система усложняла доставку снабженія и новыхъ войскъ въ Севастополь, и въ теченіе осады была измѣнена.

Ввиду отхода Приморской арміи въ горы, между Севастополемъ и наступающими частями «Оси» не оказалось никакихъ совѣтскихъ войскъ. 30 октября, по распоряженію Комфлота, изъ Севастополя въ боевое охраненіе были высланы всѣ наличныя силы въ составѣ пяти батальоновъ, имѣвшихъ цѣлью насколько возможно задержать продвиженіе передовыхъ частей противника. Эти, на скорую руку сформированные, батальоны моряковъ были направлены въ долины рѣкъ Кача и Альма и въ Бахчисарай. Одновременно принимались срочныя мѣры для формированія новыхъ частей, и по распоряженію Комфлота 31 октября срочнымъ порядкомъ изъ Новороссійска была переброшена 8-я бригада морской пѣхоты и батальонъ Дунайской флотиліи, эвакуированный съ Тендры. На мѣстѣ было сформировано еще четыре батальона морской пѣхоты и нѣсколько батальоновъ изъ запасныхъ частей ресурсовъ крѣпости. Такимъ образомъ въ первыхъ числахъ ноября гарнизонъ насчитывалъ 18000 бойцовъ. Если въ большинствѣ они были крѣпки духомъ и горѣли желаніемъ отстоять родной городъ, ихъ подготовка къ сухопутнымъ боямъ и частично снаряженіе оставляли желать много лучшаго. Для формированія морскихъ батальоновъ, не считая школъ, экипажа и другихъ службъ, было взято довольно большое число кадровыхъ матросовъ и офицеровъ съ кораблей, впослѣдствіи замѣненныхъ на нихъ людьми, призванными изъ запаса. Этотъ фактъ не могъ не повліять на боевую подготовку дѣйствовавшаго флота.

Севастопольскій морской заводъ и другія предпріятія перешли на производство снаряженія, въ частности минометныхъ бомбъ, которыхъ въ запасахъ флота не имѣлось. Онъ же оборудовалъ бронепоѣздъ и передѣлалъ корпусъ недо-

строеннаго корабля въ пловучую зенитную батарею, названную «Не тронь меня». Эта батарея была поставлена на якоряхъ въ серединѣ боноваго загражденія при входѣ въ бухту.

Ввиду усилившейся воздушной опасности для кораблей и вѣроятной, въ скоромъ времени, артиллерійской бомбардировки, 30 октября флотъ получилъ приказъ о перебазированіи кораблей, необходимыхъ ему службъ и судостроительнаго завода на Кавказъ. Въ тотъ же день и на слѣдующую ночь главныя силы флота покинули Севастополь. По приходѣ въ новую базу крейсеръ «Коминтернъ», старыя орудія котораго были совершенно разстрѣляны, былъ сданъ въ портъ. Для артиллерійской поддержки крѣпости въ Севастополѣ былъ оставленъ отрядъ кораблей въ составѣ крейсеровъ «Червона Украина», «Красный Кавказъ», трехъ старыхъ миноносцевъ — «Незаможникъ», «Желѣзняковъ», «Дзержинскій» и трехъ типа «Бодрый». Кромѣ того оставался отрядъ охраны воднаго района подъ командой контръ-адмирала Фадѣева въ составѣ базовыхъ тральщиковъ типа «Мина», катеровъ-тральщиковъ, сторожевыхъ катеровъ — морскихъ охотниковъ (М. О.) и торпедныхъ катеровъ. Онъ имѣлъ задачей очистку отъ минъ фарватеровъ, наблюденіе за моремъ и конвой кораблей и транспортовъ на подходахъ къ Севастополю. Черезъ нѣкоторое время, во время профилактическаго бросанія противолодочныхъ бомбъ, былъ обнаруженъ способъ уничтоженія нѣмецкихъ донныхъ минъ. Выяснилось, что отъ недалекаго разрыва бомбъ эти мины взрывались. Послѣ этого открытія тральщики, не безъ успѣха, бомбили фарватеръ передъ проходомъ кораблей.

На трехъ, находившихся въ оборонительномъ районѣ, аэродромовъ малой емкости была оставлена группа морской авіаціи въ составѣ 20-ти истребителей и 62-хъ штурмовиковъ и развѣдчиковъ, не считая группы гидросамолетовъ. Вся остальная авіація перебазировалась на сѣверо-кавказскіе аэродромы. Дневныя дѣйствія бомбардировщиковъ, которыхъ изъ-за большой дистанціи истребители сопровождать не могли, оказались невозможными. Поэтому бомбардировщики, ряды которыхъ сильно порѣдѣли въ предыдущихъ бояхъ, въ ночное время, небольшими группами или звеньями, совершали налеты на аэродромы нѣмцевъ и другіе объекты въ ихъ тылу.

По сравненію съ силами гарнизона, наступавшія на Севастополь германо-румынскія части имѣли болѣе чѣмъ двойное превосходство въ живой силѣ и по меньшей мѣрѣ тройное въ

техникѣ. Къ 10 ноября три нѣмецкихъ пѣхотныхъ дивизіи, одна румынская моторизованная бригада и 150 танковъ развернулись вдоль севастопольскаго фронта. Ихъ поддерживали до трехсотъ перебазировавшихся на крымскіе аэродромы самолетовъ.

30 октября румынскій мотополкъ достигъ моря въ районѣ сѣвернѣе Николаевки и повернулъ по прибрежной дорогѣ на югъ. Расположенная тамъ четырехорудійная 130 мм. береговая батарея лейтенанта Заика въ 16:35 открыла огонь по колоннѣ грузовиковъ и танковъ. Такъ началась вторая восьмимѣсячная героическая оборона Севастополя. Попавъ подъ дѣйствительный огонь батареи, румыны остановились и, развернувшись, повели наступленіе на батарею. Трое сутокъ длился бой за батарею, закрывавшую дорогу на Севастополь съ этой стороны. Румыны понесли большія потери, но обошли батарею и двинули часть силъ на югъ. Къ вечеру 2 ноября батарея была приведена къ молчанію огнемъ артиллеріи и при помощи авіаціи. Уцѣлѣвшіе 25 человѣкъ ея прислуги были взяты на бортъ «морского охотника» и базоваго тральщика.

Со второй половины дня 31-го части боевого охраненія вошли въ соприкосновеніе съ наступающимъ противникомъ. Для созданія помѣхи продвиженію нѣмцевъ морская авіація сдѣлала въ этотъ день 128 самолето-вылетовъ и атаковала войска въ районѣ Булганака, въ долинѣ Альмы и у Бахчисарая. Съ 1 ноября береговыя батареи сѣвернаго сектора открыли огонь по нѣмецкимъ колоннамъ, сильно мѣшая ихъ продвиженію. Разрывы 305 мм. снарядовъ батареи №30 были особенно эффектны и, не считая приносимыхъ потерь, дѣлали огромныя воронки на дорогахъ, останавливавшія автомобильное движеніе. Къ вечеру этого дня 5-я румынская моторизованная бригада, продвигаясь вдоль берега, дошла до селенія Кача, гдѣ была остановлена дѣйствительнымъ огнемъ батареи №10 (Мамашай). 4-го и 5-го на приморскомъ участкѣ румыны безуспѣшно атаковывали передовую позицію у Качи, которую къ тому времени занялъ батальонъ 8-й бригады морской пѣхоты. Въ этихъ бояхъ батарея №10 нанесла румынамъ большія потери, въ результатѣ чего фронтъ на этомъ участкѣ стабилизировался на долгое время.

Того же 1 ноября 132-я нѣмецкая дивизія подошла къ сѣверо-восточному фасу обороны въ районѣ желѣзной дороги и далѣе къ югу. 3 ноября, вводя въ бой танки, дивизія произвела сильный натискъ вдоль желѣзной дороги и атако-

вала высоты у Дуванкой. Занимавшій позиціи батальонъ 8-й бригады оказалъ имъ упорное сопротивленіе, отбивая атаки танковъ связками ручныхъ гранатъ и бутылками съ горючей жидкостью. Лишь къ утру 5 ноября, ввиду продвиженія нѣмцевъ въ незанятые боевымъ охраненіемъ промежутки и большія потери, морская пѣхота оставила Дуванкой и была отведена на передовой оборонительный рубежъ. На слѣдующій день нѣмцы продолжали наступленіе, и 7-го танки, въ сопровожденіи пѣхоты, атаковали въ долинѣ Бельбека позиціи 18-го батальона морской пѣхоты, укомплектованнаго матросами Учебнаго Отряда и добровольцами съ кораблей. Здѣсь произошелъ извѣстный эпизодъ, когда пять моряковъ, въ двухъ послѣдовательныхъ атакахъ, цѣной своей жизни подбили десять танковъ, что остановило въ самый опасный моментъ продвиженіе нѣмцевъ въ этомъ направленіи. Въ тяжелыхъ бояхъ 18-ый батальонъ понесъ большія потери, но удержалъ передовую позицію.

Батальонъ Училища Береговой Обороны, выдвинутый въ Бахчисарай, въ ночь на 1 ноября былъ атакованъ полкомъ моторизованной пѣхоты, вѣроятно 50-й нѣмецкой дивизіи. Отразивъ многочисленныя атаки, курсанты держали городъ два дня и лишь ввиду угрозы полнаго окруженія 3 ноября, понеся большія потéри, батальонъ былъ отведенъ на передовую полосу обороны.

Съ 3 ноября въ районъ крѣпости начали прибывать остатки Приморской арміи, въ первую очередь часть спасенной довольно многочисленной артиллеріи, насчитывавшей 312 орудій и минометовъ. По численности армія была невелика — всего лишь 8.000 человѣкъ, но ея бойцы имѣли большой опытъ сухопутныхъ дѣйствій и прошедшихъ школу войны офицеровъ. Полевая артиллерія пришлась очень кстати и сильно увеличила обороноспособность крѣпости.

Оттѣснивъ боевое охраненіе, нѣмецко-румынскія части, вводя все больше силъ, пытались съ-хода прорвать передовой рубежъ обороны, но несмотря на свою малочисленность, защитники упорно отстаивали каждую позицію. 6 ноября 50-я нѣмецкая дивизія атаковала на новомъ участкѣ хуторъ Мекензи-Черкезъ-Керменъ въ направленіи на Инкерманъ. Подоспѣвшимъ въ подмогу 3-мъ полкомъ морской пѣхоты, нѣмцы были остановлены, но въ слѣдующіе два дня имъ все же удалось занять хуторъ Мекензи. 8-го крейсерá — «Червона Укра-

ина», «Красный Крымъ», стоявшіе въ Сѣверной бухтѣ, и береговыя батареи открыли сильный огонь по району хутора Мекензи и долинѣ Кара-Кобія. Одновременно 7-я бригада морской пѣхоты нанесла контръ-ударъ и задержала дальнѣйшее продвиженіе непріятеля. Эта бригада еще до подхода нѣмцевъ къ крѣпости была выдвинута къ Симферополю и тамъ попала въ окруженіе. Съ тяжелыми боями ей удалось прорваться къ горамъ и затѣмъ почти безъ дороги, переваливъ черезъ горы, она вышла на ялтинское шоссе и пришла въ районъ обороны. Прямо съ похода бригада была брошена въ атаку. Произведенныя на слѣдующій день нѣмцами, атаки въ долинѣ Кара-Кобія на участокъ, занимаемый батальономъ Дунайской флотиліи, потерпѣли неудачу.

Въ результатѣ десятидневныхъ боевъ силамъ «Оси» удалось лишь вплотную подойти къ передовой полосѣ обороны, немного вклинившись у хутора Мекензи. Понеся большія потери, нѣмцы были принуждены пріостановить наступленіе до подхода свѣжихъ силъ. Попытка взять Севастополь съ-хода не удалась. Самоотверженная оборона моряковъ позволила выиграть время для формированія новыхъ батальоновъ, развертыванія Приморской арміи и укрѣпленія позицій. Авіація флота оказала большую поддержку войскамъ въ эти первые дни, но послѣ перелета нѣмецкой истребительной авіаціи на близь-лежащіе аэродромы стала сильно страдать въ воздушныхъ бояхъ. 1 ноября нѣмецкая авіація совершила первый массовый налетъ на портъ и городъ, но въ это время флотъ находился уже въ морѣ. 5-го и 9-го бомбардировки были повторены, и началось разрушеніе многострадальнаго Севастополя. За эти дни совѣтскимъ истребителямъ удалось сбить 12 нѣмецкихъ самолетовъ, и зенитная артиллерія доносила объ уничтоженіи еще десятка. Кромѣ того нѣкоторое число самолетовъ было уничтожено 4 ноября на аэродромѣ въ Симферополѣ и 6-го у Сарабуза, которые были атакованы штурмовиками при помощи истребителей.

Послѣ прихода въ оборонительный районъ частей Приморской арміи стало возможнымъ рационализировать всю организацію обороны и произвести перераспредѣленіе силъ. Вся территорія оборонительнаго района была раздѣлена на четыре сектора, имѣвшіе своихъ особыхъ начальниковъ. Отдѣльные батальоны и прочія формированія были объединены въ три дивизіи, костякомъ которыхъ послужили части Приморской арміи. Каждой дивизіи, съ придачей полевой ар-

тиллеріи и опредѣленныхъ береговыхъ батарей, была поручена оборона одного сектора. 1-й секторъ (мало доступный для нѣмцевъ районъ Балаклавы) оборонялся лишь 383-мъ стрѣлковымъ полкомъ, сформированнымъ изъ школы НКВД, батальономъ запасного полка и батальономъ Училища Береговой Обороны съ придачей остатковъ кавалерійской дивизіи. Но онъ могъ разсчитывать на мощную поддержку береговыхъ батарей и кораблей съ моря. 2-й секторъ (Черная рѣчка — хуторъ Мекензи) оборонялся 172-й дивизіей, составленной изъ 514 стрѣлковаго полка, Севастопольскаго стрѣлковаго полка, 2-го полка морской пѣхоты, 1-го Перекопскаго отряда, батальона Дунайской флотиліи, батальона школы оружія и 18-го баталона Учебнаго Отряда. 3-ій секторъ (Бельбекъ — Мекензевы горы), прикрывавшій прямую дорогу къ Сѣверной бухтѣ, обороняла 25-я дивизія, составленная изъ 15-го батальона электротехнической школы, вновь сформированнаго 16-го батальона морской пѣхоты и батальона запаснаго артиллерійскаго полка. Дивизіи была придана 7-я бригада морской пѣхоты. 4-й секторъ (сѣверный) защищала 95-я дивизія въ составѣ трехъ стрѣлковыхъ полковъ съ придачей 8-й бригады морской пѣхоты.

Вышеприведенный перечень частей указываетъ, что болѣе половины гарнизона все еще составляли моряки, но въ немъ нѣтъ 1-го полка морской пѣхоты, очевидно погибшаго въ бояхъ за Перекопъ.

11 ноября, слѣдовавшая по пятамъ Приморской арміи, 72-я нѣмецкая дивизія, пройдя главными силами западнѣе горъ и имѣя при себѣ до ста танковъ, обрушилась на передовую позицію 1-го сектора у Варнаутки. Несмотря на сильный артиллерійскій огонь крейсеровъ « Червона Украина », «Красного Крыма», эск. мин. «Бойкій» и береговыхъ батарей №18 и №19, нѣмцамъ удалось прорвать передовую позицію, 12-го занять мысъ Сарычъ, и на слѣдующій день продвинуться вдоль ялтинскаго шоссе до Кадыковки, создавая угрозу выхода вглубь обороны. Подошедшимъ резервамъ, въ кровопролитныхъ бояхъ, удалось задержать дальнѣйшее продвиженіе нѣмцевъ и, перейдя въ сильную контръ-атаку, 19-го снова занять высоты восточнѣе Балаклавской бухты. Одновременно съ этими боями нѣмцы, введя новую 22-ю дивизію, съ 16 ноября перешли въ наступленіе на фронтѣ второго сектора отъ Комары до хутора Мекензія, но не достигли существенныхъ успѣховъ. Къ 21-му они окончательно выдохлись и въ резуль-

татѣ понесенныхъ потерь прекратили атаки. На фронтѣ наступило относительное затишье.

Артиллерійская поддержка, оказанная кораблями 11 ноября, была настолько дѣйствительна, что командующій осадной арміей маршалъ Манштейнъ отдалъ приказъ Luftwaffe произвести специальную операцію для ихъ уничтоженія. На слѣдующій день большое количество штурмовиковъ въ сопровожденіи истребителей, отогнавшихъ совѣтскіе самолеты, атаковало корабли, стоявшіе въ бухтѣ. Несмотря на сильный огонь береговой и корабельной артиллеріи, сбившей совмѣстно съ истребителями 5 самолетовъ, нѣсколько бомбъ попало въ стоявшій у стѣнки на Корабельной сторонѣ Южной бухты крейсеръ «Червона Украина», который затонулъ. Кромѣ того былъ потопленъ п/х. «А. Чеховъ». О попаданіи въ другіе корабли свѣдѣній не имѣется. Послѣ гибели крейсера, его экипажъ былъ влитъ въ морскую пѣхоту; зенитныя орудія удалось потомъ снять и они были установлены на берегу Сѣверной бухты и обслуживались своей прислугой. Реальная опасность стоянки кораблей въ Севастополѣ была доказана гибелью крейсера. Ввиду этого «Красному Крыму» и миноносцамъ было приказано перебазироваться въ Новороссійскъ. Съ тѣхъ поръ большіе корабли и миноносцы появлялись въ Севастополь лишь эпизодически, главнымъ образомъ въ темное время. Они высылались либо для бомбардировки позицій, либо для доставки подкрѣпленій и снабженія или для конвоя транспортовъ.

Приходъ кораблей въ Севастополь обыкновенно использовался для обстрѣла нѣмецкихъ позицій. Во время первыхъ двухъ штурмовъ Севастополя корабельная артиллерія своимъ массовымъ огнемъ сравнительно крупныхъ калибровъ оказала сильную поддержку войскамъ. Для бóльшей эффективности стрѣльбы по невидимымъ цѣлямъ, для крейсеровъ и миноносцевъ было создано 11 огневыхъ позицій на бочкахъ или у причаловъ Сѣверной и Южной бухты. Разстояніе и направленіе на цѣли этихъ позицій были заранѣе разсчитаны, что сильно облегчало пристрѣлку. Позиціи были связаны телефонами съ постоянными корректировочными постами на передовой линіи. Часть стрѣльбъ, въ частности произведенныхъ линейными кораблями, совершалась на ходу или же корабли, находясь между берегомъ и миннымъ загражденіемъ, для удобства стопорили свои машины. Главнымъ объектомъ корабельной артиллеріи были батареи противника, узлы обо-

роны, скопленія войскъ и танковъ. По мѣрѣ роста воздушной опасности значительная часть стрѣльбъ стала производиться въ темное время сутокъ, приходившими лишь на одну ночь кораблями; въ этихъ случаяхъ стрѣльба велась по площадямъ. Когда фронтъ приблизился къ бухтамъ, бывали случаи, что къ огневой поддержкѣ привлекались базовые тральщики, вооруженные одной 100 мм. пушкой. За время обороны Севастополя корабли произвели около четырехсотъ стрѣльбъ, не считая обстрѣловъ занятыхъ нѣмцами портовъ.

Въ отвѣтъ на бомбардировку порта, въ ночь на 13 ноября авіація флота совершила налетъ на аэродромы въ Сарабузѣ, Симферополѣ и Сакахъ, но въ атакахъ участвовали лишь небольшія группы самолетовъ. Для сравненія дѣйствій авіаціи двухъ сторонъ укажемъ, что съ 14 ноября по 16 декабря Luftwaffe произвела у Севастополя 1680 самолето-вылетовъ, тогда какъ авіація Черноморскаго флота въ тотъ же періодъ сдѣлала 918 вылетовъ, изъ которыхъ лишь 683 для непосредственной поддержки войскъ у Севастополя.

Періодъ относительнаго затишья совѣтское командованіе использовало для усовершенствованія обороны, постройки новыхъ батарей и доставки боеприпасовъ, продовольствія и подкрѣпленій. Людскіе рессурсы Черноморскаго флота были уже исчерпаны, и Верховное Командованіе, наконецъ, рѣшило поддержать Севастополь армейскими частями. Съ 7 по 13 декабря, на пяти транспортахъ и также крейсерами «Красный Крымъ», «Красный Кавказъ», тремя эск. миноносцами и 1-й бригадой тральщиковъ, съ Кавказа была перевезена 388-я стрѣлковая дивизія и маршевыя пополненія, общей численностью до 16.800 бойцовъ. Не надо забывать, что начало осады Севастополя совпало съ очень тяжелымъ положеніемъ на всемъ совѣтскомъ фронтѣ. Нѣмецкія арміи вплотную подошли къ Москвѣ, Ленинграду и Ростову.

На возвращавшихся на Кавказъ транспортахъ и корабляхъ производилась эвакуація населенія и предпріятій. Ввиду почти каждодневныхъ воздушныхъ бомбардировокъ и начавшагося артиллерійскаго обстрѣла, всѣ мастерскія работавшія на оборону, хлѣбопекарни и другія предпріятія были къ серединѣ декабря переведены въ подземныя штольни и подземныя убѣжища. Случайно обнаруженный, проходившій подъ всѣмъ городомъ туннель, служившій въ осаду 1854-55 г.г. для укрытія населенія, былъ снова оборудованъ для той же цѣли.

На фронтѣ продолжались мелкіе бои и дѣйствовала авіа-

ція обѣихъ сторонъ. Когда наблюдатели обнаруживали скопленіе нѣмецкихъ войскъ, вызывался огонь береговыхъ батарей и, въ болѣе важныхъ случаяхъ, для бомбардировокъ приходили корабли. Такъ, 28 ноября, лин. кор. «Севастополь», въ сопровожденіи эск. мин. «Смышленый», подойдя къ Фіоленту, сильно обстрѣлялъ изъ башенныхъ орудій скопленія нѣмецкихъ войскъ противъ 2-го сектора. На слѣдующій день крейсеръ «Красный Крымъ» и эск. мин. «Желѣзняковъ» изъ Сѣверной бухты обстрѣляли нѣмецкія войска у Шули.

Для отвлеченія противника отъ главнаго объекта, флотъ предпринималъ демонстративныя операціи у занятаго нѣмцами побережья. Въ ночь на 6 декабря три «М. О.» *) высадили небольшой десантъ въ Евпаторіи, сжегшій домъ, въ которомъ находился нѣмецкій штабъ, и потопившій стоявшую на якорѣ шхуну. Въ ночь на 16 декабря катера, подъ прикрытіемъ огня миноносцевъ, снова приблизились къ Евпаторіи, но были обстрѣляны съ берега и десанта не высадили. 25 декабря совѣтскія суда снова появились у Евпаторіи.

Подводныя лодки и катера неоднократно высаживали на берега Крыма небольшія партіи и обстрѣливали побережье. Обыкновенно цѣлью этихъ десантовъ была развѣдка, саботажъ и доставка партизанамъ, дѣйствовавшимъ подъ руководствомъ извѣстнаго полярника И. Папанина, радіо-аппаратуры и кое-какого снабженія.

Со своей стороны маршалъ Манштейнъ готовился къ новому рѣшительному штурму. Къ Севастополю была подвезена осадная артиллерія калибромъ отъ 206 до 350 мм., тяжелые минометы и т. п. Четыре находившихся на фронтѣ дивизіи были пополнены и добавочно прибыли 24-я и 170-я нѣмецкія дивизіи и еще три горно-стрѣлковыя бригады румынъ. На этотъ разъ Манштейнъ рѣшилъ нанести главный ударъ на фронтѣ четырехъ километровъ по обѣ стороны желѣзной дороги, черезъ Мекензевы горы и въ обходъ ихъ съ сѣвера, съ общимъ направленіемъ на Сѣверную бухту. Вспомогательный ударъ наносился во 2-мъ секторѣ, вдоль Черной рѣчки въ направленіи на Инкерманъ.

Въ 8 час. утра 17 декабря нѣмецкая артиллерія открыла ураганный огонь по всему фронту обороны. Десятки пикирующихъ бомбардировщиковъ съ прикрытіемъ истребителей атаковала совѣтскія позиціи. Послѣ полуторачасовой артил-

*) Сторожевые катера — "М. О." — Морскіе охотники.

лерійской подготовки, нѣмцы перешли въ наступленіе по всему фронту, нанося главный ударъ 132-й и частями 22-й дивизіи южнѣе рѣчки Качи и вдоль долины Бельбека. Подъ натискомъ превосходныхъ силъ 8-я бригада морской пѣхоты и части 25-й дивизіи, послѣ упорной обороны и большихъ потерь, къ исходу дня были оттѣснены на западъ. На слѣдующій день нѣмцы продолжали атаки и стремились прорваться черезъ Камышловскій оврагъ. Пулеметная рота батальона электромеханической школы, занимавшая блокгаузы у желѣзнодорожнаго моста, геройскимъ сопротивленіемъ держала этотъ участокъ два дня. Несмотря на подтянутые резервы (7-я бригада морской пѣхоты и 773-й стрѣлковый полкъ), нѣмцамъ, обладавшимъ крупнымъ превосходствомъ въ силѣ, танкахъ и артиллеріи, удалось къ 21 декабря прорвать главный поясъ обороны и дойти до полустанка Мекензевы горы. Свыше 300 нѣмецкихъ автоматчиковъ просочились даже на Братское кладбище, но контръ-атакой они были уничтожены. Несмотря на сопротивленіе выдвинутой изъ резерва 388-й дивизіи, нѣмцы постепенно продвигались отъ Мекензевыхъ горъ къ Сѣверной бухтѣ, и танки начали просачиваться въ тылъ четвертаго сектора обороны.

Въ первый же день штурма 50-я нѣмецкая дивизія начала атаковать позиціи второго сектора и, прорвавъ передовой поясъ обороны у Черной рѣчки, заняла Итальянское кладбище. 19-го, контръ-атакой батальона моряковъ они были оттуда выбиты. Введя въ бой новую 170-ю дивизію, 21 декабря нѣмцы овладѣли высотами у Чоргунь, однако продвинуться дальше имъ не удалось.

Но положеніе защитниковъ Севастополя все ухудшалось. Непрерывные трехдневные бои сильно измотали войска. Изъ строя вышла значительная часть артиллеріи и минометовъ. Потери въ частяхъ были очень большія и началъ ощущаться недостатокъ боеприпасовъ. Береговыя батареи сѣвернаго сектора разстрѣляли почти всѣ снаряды. Резервовъ больше не было, и всѣ боеспособные люди, тыловыя команды и артиллеристы, утратившіе свои орудія, были брошены въ бой. Въ первый день штурма наличныя силы морской авіаціи поднялись для поддержки войскъ. Группа въ 10 штурмовиковъ и 17 истребителей атаковала нѣмецкія части въ районѣ главнаго удара и нанесла имъ существенныя потери. Но съ каждымъ днемъ число самолетовъ уменьшалось и замѣны имъ не было.

Въ Севастополѣ создавалось впечатлѣніе, что крѣпость предоставлена своей судьбѣ. Какъ разъ въ эти дни адмиралъ Октябрьскій отбылъ на Кавказъ для переговоровъ о готовящемся на Керченскій полуостровъ десантѣ; кораблей флота въ Севастополѣ не было и «Большая земля» не слала подкрѣпленій и очень мало снабженія. Въ этомъ сказалась обособленность оборонительнаго района и отсутствіе организаціонной связи съ Закавказскимъ фронтомъ. Всѣ резервы флота были исчерпаны и на его складахъ, въ случайныхъ базахъ на Кавказѣ, никакого снабженія не было. Послѣ доклада Комфлота о тяжеломъ положеніи Севастополя, Верховное Командованіе приняло рѣшеніе подчинить во всѣхъ отношеніяхъ Севастопольскій оборонительный районъ Командующему Закавказскимъ фронтомъ и отдало ему приказаніе немедленно отправить въ Севастополь одну стрѣлковую дивизію, пополненія гарнизону, снаряды и оказать помощь авіаціей фронта силами не менѣе пяти авіаполковъ.

Въ исполненіе этого приказанія въ Новороссійскъ 20 декабря, на крейсеръ «Красный Кавказъ» (флагъ Комфлота), «Красный Крымъ», лидеръ «Харьковъ», миноносцы «Бодрый» и «Незаможникъ», была погружена 79-я особая морская бригада полковника Потапова въ составѣ 4000 бойцовъ. Эта бригада была спеціально сформирована для готовившагося десанта. Одновременно, въ Туапсе, началась погрузка 345-й стрѣлковой дивизіи и 3000 бойцовъ маршевыхъ пополненій. Выйдя ночью изъ Новороссійска, къ 11 час. утра 21 декабря отрядъ кораблей подошелъ къ мысу Фіолентъ, въ районѣ котораго начались настойчивыя атаки нѣмецкой авіаціи, продолжавшіяся до входа въ бухту. Благодаря сильной зенитной артиллеріи отряда, атаки были отражены, и въ полдень корабли вошли въ Сѣверную бухту. Тотчасъ же началась высадка бригады на Сѣверную сторону. Занявъ огневыя позиціи, одинъ изъ крейсеровъ — «Харьковъ» — и эск. миноносецъ во второй половинѣ дня вели огонь по нѣмецкимъ позиціямъ.

Утромъ слѣдующаго дня 79-я бригада перешла въ контръ-наступленіе у Мекензевыхъ горъ и къ вечеру отбросила нѣмцевъ за Камышловскій оврагъ. Этому успѣху сильно содѣйствовалъ сильный огонь крейсеровъ, двухъ лидеровъ и трехъ миноносцевъ, обстрѣливавшихъ фронтъ изъ Сѣверной бухты и изъ района Балаклавы и оказывавшихъ поддержку 2-му сектору. За день, произведя 38 стрѣльбъ, корабли израсходовали 2000 снарядовъ, при чемъ особенно успѣшны были

дѣйствія «Ташкента». Береговыя батареи, которымъ лидеръ «Ташкентъ» и миноносецъ «Смышленый» доставили изъ Поти снаряды, смогли усилить свой огонь. Съ 20 по 22 декабря Севастопольская авіація произвела 430 вылетовъ для поддержки войскъ.

Въ ночь на 23-е, оставшаяся выдвинутой приморская часть 4-го сектора обороны была оставлена и войска отошли къ рѣкѣ Бельбекъ; береговая батарея №10 была потеряна. Въ этотъ день «Ташкентъ», «Харьковъ», «Смышленый» и «Свободный» продолжали поддерживать войска и выпустили 403 снаряда. Крейсера въ Севастополѣ долго не задерживались и ушли въ Новороссійскъ. Херсонескій аэродромъ, теперь уже единственный въ распоряженіи оборонительнаго района, подвергся сильнымъ атакамъ нѣмецкой авіаціи; все же морская авіація совершила 115 вылетовъ на поддержку войскъ.

Съ утра 24-го нѣмцы возобновили наступленіе на полустанокъ Мекензевы горы, но были отброшены прибывшими наканунѣ изъ Туапсе двумя стрѣлковыми полками 345-й дивизіи. Береговая батарея №30, «Ташкентъ», «Смышленый», «Безупречный» и «Желѣзняковъ» вели непрерывный огонь по нѣмецкимъ позиціямъ этого района.

26 декабря, въ связи съ начавшейся высадкой совѣтскихъ частей на Керченскій полуостровъ, нѣмецкое командованіе приказало срочно направить туда 170-ю дивизію и до выясненія обстановки прекратить наступленіе 30-го корпуса, занимавшаго южную половину Севастопольскаго фронта. Однако, тяжелые бои продолжались до конца декабря въ 3-мъ и 4-мъ секторѣ, съ 29-го безъ участія нѣмецкой авіаціи, брошенной противъ Феодосійскаго десанта. 28-го нѣмцамъ снова удалось занять полустанокъ Мекензевы горы. Въ ночь на 29-е и на слѣдующій день, въ цѣляхъ оказанія помощи атакованнымъ войскамъ, лин. кор. «Севастополь», крейсеръ «Молотовъ», впервые участвовавшій въ операціяхъ, и миноносцы «Смышленый» и «Безупречный» открыли ураганный огонь по нѣмецкимъ позиціямъ сѣверной части фронта. «Севастополь» уничтожилъ колонну танковъ, наступавшую въ долинѣ Бельбека; за два дня онъ произвелъ 15 стрѣльбъ съ удачными результатами. По свѣдѣніямъ И. Мейстера корабли подверглись атакамъ нѣмецкой авіаціи, и эск. мин. «Совершенный» былъ ею потопленъ 29 декабря у южнаго берега Крыма.

Высаженный въ это утро десантъ въ Феодосіи вынудилъ Манштейна приступить къ дальнѣйшей переброскѣ войскъ

къ Акъ-Манаю, и въ первыхъ числахъ января подъ Севастополемъ оставалось лишь три нѣмецкихъ дивизіи и бригада румынъ. Все же они пытались наступать у Мекензевыхъ горъ и произвели атаку у Черной рѣчки, но со слѣдующаго дня окончательно перешли къ оборонѣ. За время боевъ съ 17-го по 31-е декабря нѣмецко-румынская армія потеряла подъ Севастополемъ до 30000 бойцовъ, не достигнувъ существенныхъ результатовъ.

Воспользовавшись ослабленіемъ противника, со 2 января 1942 г. совѣтскія части начали переходить въ контръ-атаки, имѣвшія цѣлью улучшеніе позицій. 4 января имъ удалось отбросить нѣмцевъ въ Мекензевыхъ горахъ до Камышлы. 6-го была произведена операція, имѣвшая цѣлью отбросить нѣмцевъ на приморскомъ участкѣ, гдѣ они находились лишь въ четырехъ-пяти километрахъ отъ Сѣверной бухты, что давало имъ возможность съ близкаго разстоянія наблюдать движеніе судовъ у входа въ Севастополь. При поддержкѣ прибывшихъ въ Севастополь кораблей и огня береговыхъ батарей, нѣмцы были отброшены на линію въ двухъ километрахъ сѣвернѣе Любимовки и далѣе по долинѣ Бельбека. Послѣ этого на нѣсколько мѣсяцевъ наступило относительное затишье и фронтъ стабилизировался на линіи Балаклава — Комары — западнѣе Чоргунь — Камышлы — долина Бельбека и сѣвернѣе Любимовки у моря.

За время второго штурма, совѣтская авіація усилившись за счетъ Закавказскаго фронта, съ 17 декабря по 1 января произвела 1131 вылетовъ; по совѣтскимъ свѣдѣніямъ въ три раза больше чѣмъ Luftwaffe, которая съ 29 декабря прекратила дѣйствія подъ Севастополемъ. Потери защитниковъ были очень велики, въ особенности въ частяхъ 3-го и 4-го сектора и, въ частности, въ 7-й и 8-й бригадѣ морской пѣхоты. Но послѣ привлеченія Закавказскаго фронта къ оборонѣ, подкрѣпленія и снабженіе стало регулярно поступать въ Севастополь. Конвой, до шести транспортовъ, подъ охраной миноносцевъ, доставляли въ Севастополь все необходимое.

VIII. СНАБЖЕНІЕ СЕВАСТОПОЛЯ МОРЕМЪ.

Севастополь могъ жить и обороняться лишь при условіи свободныхъ морскихъ сообщеній съ кавказскими портами, откуда доставлялось горючее, боеприпасы, продовольствіе и шли подкрѣпленія. Въ 1941 году главную угрозу на морѣ

составляла авіація, которая атаковывала конвои въ морѣ, бомбила транспорта во время разгрузки и ставила мины. Изъ за малаго радіуса дѣйствія совѣтскіе истребители не были въ состояніи прикрывать корабли въ пути; вмѣстѣ съ тѣмъ, съ середины ноября группа Luftwaffe была специально выдѣлена для морской блокады и ждала на аэродромахъ вызова развѣдчиковъ, замѣтившихъ корабли. Начало интенсивныхъ перевозокъ въ Севастополь совпало съ періодомъ длинныхъ ночей, частыхъ тумановъ и низкой облачности, что затруднило дѣйствія нѣмецкой авіации и позволило флоту въ осенне-зимній періодъ безперебойно доставлять въ Севастополь все необходимое. Но, въ связи съ занятіемъ нѣмцами всего берега Крыма, съ 5 ноября маршруты транспортовъ были вынесены далеко въ море, внѣ видимости съ берега. Во избѣжаніе осложненій при встрѣчномъ движеніи въ темное время, было установлено шесть обязательныхъ маршрутовъ, по три въ каждую сторону. Курсы шли отъ кавказскихъ портовъ на западъ и на меридіанѣ Севастополя поворачивали на сѣверъ. Обычно формировались конвои въ два-три транспорта, охранявшихся миноносцами или болѣе мелкими судами, но въ декабрѣ были конвои по пяти-шести транспортовъ. Система конвоевъ увеличила простой судовъ и для ускоренія перевозокъ иногда посылались одиночные транспорты. Такая система требовала еще бо́льшаго числа охранныхъ судовъ, которыхъ и безъ того было мало, такъ какъ многіе изъ нихъ находились въ ремонтѣ; зимнія же непогоды не позволяли пользоваться сторожевыми катерами и другими мелкими судами. По этой причинѣ часть транспортовъ, пользуясь непогодой и длинными ночами посылались безъ охраны. На дальнихъ подходахъ къ Севастополю въ охрану транспортовъ вступала авіація, но это были бомбардировщики или гидросамолеты, мало пригодные для воздушнаго боя. Южнѣе Херсонеса конвои встрѣчали корабли охраны воднаго района, которые проводили ихъ между минными загражденіями. Какъ правило, подходъ къ Севастополю и выходъ изъ него производился подъ покровомъ темнаго времени, что позволяло избѣгать атакъ съ воздуха и незамѣтно проходить районъ дѣйствительнаго огня нѣмецкой дальнобойной артиллеріи, установленной въ концѣ декабря у Мамашай и обстрѣливавшей море отъ Херсонеса до входа въ бухту. Южная бухта и бухты Херсонесскаго полуострова вскорѣ оказались подъ продольнымъ огнемъ артиллеріи, что принудило транспорты разгружаться подъ прикры-

тіемъ высокаго берега Сѣверной стороны, въ частности у Сухарной и Наливной пристани. Для прикрытія отъ авіаціи транспорты маскировались дымовыми завѣсами, но несмотря на это они часто страдали отъ бомбъ и нѣсколько изъ нихъ затонуло въ бухтѣ, главнымъ образомъ отъ близкихъ взрывовъ. Разгрузка затонувшихъ пароходовъ производилась потомъ съ помощью водолазовъ. Малые моторные сайнеры, главнымъ образомъ по ночамъ, развозили по всѣмъ бухточкамъ доставленные на пристани грузы и многіе изъ этихъ незамѣтныхъ работниковъ разлетѣлись въ щепки отъ попаданія бомбъ и снарядовъ. Войска и наиболѣе цѣнные грузы перевозились на быстроходныхъ транспортахъ, главнымъ образомъ пассажирскихъ теплоходахъ, но еще чаще на боевыхъ корабляхъ. Въ теченіе ноября и декабря транспорты совершили въ двѣ стороны 340 рейсовъ, доставивъ въ Севастополь войска и 45000 тоннъ лишь военныхъ грузовъ. Съ наступленіемъ весны положеніе измѣнилось къ худшему. Въ это время лишь одна Luftwaffe царила въ воздухѣ и безнаказанно атаковывала показавшіяся суда. Каждый переходъ транспортовъ сталъ принимать видъ непрерывнаго боя, и потери, съ увеличеніемъ свѣтлаго времени, все росли. Въ связи съ этимъ пришлось отказаться отъ использованія тихоходныхъ пароходовъ и перевозки стали совершаться лишь на болѣе быстроходныхъ транспортахъ, главнымъ образомъ на пассажирскихъ теплоходахъ. Они посылались въ одиночку подъ сильной охраной, загруженные до предѣла снаряженіемъ и людьми. Даже танкеры, несмотря на опасный грузъ, брали на палубу солдатъ. Естественно, что число рейсовъ значительно сократилось, въ то время какъ въ Севастополѣ всѣ запасы, не только снаряженія, но и продовольствія, были давно уже исчерпаны. Для продолженія обороны и подвоза самаго необходимаго гарнизону, единственнымъ выходомъ было бóльшее примѣненіе боевыхъ кораблей, главнымъ образомъ миноносцевъ, которые, пользуясь своимъ большимъ ходомъ, подходили къ Севастополю съ темнотой, разгружались и на утро были уже въ открытомъ морѣ.

Минная опасность была все время реальной, такъ какъ нѣмецкіе самолеты ставили магнитныя мины въ бухтахъ и на фарватерѣ. За время осады ими было сброшено болѣе трехсотъ минъ. Не считая нѣсколькихъ транспортовъ и тральщиковъ, 20 апрѣля на минѣ взорвался эск. миноносецъ «Смышленый».

Не безинтересно привести нѣсколько примѣровъ похода транспортовъ въ Севастополь въ послѣдніе мѣсяцы осады. 18 мая теплоходъ «Грузія», идя подъ конвоемъ миноносца и двухъ тральщиковъ, на подходахъ къ Севастополю, былъ атакованъ торпедоносцами, затѣмъ на входномъ фарватерѣ отъ Казачей до Стрѣлецкой бухты его обстрѣливала тяжелая батарея. При разгрузкѣ портъ подвергался сильной воздушной бомбардировкѣ, но прикрытая дымовой завѣсой «Грузія» осталась невредимой. 22 мая въ 7 час. утра «А. Сѣровъ», доставивъ пополненія и грузы, ошвартовался для погрузки машинъ морского завода у Корабельной стороны. Въ пути его атаковала авіація и на фарватерѣ онъ былъ обстрѣлянъ батареей. Въ Южной бухтѣ продолжали рваться снаряды и черезъ часъ транспортъ былъ атакованъ 12-ю бомбардировщиками. Одна изъ бомбъ попала въ трюмъ, и транспортъ сѣлъ на грунтъ. Несмотря на это, разгрузка продолжалась; одновременно команда приступила къ исправленію поврежденій. Черезъ нѣсколько дней, выдержавъ 42 воздушныхъ атаки ,«А. Сѣровъ» ушелъ въ Новороссійскъ. 29 мая нѣмецкая авіація атаковала въ морѣ военные корабли и будто-бы нанесла поврежденіе крейсеру.

Въ началѣ іюня появилась новая опасность со стороны итальянской флотиліи, которая, въ составѣ десяти торпедныхъ катеровъ типа "MAS", пяти малыхъ катеровъ и шести малыхъ подводныхъ лодокъ перебазировалась въ Ялту. Находясь въ непосредственной близости отъ Севастополя и пользуясь донесеніями воздушной развѣдки, итальянскимъ катерамъ было не трудно блокировать портъ. 6 іюля шесть изъ нихъ атаковали совѣтскій конвой, но были отбиты огнемъ миноносцевъ; 10 іюня "MAS 573" попалъ торпедой въ пятитысячетонный теплоходъ, шедшій подъ конвоемъ двухъ миноносцевъ типа «Б». Возможно, что это была «Арменія», потопленная въ этотъ періодъ. 13 іюня шедшій подъ конвоемъ миноносца и сторожевыхъ катеровъ теплоходъ «Абхазія», съ войсками на борту, на подходѣ къ Севастополю былъ подорванъ катеромъ "MAS 210". Имѣя поврежденную машину, теплоходъ былъ взятъ на буксиръ и приведенъ въ Севастополь, гдѣ его поставили подъ прикрытіе высокаго берега Сухарной балки. Тамъ его атаковали самолеты и, получивъ еще новыя поврежденія, «Абхазія» затонула. Въ этотъ же день въ Севастополь пришелъ съ войсками одинъ изъ крейсеровъ. Къ серединѣ іюня 1942 г. почти всѣ пассажирскіе теплоходы были выве-

дены изъ строя. Послѣдній успѣшный рейсъ въ Севастополь совершилъ 16-18 іюня транспортъ «Бѣлостокъ». Слѣдующій конвой въ составѣ транспорта, двухъ миноносцевъ и трехъ катеровъ былъ атакованъ 19-го четырьмя нѣмецкими торпедными катерами, которые къ этому времени перебазировались въ Акъ-Мечеть. Несмотря на сильный огонь миноносцевъ торпеда "S 102" попала въ транспортъ. Въ этотъ же день нѣмецкія части прорвались къ берегу Сѣверной бухты, что вообще лишило возможности пользоваться Южной и Сѣверной бухтами. Нѣмецкая авіація сбросила въ этотъ день 5000 бомбъ въ Севастополь, и укрывавшійся за Павловскимъ мыскомъ миноносецъ «Бодрый» былъ ею потопленъ. Нѣмецкая флотилія катеровъ поставила южнѣе Севастополя минное загражденіе, на которомъ видимо погибъ 15 іюня миноносецъ «Дзержинскій» (бывш. «Каліакрія»).

Въ послѣднія двѣ недѣли обороны Севастополя лишь лидеръ «Ташкентъ» и миноносцы посылались въ осажденную крѣпость. Для грузовыхъ операцій они пользовались бухтами у Херсонеса. Въ теченіе іюня боевые корабли совершили 110 рейсовъ, доставивъ въ Севастополь подкрѣпленія, снаряженіе, медикаменты и продовольствіе; въ обратную сторону они вывозили раненыхъ и гражданское населеніе. Эти походы были сопряжены съ большой опасностью. 23 іюня эск. мин. «Свободный», опоздавъ съ разгрузкой, снялся съ якоря когда было уже совсѣмъ свѣтло и надъ городомъ уже появилась нѣмецкая авіація. Нѣсколько пикировщиковъ набросились на него и накрыли миноносецъ бомбами. «Свободный» сталъ быстро погружаться носомъ, но комендоры кормового орудія продолжали вести огонь по самолетамъ пока ихъ не накрыла волна. Съ миноносцемъ погибло большинство его команды. Съ 22-е по 26-е іюня «Ташкентъ», «Бдительный» и «Безупречный» сдѣлали каждый по три рейса. Утромъ 26-го «Ташкентъ», имѣя на борту 900 бойцовъ и «Безупречный» — 400, сидѣвшихъ на палубѣ и въ надстройкахъ, вышли изъ Новороссійска. Послѣ полудня корабли подверглись ожесточеннымъ атакамъ авіации и во время второй атаки «Безупречный» былъ потопленъ. Изъ всѣхъ, находившихся на немъ, два дня спустя, подводныя лодки «М-112» и «М-118» спасли комиссара и двухъ матросовъ. «Ташкентъ» благополучно достигъ Камышевой бухты и, разгрузившись, взялъ 2100 раненыхъ! Ночью 27-го онъ вышелъ полнымъ ходомъ въ обратный путь, но днемъ былъ обнаруженъ авіацией,

которая въ теченіе четырехъ часовъ произвела 86 атакъ, сбросивъ 336 бомбъ. Было лишь одно прямое попаданіе въ полубакъ, причинившее много потерь среди раненыхъ, но отъ близкихъ разрывовъ лидеръ получилъ тяжелыя повреждения. Послѣдовательно лѣвая турбина, рулевое управленіе и одна кочегарка вышли изъ строя или были затоплены. Ходъ упалъ до 8-ми узловъ и корабль принялъ до 2000 тоннъ воды. Высланнымъ на помощь «Сообразительнымъ», «Ташкентъ» былъ приведенъ на буксирѣ въ Новороссійскъ, гдѣ онъ затонулъ у стѣнки, возможно получивъ новыя поврежденія при бомбардировкѣ порта 2 іюля. За время осады Севастополя «Ташкентъ», подъ командой кап. 2 р. Ерошенко совершилъ 40 рейсовъ въ осажденный городъ и подвергся 133-мъ атакамъ самолетовъ, сбивъ нѣсколько изъ нихъ. Послѣдній походъ окончательно доказалъ нецѣлесообразность дальнѣйшей посылки надводныхъ кораблей въ Севастополь.

Нужда въ Севастополѣ на всѣ предметы была настолько велика, что еще въ началѣ мая командованіе флотомъ рѣшило, для усиленія подвоза необходимаго, привлечь подводныя лодки. Для увеличенія ихъ грузоподъемности на нѣкоторыхъ лодкахъ была снята часть аккумуляторовъ, выгружены торпеды и снаряды и уменьшены судовые запасы. Въ результатѣ грузоподъемность была доведена до 90 тоннъ груза или 35 тоннъ груза и отъ 80-ти до 100 пассажировъ, но съ такимъ оборудованіемъ они имѣли очень малый радіусъ подводнаго хода и совершали переходы на поверхности, погружаясь лишь при обнаруживаніи самолетовъ. Лодки подвозили сухопутныя мины, боеприпасы, концентраты пищевыхъ продуктовъ, медикаменты и бензинъ, который они принимали въ одну изъ цистернъ. Въ цѣляхъ выигрыша времени переходъ совершался днемъ по кратчайшему пути, но нѣкоторымъ лодкамъ пришлось для укрытія отъ самолетовъ погружаться до 16-18 разъ за одинъ переходъ. Подходъ лодокъ къ мѣсту встрѣчи съ тральщиками происходилъ передъ закатомъ солнца съ разсчетомъ, чтобы по фарватеру идти въ темное время. Если это не удавалось, лодки входили въ Севастополь въ погруженномъ состояніи. Примѣняя такую систему, транспортнымъ лодкамъ удавалось избѣгать атакъ авіаціи и лишь 26 іюня, по донесенію нѣмецкихъ летчиковъ, одна лодка была ими потоплена въ районѣ Севастополя. (Въ мартѣ 1942 г. нѣмецкіе летчики сообщили о потопленіи у береговъ Крыма

двухъ подв. лодокъ; если даже такой фактъ дѣйствительно имѣлъ мѣсто, можно считать, что это были не транспортныя лодки).

Но совершая переходы въ надводномъ положенiи, лодки пострадали отъ сторожившихъ ихъ итальянскихъ катеровъ и подводныхъ лодокъ. Днемъ 15 iюня у мыса Сарычъ подв. лодка «СВ-3» взорвала двухторпеднымъ залпомъ лодку «Д-6». 18-го у Севастополя «СВ-2» взорвала «Щ-206», стоявшую съ застопоренными моторами, возможно поджидая тральщиковъ или темноты. Вечеромъ слѣдующаго дня у мыса Сарычъ катеръ "MAS 571" потопилъ «Щ-214» и спасъ изъ ея команды двухъ матросовъ. Такой успѣхъ итальянцевъ, впослѣдствiи не повторявшiйся, можно объяснить элементомъ внезапности и надо думать, что совѣтскiя лодки не были предупреждены объ новой опасности, несмотря на то, что совѣтскiе торпедные катера, ворвавшись 13 iюня въ Ялтинскiй портъ, взорвали торпедой подводную лодку «СВ-5».

Транспортныя подводныя лодки дѣйствовали съ большимъ напряженiемъ. По возвращенiи въ Новороссiйскъ они почти немедленно выходили въ новый рейсъ. Одна лодка за шесть недѣль совершила 7 походовъ, другая четыре въ двѣ недѣли. Въ маѣ 10 лодокъ участвовало въ перевозкахъ, въ концѣ iюня ихъ число увеличилось и въ послѣднiе дни осады дошло до 18-ти, т. е. почти всѣ изъ находившихся въ строю. За iюнь подводныя лодки совершили 77 походовъ въ Севастополь, доставивъ туда 3300 тоннъ боеприпасовъ, 600 тоннъ горючаго и другiе грузы; въ обратную сторону было эвакуировано 1200 человѣкъ, главнымъ образомъ раненыхъ. Весь этотъ грузъ одинъ пароходъ могъ бы поднять въ одинъ прiемъ, но не считая, что большая часть перевозокъ была совершена, когда транспорты уже не могли достигнуть Севастополя, на лодкахъ посылались срочные грузы по мѣрѣ ихъ необходимости.

Почти непрерывная бомбардировка Севастополя въ послѣднiя недѣли осады принудила лодки совершать грузовыя операцiи лишь ночью, мѣнять мѣста стоянки, прикрываться дымовыми завѣсами и днемъ отлеживаться на грунтѣ. Доставка бензина въ цистернахъ была сопряжена съ добавочной опасностью. Такъ, на подводной лодкѣ «М-33» (к-ръ лейт. Суровъ), послѣ откачки горючаго, проникшiе внутрь лодки пары бензина воспламенились и нѣсколько человѣкъ изъ экипажа получили сильные ожоги. Еще бóльшее испыта-

ніе перенесъ экипажъ «М-32»: 21 іюня лодка съ грузомъ боеприпасовъ и имѣя бензинъ въ баластной цистернѣ вышла изъ Новороссійска. На слѣдующій день у береговъ Крыма шесть разъ появленіе самолетовъ принуждало ее къ срочному погруженію. Разгрузка и пріемъ раненыхъ въ одной изъ бухтъ затянулся до разсвѣта и не далъ возможности промыть цистерну, въ которой былъ доставленъ бензинъ. Во время отхода отъ пристани начался налетъ авіаціи и не далеко отъ лодки погибъ «Свободный». Согласно приказанію, командиръ капитанъ-лейтенантъ Колтыпинъ положилъ лодку на грунтъ съ разсчетомъ всплыть лишь съ темнотой. Пары бензина, вытѣсненные водой изъ цистерны, распространились по лодкѣ, дурманя людей. Постепенно, одинъ за другимъ составъ экипажа началъ терять сознаніе. Всплыть было невозможно, не только изъ за авіаціи, но также изъ за угрозы артиллерійскаго обстрѣла. Около 17-ти часовъ командиръ почувствовалъ, что начинаетъ терять сознаніе и, подозвавъ наиболѣе бодраго изъ оставшихся, трюмнаго старшину Пустовойтенко, приказалъ ему поднять лодку лишь послѣ наступленія темноты. Большой силой воли старшинѣ удалось дождаться назначеннаго времени и послѣ 16-ти часового пребыванія подъ водой, когда, наконецъ, наверху настала темнота, находившійся въ полусознаніи старшина повернулъ клапанъ продуванія, на которомъ онъ держалъ руку, и лодка всплыла. Цѣной нечеловѣческихъ усилій ему удалось открыть люкъ и свѣжій воздухъ сталъ поступать въ лодку.

Въ заключеніе можно сказать, что Черноморскій флотъ сдѣлалъ все возможное для снабженія Севастополя всѣмъ необходимымъ, но отсутствіе своей авіаціи и подавляющія силы врага въ послѣдніе мѣсяцы осады сдѣлали эту задачу невыполнимой и привели къ большимъ потерямъ.

(Продолженіе слѣдуетъ) .

Н. В. Кемарскій.

ЭСКАДРЕННЫЙ МИНОНОСЕЦЪ „НОВИКЪ“

(Продолженіе)

ПОХОДЪ ВЪ ГЕРМАНІЮ.

Но вотъ наступилъ моментъ покинуть Кронштадтъ и вступить въ новую стадію перестройки. Этого только и ждали на «Новикѣ». Все было готово къ столь долгожданному походу: вѣдь онъ приближалъ насъ къ конечной завѣтной цѣли — стать равноправнымъ членомъ Балтійскаго флота. Ужъ изъ котловъ, черезъ предохранительныя клапаны порой вырывался нетерпѣливый паръ, главныя турбины съ помощью винтовъ будоражили воду за кормой; у якорныхъ канатовъ и у шпиля на бакѣ уже давно стояли комендоры, а всѣ шлюпки были подняты и закрѣплены по походному.

Едва только мы развязались съ пловучимъ краномъ и на фокъ-мачтѣ у насъ взвился сигналъ: «прошу разрѣшенія слѣдовать по назначенію» — съ вышки Морского Телеграфа — отвѣтъ «Д» — (согласенъ). Немедленно засвистали дудки «по мѣстамъ, съ якорей и швартововъ сниматься»; заработалъ шпиль, зазвонилъ машинный телеграфъ . . . и нашъ «Новикъ» плавно вышелъ изъ Военной гавани. Увеличивая постепенно ходъ до полнаго, мы прошли Толбухинъ маякъ, о-въ Гогландъ, и, не доходя до о-ва Наргенъ, у Вульфовскаго знака, повернувъ въ Ревельскую бухту, вскорѣ ошвартовались къ стѣнкѣ восточнаго больверка ревельской военной гавани.

Здѣсь намъ пришлось разстаться съ частью команды, въ которой не было необходимости во время пребыванія заграницей. Послѣ конца аврала команда была отпущена на берегъ попрощаться съ друзьями, а остающіеся въ Россіи приготовлялись на-завтра перейти на другіе корабли «во временное пользованіе». «Новикъ» не хотѣлъ съ ними разставаться, но экономическія и другія соображенія диктовали это сдѣлать, и вѣдь мы оставляли ихъ только на нѣсколько мѣсяцевъ.

На слѣдующій день утромъ (10 мая 1913 г.) «Новикъ» вышелъ изъ гавани, на рейдѣ уничтожили и опредѣлили остаточную девіацію компасовъ для предстоящаго похода. Отъ Ревеля и до входа въ Свинемюнде около 500 миль — для нашего корабля это былъ первый длинный походъ, да еще и заграницу.

Спеціалисты-рабочіе Путиловскаго завода съ нами не шли, мы были предоставлены самимъ себѣ обслуживать механизмы и котлы, такъ какъ считались уже достаточно натренированными въ теченіе прошлыхъ походовъ. Съ нами, все же, шелъ гарантійный механикъ завода «Вулканъ», симпатичнѣйшій нѣмецъ Адольфъ Фронертъ, говорящій довольно свободно по-русски. Онъ занималъ одну изъ офицерскихъ каютъ, столовался въ каютъ-компаніи, и вообще былъ какъ бы ея равноправнымъ членомъ. Въ свободное время мы, развлекаясь, играли съ нимъ въ трикъ-тракъ, шашки и шахматы, ходили вмѣстѣ на берегъ; въ шутку называли его «непокорный сынъ Адольфъ», прозвище данное ему еще до моего появленія на «Новикѣ».

Обогнувъ о-въ Наргенъ дошли до траверза Верхняго Дагерорта, свернули влѣво и вышли въ Балтійское море, въ темнотѣ прошли о-въ Гогландъ, днемъ миновали о-въ Борнгольмъ и много за полдень были въ виду входа въ Свинемюнде — преддверье г. Штеттина. Наши машинисты и кочегары справились отлично — все было благополучно въ отдѣленіяхъ турбинъ и кочегаркахъ. Былъ хорошій весенній день, и «Новикъ», съ застопоренными машинами, плавно и легко покачивался на пологой волнѣ рейда г. Свинемюнда. На фокъ-мачтѣ развивался сигналъ, требующій лоцмана. Въ ожиданіи его мы съ интересомъ разсматривали берега Помераніи. Справа отъ нашего курса и къ Весту отъ входа въ рѣку Swine, гдѣ берегъ низменный и песчаный, виднѣлся весь въ зелени городъ Свинемюнде съ его муниципальными купальнями, виллами и другими постройками, изъ которыхъ особенно

выдавались шпицы Гарнизонной и Евангелической кирокъ, а дальше, по берегу о-ва Usedom, на невысокихъ дюнахъ расположились Ahlbeck — рыбачій поселокъ и Heringsdorf — оба лѣтніе курорты съ ихъ многочисленными купальнями. Къ югу отъ насъ, на фонѣ отдаленныхъ контуровъ возвышеннаго берега вырисовывался маякъ Swinemunde высотой 223 фута. Влѣво тянулся въ сѣверо-восточномъ направленіи берегъ острова Wollin, дюны котораго густо покрыты лѣсомъ. На этомъ побережьѣ мы въ бинокль замѣтили нѣсколько береговыхъ батарей, скрывающихся въ лѣсныхъ заросляхъ на верхушкахъ дюнъ; они наводили на мысль о существованіи и другихъ военныхъ укрѣпленій, хорошо замаскированныхъ отъ нескромныхъ, любопытныхъ глазъ.

Наконецъ, къ нашему борту подошелъ лоцманскій ботъ, и изъ него на палубу вышелъ солидный нѣмецъ-лоцманъ съ трубкой въ зубахъ. Поднявшись на ходовой мостикъ, онъ поздоровался и, узнавъ, что мы идемъ въ Штеттинъ, немедленно приступилъ къ своимъ обязанностямъ.

Наконецъ, мы достигли рѣки Одеръ. Одеръ вливается въ Балтійское море тремя рукавами, далеко разнесенными, и для удобнаго сообщенія пользуются среднимъ рукавомъ, носящимъ имя Swine, который соединяется посредствомъ морского канала, пересѣкающаго Grosses Haff съ рѣкой Одеръ. Это самая живописная часть нашего пути. Оба берега рѣки — сплошной садъ, луга, пастбища, куда ни оглянешься — всюду жизнь; селенія преимущественно на лѣвомъ берегу, возвышенномъ и усѣянномъ прелестными живописными мѣстечками, соединенными со Штеттиномъ желѣзной дорогой и въ лѣтнее время представляющими дачныя мѣста, тутъ и тамъ красивыя виллы, шпицы кирокъ, а мѣстами и фабричныя трубы. Промелькнули : Jasenitz, Politz, Goslow, Frauendorf, Zullchow и мы достигли нашего конечнаго назначенія — Vulkan Werke, находящагося въ Grabow (Bredow) — предмѣстье Штеттина.

Солнце стояло уже низко, когда «Новикъ» ошвартовался къ стѣнкѣ набережной завода «Вулканъ» на лѣвомъ берегу Одера, какъ разъ на концѣ его владѣній, такъ что носовые швартовы были закрѣплены на территоріи лоцманской станціи, противъ лоцманскаго дома и сосѣдняго рѣчного яхтъ клуба. Толпа любопытныхъ собралась на берегу и оживленно вела разговоры о нашемъ кораблѣ. Единственнымъ сошедшимъ на берегъ былъ лоцманъ. Дневныя работы на заводѣ были окончены, но администрація его по телефону изъ Сви-

немюнде была извѣщена о времени нашего прихода къ заводу, и поэтому задержала инженеровъ и указателей, которые немедленно появились у насъ на борту, какъ только мы ошвартовались. Они привѣтствовали насъ съ благополучнымъ приходомъ, за ними — обычное явленіе: насъ гурьбой атаковали портные, прачки, мясники, зеленщики, пекаря и другіе поставщики. Офицерамъ представился удобный случай заказать штатское платье, только въ которомъ имъ разрѣшалось появляться на берегу, они, поэтому, обступили портныхъ, выбирая фасоны, матеріи, уславливались о цѣнѣ и срочномъ выполненіи заказовъ.

Уже вечерѣло, когда эта ватага, получивъ заказы, удалилась, и на кораблѣ стало нѣсколько спокойнѣе; лишь наши инженеръ-механики Г. К. Кравченко и А. И. Грабовскій еще выясняли порядокъ работъ съ заводскими специалистами, да указатели завода дѣлали на-завтра свои помѣтки на верхней палубѣ для первоначальныхъ работъ. Тогда же нашъ гарантійный механикъ А. Фронертъ вручилъ нѣсколько экземпляровъ заводскихъ «правилъ» для нашего руководства и исполненія, со схематическимъ планомъ нужныхъ намъ мѣстъ — бани, конторы завода, входовъ и выходовъ на улицу и проч. Согласно съ ними, для личнаго состава корабля была составлена инструкція порядка службы на миноносцѣ и жизни команды въ казармѣ, снятой заводомъ. Съ перваго же дня начали нести регулярную вахту на мостикѣ и у сходни. Такъ прошелъ первый вечеръ въ Штеттинѣ.

Нѣмцы, т. е. заводчики, приняли насъ привѣтливо, ибо мы были ихъ заказчиками, а широкая публика насъ мало касалась, но вѣроятно слѣдила за нами незамѣтно для насъ.

На слѣдующій день послѣ прихода нами были сдѣланы официальные визиты властямъ города и военному начальству гарнизона. Заводъ, не теряя времени, принялся за работу. Къ 8 час. утра къ правому борту подвели баржу и перекачали въ нее всю имѣвшуюся у насъ нефть: электричество и паръ намъ дали съ завода. На корабль явилась цѣлая армія мастеровыхъ съ пневматическими сверлами, зубилами, кувалдами и прочими атрибутами, и подняла страшный шумъ и грохотъ, приготовляя къ съемкѣ дымовыя трубы, грибовидные вентиляторные раструбы, фундаменты минныхъ аппаратовъ и проч., начиная отъ полубака и до задняго мостика. Къ вечеру палуба покрылась массой дыръ отъ снятыхъ частей корабля.

Въ этотъ день, послѣ подъема флага, командиръ собралъ

насъ и, въ достаточно пространной рѣчи, начерталъ намъ линію нашего поведенія въ Штеттинѣ и на территоріи завода; попутно напомнилъ о томъ, что мы въ странѣ Vaterland'a, гдѣ всѣ на-чеку, всѣ методичны, всѣ стараются принести пользу родинѣ, но не забываютъ также и личной выгоды; что отъ нихъ можно ждать всякихъ неожиданныхъ сюрпризовъ, и намъ слѣдуетъ быть очень осторожными и осмотрительными въ своемъ поведеніи и разговорахъ, т. к. завѣтная мечта нѣмцевъ это "Drang nach Osten", и они зорко слѣдятъ за нами. Послѣ рѣчи командира, старшій офицеръ раздалъ каждому составленную наканунѣ и размноженную инструкцію повседневной жизни личнаго состава на время пребыванія въ Штеттинѣ, а также присланную городомъ General Harbor Regulations и объявилъ, чтобы мы, возможно скорѣе, сыскали квартиры на берегу, т. к. въ офицерскихъ и командныхъ помѣщеніяхъ будетъ произведена замѣна изоляціи бортовъ и подволоковъ, ибо имѣвшіяся не были достаточны для зимняго времени въ Россіи. Такимъ образомъ жизнь личнаго состава переносилась на берегъ.

Вечеромъ этого дня мы имѣли первый сюрпризъ: со стѣнки завода какой-то нѣмецъ попросилъ позволенія вступить на бортъ; онъ оказался фотографомъ, принесшимъ снимки «Новика» во время подхода къ заводу, размѣромъ открытаго письма, сдѣланные подъ нѣсколькими «курсовыми углами», настолько четко, что въ увеличительное стекло можно было различить находившихся на мостикѣ, бакѣ, ютѣ — повсюду. На фотографіи всѣми нами были сдѣланы большіе заказы, и фотографъ получилъ хорошіе барыши какъ отъ насъ, такъ, навѣрное, и отъ Германскаго Генеральнаго Штаба. Утреннія слова командира не замедлили подтвердиться.

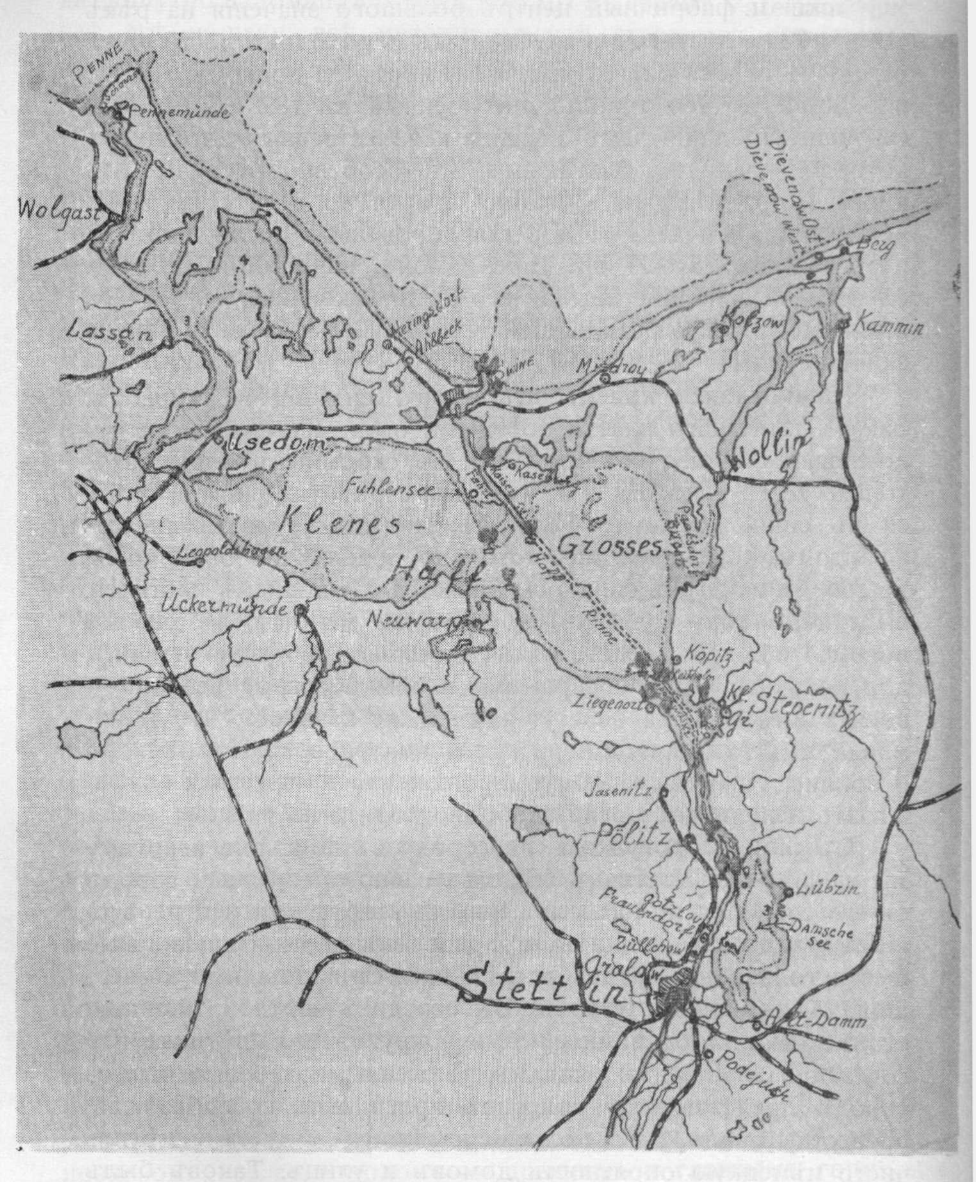
Со слѣдующаго дня начались наши поиски квартиръ и меблированныхъ комнатъ, для команды же заводомъ былъ нанятъ пустующій кинематографъ въ 2-3 кварталахъ отъ завода, приспособленный какъ казарма, съ кухней, складомъ для провизіи, столовой, спальней, удобствомъ и помѣщеніемъ для дежурнаго офицера. Въ подысканіи помѣщеній намъ, офицерамъ, большую помощь оказалъ А. Фронертъ, бывшій нашимъ гидомъ и переводчикомъ. Въ ближайшіе дни мы познакомились съ городомъ — древнимъ и главнымъ городомъ Помераніи. Онъ — въ 84 миляхъ отъ Берлина, штабъ-квартира 2-го Армейскаго Корпуса, съ населеніемъ 236.113 (1910 г.) жителей и гарнизономъ въ 5.000 чел. Изстари гер-

цогъ Померанскій владѣлъ имъ до 1637 года, шведы съ 1648 по 1720 г., Пруссія — съ 1720 г. и до сего дня (1913 г.) Коммерческій и фабричный центръ большого значенія на рѣкѣ Одерѣ. Рѣка достаточно глубока для пароходовъ до 20 футъ осадки и имѣетъ благоустроенный портъ на правомъ берегу, площадью въ 150 акровъ, построенный въ 1893-98 г.г. Изъ старинныхъ зданій замѣчательны величественныя кирки, отъ которыхъ дышетъ столѣтіями; въ особенности знаменита кирка Петра и Павла — самая старая во всей Помераніи, построенная въ 1124 г. и реставрированная послѣ многихъ перепетій въ 1816-17 г.г. Еще замокъ, начатый въ 1503 г. сѣверное и западное крылья его были закончены въ 1577 г.; прежде онъ былъ резиденціей герцога Померанскаго, теперь занятъ судомъ.

Приближался конецъ невольнаго сидѣнія на кораблѣ. Заказы штатскаго платья портными были выполнены къ условленному сроку, всѣ мы были въ скромныхъ пиджакахъ, только Д. И. Ѳедотовъ 2-й, имѣвшій стройную фигуру, одѣлся въ синій костюмъ, бѣлоснѣжную панаму и выглядѣлъ франтомъ, командиръ же, довольно полный, съ брюшкомъ, въ своемъ на-спѣхъ сшитомъ мѣшковато-сидящемъ костюмѣ, выглядѣлъ какъ купчикъ; вообще же мы всѣ, въ своемъ новомъ обликѣ представляли довольно забавную группу, для насъ это было совершенно необыкновенное явленіе — носить штатское на берегу; намъ даже казалось, что и команда какъ-то иронически на насъ посматриваетъ. Но мы скоро освоились съ «новымъ обмундированіемъ» и перестали его замѣчать. Теперь мы могли свободно ходить на берегъ.

Въ своихъ прогулкахъ по городу въ поискахъ квартиръ мы нашли, что Штеттинъ, дѣйствительно прекрасный городъ съ его своеобразно расположенными кварталами и пересѣченіемъ улицъ съ площадями, представляющими правильные шестиугольники — улицы встрѣчались съ площадями въ вершинахъ ихъ шести угловъ. Въ серединѣ каждой площади стоитъ какой-либо памятникъ, и вокругъ него цвѣтникъ. Въ сочетаніи со многими улицами, усаженными деревьями, весь городъ представляетъ поистинѣ красочный, своеобразный, прелестный видъ. Въ дополненіе къ этому слѣдуетъ отмѣтить чисто нѣмецкую опрятность домовъ и улицъ. Таковъ былъ благоустроенный городъ, въ которомъ намъ довелось пробыть около трехъ мѣсяцевъ, да еще въ лучшую часть года.

Черезъ нѣсколько дней мы всѣ устроились на берегу:



Окрестности Штеттина
1913 г.

старшій офицеръ стар. лейт. князь Дмитрій Николаевичъ Голицынъ и старшій механикъ инж. мех. лейт. Григорій Ксенофонтьевичъ Кравченко, ожидая прибытія своихъ женъ, нашли небольшія меблированныя квартиры; мы же, холостяки, размѣстились по комнатамъ. Я лично занялъ хорошую свѣтлую комнату въ первомъ этажѣ въ квартирѣ, собственники которой на лѣто переселились на дачу. Такъ какъ горничная оставалась сторожить квартиру, она согласилась готовить мнѣ завтракъ, такъ что я жилъ съ нѣкоторымъ комфортомъ.

Вставать приходилось рано, т. к. дорога брала 25-30 минутъ, а порой и больше. По прибытіи на корабль, послѣ подъема флага начинались занятія по спеціальностямъ. Для насъ, строевыхъ, раздавалась команда: «на всѣ гребныя суда!» и по очереди, строевая и машинная команда посылалась на гребное и парусное ученіе на сосѣднемъ Damsche See.

Свѣжій воздухъ и пріятная солнечная погода доставляла намъ удовольствіе заниматься этимъ ученіемъ и въ то же время держала насъ въ отдаленіи отъ трескотни и грохота ремонта, стоявшаго на кораблѣ. Наши инженеръ-механики и машинные старшины неустанно слѣдили какъ заводскіе рабочіе, подъ руководствомъ уполномоченнаго отъ завода инженера Крэкова, расшивали верхнюю палубу, разбирали котлы и вынимали среднюю турбину и другіе механизмы, требовавшіе замѣны. Въ береговомъ помѣщеніи команды шла приборка, а коки были заняты приготовленіемъ обѣда. Въ 11:30 шлюпочное ученіе кончалось и мы возвращались на корабль; къ этому времени дежурный кондукторъ представлялъ командиру на кораблѣ «пробу», которая, послѣ одобренія, посылалась въ каютъ-компанію, гдѣ она оканчивалась на расхватъ. Послѣ обѣда и «отдыха» команда разводилась на текущія работы по кораблю въ тѣхъ его частяхъ, гдѣ не производился ремонтъ. По четвергамъ производилось «чемоданное ученіе»: вся команда брала свои «большіе и малые чемоданы», провѣтривала и чинила свое имущество и, покончивъ съ этимъ, ходила въ баню, находившуюся на территоріи завода. Эта баня заслуживала вниманія: она занимала почти цѣлый кварталъ и раздѣлялась на двѣ части — одна для рабочихъ, другая для администраціи. Первая, очень обширная, съ горячей и холодной водой, была раздѣлена перегородками на индивидуальныя кабинки съ душемъ въ каждой; одновременно могло мыться до 500 человѣкъ. Вторая, менѣе обширная, раздѣлялась на «купэ» съ раздѣвалкой, душами и ванной. Этимъ отдѣленіемъ

пользовались офицеры «Новика». Баня эта составляла гордость завода, содержалась въ большой чистотѣ и была открыта всякій рабочій день. Наши матросы очень любили эту баню и пользовались ею не только по четвергамъ, но и при каждомъ удобномъ случаѣ.

По субботамъ утромъ мыли и скоблили помѣщеніе команды, послѣ чего производился осмотръ его командиромъ.

Таковъ былъ заведенный порядокъ во время стоянки «Новика» въ ремонтѣ у завода. Съ самаго начала нашего прихода между нами и администраціей завода установились хорошія отношенія; заводъ шелъ на встрѣчу нашимъ желаніямъ и выполнялъ даже наши малѣйшія прихоти.

Чтобы занять команду въ свободное время зародилась мысль развлечь ее какимъ-нибудь спортомъ. Распросивъ нашихъ матросовъ мы выяснили, что найдутся, даже въ большомъ числѣ, желающіе играть въ лапту, городки и футболъ. Съ согласія старшаго офицера мы обратились къ администраціи завода, которая отвела въ наше пользованіе пустырь, находившійся недалеко отъ казармъ, достаточно большой для игры въ лапту и футболъ. Мячи у насъ имѣлись, но вотъ городковъ (рюхъ) не было. Мы обратились къ инженеру Крэкову и просили его напилить городковъ и палокъ-битковъ. Онъ, какъ аккуратный нѣмецъ, понявъ въ чемъ состояла игра, обѣщалъ сдѣлать все нужное и просилъ дать ему размѣры. Дня черезъ два у нашей сходни на берегъ появился солидный размѣровъ ящикъ, а въ немъ городки, но какіе!! — изъ хорошаго дерева, и каждая рюха и палка была выточена на токарномъ станкѣ въ деревообдѣлочной мастерской завода! Такихъ городковъ, вѣроятно, во всей Матушкѣ Россіи не было — это былъ 2-й сюрпризъ для насъ.

Каждый вечеръ послѣ ужина большая часть команды собиралась позабавиться этими играми. Въ нихъ участвовали ротный командиръ мичманъ Д. И. Ѳедотовъ, я, и иногда ревизоръ мичманъ М. М. Максимовичъ. Въ этихъ играхъ строевая команда состязалась съ машинной — которая пересилитъ — всѣ входили въ азартъ, но все кончалось мирно, никто не обижался и, къ заходу солнца, которое въ ту пору долго стояло надъ горизонтомъ, возвращались восвояси. Въ 8:00 час. вечера была вечерняя молитва и перекличка, производимая фельдфебелемъ въ присутствіи дежурнаго по бараку офицера.

Послѣ конца работъ офицеры отправлялись на берегъ. Въ первые дни пребыванія въ Штеттинѣ шли въ ближайшій

отъ своего дома ресторанъ, а позднѣе находили болѣе подходящій къ ихъ требованіямъ, и становились постоянными его посѣтителями. До пріѣзда супруги Г. К. Кравченко, М. М. Максимовичъ, изрѣдка Д. И. Ѳедотовъ и я ходили вмѣстѣ въ облюбованный нами ресторанъ, очень уютный; входъ въ него былъ укромно закрытъ разросшимся кустарникомъ и найти его нельзя было безъ труда. Ресторанъ этотъ, скромный, но съ хорошей кухней и пріятной музыкой, отвѣчалъ нашимъ вкусамъ и сталъ постояннымъ мѣстомъ сбора къ обѣду; хозяинъ его вскорѣ узналъ кто мы, изучилъ наши вкусы и сохранялъ для насъ излюбленный нами уголокъ, а музыканты играли вещи, которыя нравились намъ — мы вѣроятно были болѣе щедрыми посѣтителями, нежели мѣстные завсегдатаи. Назывался этотъ ресторанъ «Luftdichten». Покончивъ съ обѣдомъ мы расходились по домамъ, чтобы опять встрѣтиться то у одного, то у другого, чтобы провести вечеръ въ дружеской бесѣдѣ. Чаще всего собирались у Г. К. Кравченко, гостепріимнаго хлѣбосола, а когда къ нему пріѣхала жена Марія Михайловна, настоящая хозяйка, то домъ его сталъ нашей главной квартирой, въ которой, почти каждый вечеръ, мы собирались къ вечернему чаю. Кравченко отлично и съ большимъ чувствомъ игралъ на роялѣ, доставляя удовольствіе даже тѣмъ изъ насъ, кто вообще былъ равнодушенъ къ музыкѣ. Иногда приходилъ старшій офицеръ князь Д. Н. Голицынъ съ супругой, которая любила карты; тогда составлялся бриджъ, входившій въ моду. Такъ мы проводили свободное время, другихъ развлеченій весной и лѣтомъ было мало — Штеттинъ пустѣлъ и единственными удовольствіями являлись кинематографы и Bierhalle. Мы предпочитали кино, въ нѣкоторыхъ изъ которыхъ, послѣ картины на сценѣ давались коротенькіе водевили и разныя новинки. Въ одномъ изъ такихъ театровъ, бывшимъ нашимъ фаворитомъ, однажды, среди короткихъ актовъ, вышелъ на сцену почтенный нѣмецъ, выдвинулъ на средину ея столъ, на которомъ помѣщалась миніатюрная модель Цеппелина, и объяснилъ зрителямъ, что эта модель воздушнаго корабля облетитъ кинематографъ по его желанію въ различныхъ направленіяхъ. И дѣйствительно, Цепелинъ плавно поднялся и невысоко надъ нашими головами медленно облетѣвъ партеръ по периферіи, развернулся, и сдѣлавъ въ обратномъ направленіи три круга, благополучно, подъ громъ апплодисментовъ публики, вернулся къ столу на сценѣ. Это былъ интересный опытъ управленія воздушнымъ

кораблемъ на разстояніи, до чего уже въ то время (1913 г.) додумался какой-то нѣмецъ изобрѣтатель. Это былъ для насъ 3-й сюрпризъ.

Освоившись съ жизнью на берегу, Штеттинъ незамѣтно для насъ поглотилъ насъ и смѣшалъ нашу жизнь съ жизнью коренного населенія города. Мы начали усваивать языкъ, завязались знакомства, появились даже привязанности не только у насъ, но и среди матросовъ, которые, въ какой странѣ не оказались, быстро заводятъ друзей и подругъ.

Май подходилъ къ концу и приближался, какъ и у насъ въ С.-Петербургѣ. день парада войскъ въ Берлинѣ въ присутствіи Германскаго Императора Вильгельма II. Объ этомъ событіи мы узнали изъ разговоровъ съ инженерами завода и слуховъ, распространившихся въ городѣ также быстро, какъ вездѣ на свѣтѣ. Мы, новиковцы, тоже заинтересовались этимъ зрѣлищемъ и, такъ какъ командиръ, извѣщенный Морскимъ Агентомъ объ этомъ событіи, собирался присутствовать на парадѣ, то и мы присоединили къ нему нашихъ представителей. Счастливчиками оказались лейт. С. М. Петровъ и я.

За сутки до дня парада мы отправились въ Берлинъ. Въ столицѣ мы заняли номеръ въ хорошей гостинницѣ близь Унтеръ-денъ-Линденъ, въ немъ переночевали и утромъ начали приготовляться къ предстоящему зрѣлищу. Парадъ имѣлъ мѣсто на Темпельхофъ фильдъ, мили четыре отъ нашего отеля. Мы ѣхали сначала на трамваѣ, а потомъ шли пѣшкомъ. Со всѣхъ концовъ столицы стекались нѣмцы въ экипажахъ, на велосипедахъ и пѣшкомъ; толпа заполнила часть поля, отведеннаго для зрителей, пробиться на лучшія мѣста не было возможности, и мы удовлетворились тѣми, до которыхъ добрались.

Парадъ напоминалъ наши на Марсовомъ полѣ. Принималъ участіе въ парадѣ весь гарнизонъ Берлина. Былъ «гусиный шагъ», атака кавалеріи, прошла, погромыхивая орудіями, артиллерія. По окончаніи парада мы поспѣшили домой и вечеромъ, нѣсколько усталые, прибыли въ Штеттинъ.

Въ своей установившейся ежедневной жизни, поглощенные единымъ желаніемъ поскорѣе закончить ремонтъ и присоединиться къ Балтійскому флоту, мы какъ-то мало обращали вниманія на политическую обстановку, а между тѣмъ назрѣвали конфликты, тѣсно касавшіеся «Новика» и насъ вмѣстѣ съ нимъ. Въ іюнѣ нашъ командиръ былъ срочно вызванъ въ Посольство для сдачи секретныхъ документовъ ввиду сильно

обострившихся отношенiй между Германiей и Россiей. О своемъ вызовѣ командиръ сообщилъ намъ секретно, приказавъ не распространять причины его поѣздки въ командѣ, чтобы извѣстiе это не просочилось и не стало извѣстно нѣмцамъ. Намъ, въ ожиданiи возвращенiя командира, было очень тревожно: ежеминутно ждали, что врдугъ появится «непрiятель» и захватитъ нашего «любимца» — у насъ не было ни двигателя, ни оружiя, ни взрывчатыхъ веществъ. Было рѣшено, какъ только мы узнаемъ «страшную новость», тотчасъ же рубить швартовы, поставивъ этимъ «Новикъ» лагомъ къ теченiю Одера, обрубить носовые, открыть кингстоны и постараться затопить корабль на фарватерѣ рѣки — вотъ все что мы могли сдѣлать, чтобы нанести возможно бо́льшiй ущербъ врагу. Но кризисъ миновалъ, мы всѣ вздохнули свободнѣе, и все вошло въ нормальную колею. Напугавшiй насъ кризисъ очевидно имѣлъ отношенiе къ внутреннему состоянiю Германiи. То тамъ, то здѣсь, происходили забастовки въ большихъ предпрiятiяхъ, и на заводѣ пронесся слухъ о предстоящей забастовкѣ на заводѣ Вулканъ, что подтверждали и инженеры. И дѣйствительно, въ одинъ изъ слѣдующихъ дней, мы были удивлены полной тишиной на всемъ пространствѣ завода. Мы забезпокоились... Администрацiя завода продолжала быть совершенно спокойна. Въ чемъ дѣло?... На слѣдующiй день — удивительное событiе — къ 8:00 час. утра на «Новикѣ» появилась многочисленная группа стариковъ и мальчишекъ-подмастерьевъ — это пенсiонеры пришли работать на время забастовки, **но только у насъ,** весь заводъ былъ по прежнему тихъ, какъ наканунѣ. Но еще болѣе удивительное явленiе было миролюбивое отношенiе бастующихъ и штрейкбрехеровъ — все было чинно и спокойно, никакихъ эксцессовъ, какъ будто бы ничего не произошло. Такъ какъ пенсiонеры могли работать только на кораблѣ, то администрацiя завода обратилась съ просьбой къ нашему командиру разрѣшить привлечь нашихъ машинистовъ и слесарей къ нѣкоторымъ неотложнымъ работамъ въ мастерскихъ на берегу, дабы не затягивать срока нашего ремонта. Одна изъ работъ, помню, была обточка и шлифовка гребныхъ винтовъ «Новика». Мы, всѣ офицеры и матросы, ходили смотрѣть на ихъ работу: они изъ кожи лѣзли, чтобы показать лихость, чистоту и быстроту работы. Гордые своей работой они говорили: «Дайте намъ только инструментъ, мы еще и не такiя чудеса покажемъ!..» И дѣйствительно, восхищенiю и удивленiю заводчиковъ за-

мѣчательной работой нашихъ матросовъ, превосходившей качествомъ выполненія нѣмецкихъ спеціалистовъ, не было конца. Такимъ образомъ выходило, что, хотя «нѣмецъ и обезьяну выдумалъ», но и мы могли «блоху подковать». Къ сожалѣнію, этому торжеству скоро пришелъ конецъ — забастовка продолжалась не болѣе недѣли и нашимъ молодцамъ пришлось обратиться къ своимъ прямымъ обязанностямъ. Но еще долго въ командѣ ходили разговоры объ ихъ удивительной работѣ.

Послѣ вышеописанныхъ треволненій, политическій горизонтъ прояснился. Мѣстное гарнизонное начальство рѣшило устроить намъ встрѣчу и обѣдъ и предназначило для этого мѣстный саперный полкъ. Группа офицеровъ-представителей этого полка прибыла на корабль и пригласила насъ почтить своимъ присутствіемъ ихъ Собраніе. Въ назначенный день мы, собравшись въ нашей «штабъ-квартирѣ», отправились къ саперамъ, въ этотъ разъ въ нашей лѣтней морской формѣ. Подъѣхали мы къ Собранію Сапернаго полка по широкой, тѣнистой, но почти безлюдной улицѣ, т. к. всѣ войска, оживляющія ее, были въ лагерѣ. Нѣмцы встрѣтили насъ торжественно-военно: Hoch! Hoch! разнеслось, когда мы вошли въ обширную столовую Собранія. Представившись, старшіе чины обѣихъ сторонъ взаимно представили остальныхъ. Саперовъ было человѣкъ 30, насъ — 6. Разсѣлись, соблюдая военную іерархію и тотчасъ же хозяева принялись угощать насъ разнообразными обильными закусками и винами, а потомъ и обѣдомъ. Разговаривали безъ умолка — вся тяжесть разговоровъ легла на владѣвшихъ нѣмецкимъ языкомъ стар. лейт. инж. мех. Г. К. Кравченко, мичмана М. М. Максимовича и инж. мех. мичмана А. И. Грибовскаго, ибо мы — остальные, знали только «комнатныя слова». Чѣмъ дальше тянулся обѣдъ тѣмъ разговоры становились громче, но только лишь слышался звонъ стакана, предваряющаго тостъ, мгновенно водворялась полнѣйшая тишина и съ концомъ его слышался дружный Hoch! Hoch! Воздавъ должное Бахусу и выпивъ всѣ тосты, аудіенція разсѣлась отдѣльными группами для кофе и ликеровъ; мы, «безъязычные», присоединились къ одной изъ нихъ, т. к. разговоры велись на русскомъ языкѣ. Среди саперовъ оказался майоръ, окончившій Академію Генеральнаго Штаба и отлично говорившій по-русски. Въ его откровенномъ съ нами разговорѣ онъ упомянулъ, можетъ быть послѣ обильныхъ возліяній, что послѣ окончанія Академіи, онъ почти

каждый годъ ѣздилъ въ Россію, въ наши южныя губерніи прилежащія къ границамъ Австріи, съ цѣлью изученія мѣстности и практики языка. Вотъ до какихъ вещей мы договорились на этомъ обѣдѣ! Домой мы вернулись поздно, немного навеселѣ.

Офицерамъ «Новика» было позволено по очереди посѣтить Берлинъ, и однажды я и Д. И. Ѳедотовъ воспользовались этимъ разрѣшеніемъ. Пріѣхавъ мы остановились въ одной изъ хорошихъ гостинницъ близь Унтеръ-денъ-Линденъ. Такъ какъ отпускъ нашъ былъ непродолжителенъ, то мы, не теряя времени, позавтракавъ въ отелѣ, отправились знакомиться съ этой знаменитой улицей и прилегающими къ ней частями города. Насмотрѣвшись вдоволь, мы вернулись въ отель. Вечеромъ, чтобы развлечься, мы пошли въ «Винтергартенъ» — лучшее варьете Берлина. Художественно отдѣланный, залитый электрическимъ свѣтомъ и декорированный многочисленными тропическими растеніями, онъ отвѣчалъ своему названію: «Зимній садъ». Едва мы вошли, метръ-д'отель подвелъ насъ къ столику, который мы и заняли. Заказавъ шампанское, мы сидѣли, осматривая окружающую публику, глядя на шансонетокъ, и время незамѣтно летѣло. Вскорѣ около нашего столика появилась миловидная молодая дамочка; мы пригласили ее присоединиться къ намъ, и она присѣла къ нашему столику. Живая, разговорчивая, эта сирена увлекла своими чарами моего спутника. Но программа развлеченій кончилась, и пора было возвращаться домой. Мой пріятель пошелъ провожать новую знакомую, а я одиноко направился въ нашу гостинницу.

На другой день, послѣ завтрака, мы отправились осматривать достопримѣчательности Берлина. Сначала мы посѣтили зоологическій садъ, а затѣмъ Шарлоттенбургъ и Потсдамъ. Подъ вечеръ мы вернулись усталые къ себѣ въ номеръ и опять посѣтили Винтергартенъ, гдѣ провели время скромно, обращая вниманіе главнымъ образомъ на программу, даваемую на сценѣ.

Переночевавъ, мы утромъ распрощались съ Берлиномъ и днемъ уже были на кораблѣ.

Н. В. Кемарскій .

(Продолженіе слѣдуетъ)

Стар. лейт. К. фонъ-Нотбекъ.

Новое о совѣтскомъ флотѣ

Очередная сводка .

1. Высшее командованіе :

Морской министръ: адмиралъ флота Горшковъ; его помощники и замѣстители: 1. адмиралъ Левченко и 2. адмиралъ Головко.

Командующіе флотами:

Балтійскимъ: адмиралъ А. И. Орелъ, флагъ на крейсерѣ «Орджоникидзе».

Черноморскимъ: адмиралъ В. И. Касатоновъ, флагъ на крейсерѣ «Адмиралъ Нахимовъ».

Ледовитаго океана : адмиралъ А. Т. Чобаненко, флагъ на крейсерѣ «Александръ Невскій».

Тихаго океана : адмиралъ В. А. Фокинъ, флагъ на крейсерѣ «Дмитрій Пожарскій».

Какъ показываютъ уже однѣ фамиліи, всѣ эти адмиралы совѣтскаго производства.

Въ Балтійскомъ морѣ находятся двѣ эскадры — 4-ая и 8-ая; 4-ая (адмиралъ Орелъ) базируется на портъ Балтійскъ (бывшій Пиллау у Кенигсберга), а 8-ая (вице-адмиралъ Котовъ) на портъ Таллинъ (Ревель).

2. Крейсера типа «Свердловъ».

Въ противоположность появившимся въ иностранной военно-морской печати свѣдѣніямъ о пріостановкѣ дальнѣйшей постройки крейсеровъ, крейсера типа «Свердловъ» продолжаютъ вступать въ строй — очевидно, принятая въ свое время программа постройки 20-ти крейсеровъ этого типа выполняется неукоснительно. Такъ, лѣтомъ 1960 года въ составъ флота Тихаго океана вступилъ новый крейсеръ «Адмиралъ Сенявинъ». Этотъ крейсеръ спущенъ на воду въ Ленинградѣ въ 1956 г. и лѣтомъ 1959 года прошелъ на Дальній Востокъ Сѣвернымъ морскимъ путемъ. Отъ своихъ sister-ships онъ отличается только тѣмъ, что вмѣсто 32-37 мм. противоаэропланныхъ орудій имѣетъ 18-76 мм. въ извѣсттныхъ уже совѣтскихъ парныхъ установкахъ — одинъ орудійный стволъ надъ другимъ. Не нашли подтвержденія также многочисленныя свѣдѣнія о перевооруженіи части крейсеровъ управляемыми снарядами и ракетами, и появившійся въ Jane's "Fighting Ships" чертежъ крейсера типа «Свердловъ» съ ракетнымъ вооруженіемъ — чистѣйшая фантазія. Всѣ наблюдавшіеся до послѣдняго времени въ морѣ совѣтскіе крейсера имѣли свое прежнее чисто-артиллерійское вооруженіе. Неправильно также сообщеніе "Flottentaschenbuch" о снятіи съ этихъ крейсеровъ минныхъ аппаратовъ — всѣ новѣйшіе снимки показываютъ эти крейсера съ 10-ю минными аппаратами.

По еще непровѣреннымъ свѣдѣніямъ въ Балтійскомъ морѣ появился новый крейсеръ съ названіемъ «Комсомолецъ».

3. Новые фрегаты.

Въ Балтійскомъ морѣ и въ Ледовитомъ океанѣ замѣчены и сфотографированы фрегаты новаго типа, водоизмѣщеніемъ около 2500 тоннъ, наибольшая скорость 28 узловъ вооруженіе — 4-100 мм. пр. а. орудій, 8-57 мм. пр. а. орудій, 2 мачты-треноги, одна широкая дымовая труба овальнаго сѣченія, корпусъ ледокола, очень высокій передній мостикъ, мощная радарная установка.

4. Подводныя лодки.

Постройка подводныхъ лодокъ (и эскадренныхъ миноносцевъ), повидимому, была пріостановлена на два года — 1956-1958, главнымъ образомъ, для освобожденія эллинговъ для постройки коммерческихъ судовъ. Но съ осени 1959 г. военное судостроеніе возобновилось съ прежней энергіей, причемъ, подводнымъ лодкамъ придается сейчасъ еще большее значеніе, чѣмъ въ предыдущіе годы. По американскимъ свѣдѣніямъ корпуса совѣтскихъ подводныхъ лодокъ строятся теперь не изъ обыкновенной судостроительной стали, а изъ особаго сплава, на 40 % более легкаго, чѣмъ судостроительная сталь, немагнитнаго и не подверженнаго ржавчинѣ. Постройка подводныхъ лодокъ съ атомнымъ двигателемъ производится, преимущественно, въ Сѣверо-Двинскѣ (бывшій Молотовскъ, бывшій Судострой).

5. Новые ледоколы.

Ледоколъ «Ленинъ» съ атомнымъ двигателемъ работаетъ теперь въ Бѣломъ морѣ и въ Ледовитомъ океанѣ. На Сандвикенскомъ заводѣ въ Гельсингфорсѣ строятся два ледокола для Совѣтскаго Союза, получившіе названія «Москва» и «Ленинградъ», водоизмѣщеніемъ въ 12.840 тоннъ, со скоростью въ 18 узловъ, 8 дизелей общей мощностью въ 22.000 силъ; въ Ленинградѣ заложенъ новый ледоколъ, водоизмѣщеніемъ въ 25.000 тоннъ.

6. Суда для научныхъ изслѣдованій.

Во время опытовъ съ управляемыми снарядами дальняго дѣйствія въ октябрѣ 1953 года въ Тихомъ океанѣ американской авіаціей были сфотографированы совѣтскіе суда «Сучанъ», «Сибирь» и «Чукотскъ» — первыя два спеціальныя суда для наблюденія за полетомъ баллистическихъ снарядовъ съ помощью электронныхъ приборовъ (electronic gear), а третье — база наблюдательныхъ вертолетовъ. Въ Антарктикѣ появилось новое судно для аэрологическихъ и океанографическихъ наблюденій «А. И. Воейковъ». Помимо спеціальной

подводной лодки для океанографическихъ изслѣдованій «Сѣверянка», въ 1959 году работавшей въ американскихъ водахъ, появилась теперь вторая однотипная лодка «Славянка». Обѣ лодки приводятся въ движеніе дизелями и электромоторами.

7. Ударная постройка торговыхъ судовъ. 1956-1959.

За эти годы построено значительное число судовъ для государственнаго торговаго флота, преимущественно, танкеры и рыболовныя суда. Самымъ крупнымъ судномъ совѣтскаго торговаго флота, построеннымъ въ эти годы, и вообще, является база китобойныхъ судовъ «Совѣтская Украйна», построенная въ Николаевѣ, водоизмѣщеніемъ 44.000 тоннъ.

8. Движеніе судовъ, визиты, маневры.

Въ іюлѣ 1959 года совѣтскій Тихоокеанскій флотъ производилъ маневры на огромномъ водномъ пространствѣ отъ Камчатки до острова Мидвэй. Помимо тральщиковъ и вспомогательныхъ судовъ, въ этихъ маневрахъ участвовали 8 крейсеровъ, до 40 эскадр. миноносцевъ и до 120 подводныхъ лодокъ. Въ ноябрѣ 1959 года крейсеръ «Адмиралъ Сенявинъ» и эскадр. миноносцы «Выдержанный» и «Возбужденный» (оба типа «Котлинъ») посѣтили Джакарту, гдѣ были восторженно встрѣчены населеніемъ. На походѣ въ Индонезію эти корабли попали въ сильнѣйшій штормъ, во время котораго лишній разъ доказали свои превосходныя мореходныя качества.

Лѣтомъ 1960 года маленькій финскій флотъ во главѣ съ самымъ крупнымъ своимъ кораблемъ, миннымъ заградителемъ "Keihässalme" въ 365 тоннъ, сдѣлалъ визитъ въ Ленинградъ. Офицеры были приглашены въ Москву, гдѣ ихъ чествовали въ Кремлѣ.

Въ сентябрѣ 1960 года Совѣтскій флотъ производилъ маневры въ Средиземномъ морѣ между Сициліей и Греціей. Въ маневрахъ участвовалъ прибывшій изъ Чернаго моря крейсеръ «Фрунзе» и базирующіеся на Сасено (Албанія) эскадр. миноносцы и подводныя лодки, всего 22 вымпела. Американскія и англійскія военныя суда и авіація внимательно слѣдили за передвиженіями совѣтскихъ судовъ.

Совѣтскія подводныя лодки, по-прежнему, развивали энергичную дѣятельность въ океанахъ и моряхъ. Въ 1959 году совѣтскія подводныя лодки наблюдались у мыса Горнъ и у береговъ Бразиліи, въ 1960 году у береговъ Аргентины, въ районѣ Кубы и Панамскаго канала, въ водахъ Нью-Фаундленда и въ другихъ мѣстахъ. Особенно точныя наблюденія за совѣтскими подв. лодками удалось сдѣлать американскому флоту въ водахъ Кубы въ февралѣ этого года, гдѣ были обнаружены 4 лодки, изъ которыхъ двѣ были знакомаго уже типа, а двѣ очень большого водоизмѣщенія и развивавшія подводную скорость въ 30 узловъ. Всѣ эти лодки приводились въ движеніе дизелями и электромоторами и всѣ были снабжены сноркелями. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ подлодокъ держался совѣтскій танкеръ «Александръ Невскій», очевидно служившій имъ базой. Другое точное наблюденіе было сдѣлано американской морской авіацией въ сентябрѣ у Нью-Фаунленда, гдѣ были обнаружены двѣ совѣтскія лодки дизельнаго типа, а въ 400 миляхъ восточнѣе были замѣчены совѣтскіе танкеръ «Кокандъ» и океанскій буксиръ «Капитанъ В. Федотовъ», буксировавшій большой наблюдательный аэростатъ.

Наборъ и тисненіе типографіи "Монастырская печать". Монтреаль. Канада.
Printed by "Monastery Press", 8601, Bloomfield Ave. Montreal, Que. Canada.